

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1 / 2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета».

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулунов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba) Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

*Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Протокол № 1 от 14.01.2025 г.*

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2024

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 1/2025

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Бессонова О.Л., Михачева С.П.</i> Лингвистические маркеры угроз в англоязычном конфликтном медиадискурсе	3
<i>Максимчук Н.А.</i> Об уровне характере лингвокультурной ценности устойчивых сочетаний смоленских говоров	15
<i>Зорина Е.С.</i> Роман П. Крусанова «Игры на свежем воздухе»: к вопросу о региолекте в художественном тексте»	26
<i>Рудометова С.М.</i> Цоканье как отличительная особенность мещерских говоров: история и современность	36
<i>Рязанова В.А., Станкус Е.Н.</i> Уровни структурно-семантической интерпретации аббревиатур носителями языка	47
<i>Северская О.И.</i> Поэтический региолект	58
<i>Тельманова А.С., Тельманова Е.А.</i> Визуальный контент современного PR-текста (на примере бэкграундеров кузбасских пресс-служб)	71
<i>Асташина Е.И.</i> Типология авторских метафор Е.И. Замятина, вербализованных в его художественном дискурсе	86
<i>Емельянова К.Ю.</i> Сложнопроизводные квазиаббревиатуры	104
<i>Руснакова Е.В.</i> Английский язык в цифровой среде: новые формы и лексические процессы	119
<i>Христочевская А.С.</i> Народная урбанонимика как маркер «свой/чужой» в локальных сетевых сообществах мегаполиса	130

Психология

<i>Сидоренков А.В.</i> Неформальные подгруппы в производственных группах: численный состав и отношения в подгруппах	146
<i>Восканян Я.Ю., Васильева О.С.</i> Психологические теории бесплодия: эволюция представлений	159
<i>Яновский М.И.</i> Модель псевдодеятельностных манипулятивных стратегий выстраивания социального пространства	173
Правила для авторов	185

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

*Series D: Philology and
Psychology*

No 1/2025

CONTENTS

Philology

<i>Bessonova O.L., Mikhacheva S.P.</i> Linguistic markers of threats in English media texts about conflicts	3
<i>Maksimchuk N.A.</i> On level nature of linguocultural value of set expressions in Smolensk dialects	15
<i>Zorina E.S.</i> Regiolect in the novel "Igry na Svezhem Vozdukhe" by P. Krusanov	26
<i>Rudometova S.M.</i> Pronouncing "ch" as "ts" as distinctive feature of Meshchersk dialects: history and present	36
<i>Ryazanova V.A., Stankus E.N.</i> Levels of native speakers' structural-semantic interpretation of abbreviations	47
<i>Severskaya O.I.</i> Poetic regiolect	58
<i>Telmanova A.S., Telmanova E.A.</i> Visual content of modern PR text (based on example of backgrounders of Kuzbass press offices)	71
<i>Astashina E.I.</i> Typology of author's metaphors in artistic discourse by E.I. Zamyatin	86
<i>Emelyanova K.Yu.</i> Complex derivative quasi-abbreviations	104
<i>Rusnakova E.V.</i> English in digital environment: new forms and lexical processes	119
<i>Christochevskaya Anna S.</i> Folk urbanonymy as "friend / foe" marker in metropolis local network communities	130

Psychology

<i>Sidorenkov A.V.</i> Informal subgroups in work groups: size and relations in subgroups	146
<i>Voskanyan Y.Y., Vasilyeva O.S.</i> Psychological theories of infertility: evolution of ideas	159
<i>Yanovsky M.I.</i> Model of pseudo-activity manipulative strategies for building up social space	173
Guidelines for authors	185

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 811.111'42
DOI: 10.5281/zenodo.14921367

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ УГРОЗ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОНФЛИКТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ¹

© 2025 О.Л. Бессонова¹, С.П. Михачева²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0000-0002-5171-9790.

ORCID²: 0009-0006-2299-0975.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются лингвистические маркеры угроз в медиатекстах, посвященных конфликтам. Основное внимание уделяется лексическим, грамматическим и стилистическим маркерам угроз в британских и американских медиатекстах о политических, экономических и религиозных конфликтах. Эмпирический корпус составили 226 медиатекстов периода 2020–2024 гг. из таких источников, как *The Daily Mail*, *The Washington Post*, *The Guardian*, *The New York Post*, *Reuters*, *RT*, *CNN*. В ходе исследования рассмотрены ключевые особенности конфликтного медиадискурса, описаны механизмы манипулятивного воздействия на реципиента в конфликтном контексте, установлена их роль в формировании общественного мнения лингвокультурного сообщества. Применение семантического, контекстуального, стилистического и дискурсивного анализа позволило определить и интерпретировать языковые средства выражения коммуникативного смысла угрозы в исследуемых медиатекстах. Сделан вывод о широком спектре языковых приемов, используемых для оказания воздействия посредством вербальных угроз в медиатекстах, при этом отмечены сложные, асимметричные отношения между формой и содержанием высказываний.

Ключевые слова: лингвистический маркер, медиадискурс, медиатекст, конфликт, вербальная угроза.

Для цитирования: Бессонова О.Л. Лингвистические маркеры угроз в англоязычном конфликтном медиадискурсе / О.Л. Бессонова, С.П. Михачева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 3–14. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14921367>.

1. Введение. Настоящее исследование фокусируется на анализе лингвистических маркеров угроз в англоязычных медиатекстах, посвященных конфликтам. Учитывая роль языка как ключевого инструмента коммуникации и когнитивного освоения окружающей действительности, а также его тесную связь с процессами инициирования, эскалации и урегулирования конфликтов, вполне закономерным представляется возросший научный интерес современной лингвистики к изучению конфликтного медиадискурса. В контексте увеличения числа конфликтов, войн и актов политического насилия по всему миру, изучение репрезентации угрозы в медиадискурсе становится

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

одной из центральных задач когнитивно-дискурсивной парадигмы. В рамках данного исследования лингвистические маркеры угроз рассматриваются как ключевые элементы конфликтного медиадискурса, понимаемого как динамический процесс вербальных и невербальных взаимодействий в социально-маркированных ситуациях, характеризующихся конфронтационными дискурсивными стратегиями и негативной эмоциональной тональностью.

Теоретико-методологической основой послужили труды, посвященные различным аспектам изучения дискурса, в частности, работы С. Букала [20], К. Габриэллатос [22], Дж. Э. Ричардсон [25], Б. Фрейзер [24], Г. Фуллер [23], а также исследования репрезентации угрозы в англоязычном медиадискурсе, а именно работы К. О. Гаус [3], И. Дини [21], Л. И. Магсумовой [7], Н. Е. Петровой [12], Т. Б. Радбиль [13], К. Ф. Седова [14], Б. Б. Сибиданова [15].

Актуальность исследования обусловлена повышенной конфликтогенностью современной социокультурной среды и значительной ролью масс-медиа в эскалации и поддержании конфликтных нарративов. Детальное изучение вербальных маркеров угроз представляется важным в контексте формирования методологии оценки потенциальной опасности высказываний, содержащих признаки угрозы. Репрезентация угрозы в медиатекстах, рассматриваемая как целенаправленная дискурсивная практика, ориентирована на оказание эмоционального воздействия на реципиента, что обуславливает необходимость углубленного анализа способов языковой репрезентации потенциальных угроз.

Объект данного исследования представляют англоязычные медиатексты, содержащие вербальную угрозу. В качестве **предмета исследования** выступают лингвистические маркеры угроз в англоязычных медиатекстах, посвященных конфликтам. **Целью исследования** является установление и описание вербальных маркеров угроз в англоязычном конфликтном медиадискурсе.

Эмпирический корпус составили 226 медиатекстов, посвященных политическим, экономическим, религиозным конфликтам периода 2020–2024 гг. из таких источников, как *The Daily Mail*, *The Washington Post*, *The Guardian*, *The New York Post*, *Reuters*, *RT*, *CNN*.

2. Характеристика терминологического аппарата исследования.

2.1. Особенности конфликтного дискурса. Конфликтным дискурсом называют область исследования, посвященную анализу языковых стратегий и тактик, используемых сторонами в конфликте для выражения своих позиций, убеждений, а также для управления восприятием и манипуляции аудиторией. К особенностям данного типа дискурса можно отнести различия в ценностях, несовпадения точек зрения и множественные личностные позиции конфронтующих сторон [18, с. 504].

Н.Н. Кошкарлова определяет термин **конфликтный дискурс** как деструктивную деятельность участников, подразумевающую речевое взаимодействие между адресантом и целевой аудиторией, предполагающее использование различных стратегий, тактик и способов воздействия для порождения конкретной реакции у адресата [6, с. 61].

Конфликтный дискурс рассматривается в качестве взаимодействия между оппонентами, каждый из которых стремится доказать (или даже навязать) свою точку зрения в случае их расхождения. В связи с этим справедливо упомянуть и о возникающей между ними антипатии, в большинстве случаев влекущей за собой взаимные оскорбления и/или угрозы [12, с. 128].

Н.А. Белоус указывает на амбивалентный характер конфликтного дискурса, вводя при этом термин «иллокутивная доминанта», под которым понимается девиантное речевое поведение, характеризующееся столкновением коммуникативных целей

оппонентов. В результате подобного противостояния отмечается изменение эмоционального состояния коммуникантов вследствие взаимного вербального воздействия [1, с. 6].

В рамках конфликтного дискурса участники могут использовать различные речевые стратегии с целью защитить собственные интересы или аргументировать свою точку зрения. Основными речевыми стратегиями конфликтного дискурса являются:

1) **стратегия дискредитации** (уничижительное отношение, умаление качеств оппозиционной стороны конфликта, подрыв доверия);

2) **стратегия дистанцирования** (игнорирование попыток оппонента вступить в диалог, намеренное избегание диалога);

3) **стратегия кооперации** (проявление поддержки, симпатии, сочувствия к собеседнику готовность слушать точки зрения оппонента, конструктивное обсуждение и поиск компромиссов);

4) **деструктивная стратегия** (обвинения, угрозы в адрес оппонента) [10, с. 11].

Сфера политических конфликтов представляет интересную с научной точки зрения область. Специфика конфликтов варьируется в зависимости от множества факторов, таких как идеологические разногласия, конкуренция за власть, национальные интересы, экономические противоречия. К основным причинам возникновения конфликта относятся негативные обстоятельства на фоне, нарушение процессов понимания, несоответствие практических и коммуникативных целей [2, с. 3]. Этапами развития конфликта являются «зарождение, созревание, речевой конфликт, пик, развитие, спад, консеквент» [1, с. 17].

Медиаконфликт включает, в свою очередь, в себя не только участников противоборствующих сторон, но и еще две стороны: автора публикации и массовую аудиторию. В данном случае автор публикации выступает в роли посредника, передающего позиции двух конфронтующих сторон [20, с. 141]. По мнению Б.Б. Сибиданова, медиаприсутствие несколько способно исказить конфликтный дискурс, так как присутствие массовой аудитории может оказывать влияние на поведение оппонентов. Также создание медиатекста происходит при посредничестве автора публикации (нередко от его позиции зависит восприятие конфликта массовой аудиторией) [15, с. 14].

2.2. Вербальная угроза в англоязычном медиадискурсе. В конфликтологии угроза рассматривается как вербальное сообщение, содержащее прямое или косвенное указание на негативные для адресата последствия [24, с. 162]. Иллокутивная функция речевых актов, содержащих угрозу, заключается в попытке запугать адресата, сообщая ему о возможности причинения серьезного вреда. Вызов подобных негативных чувств является основным средством, которые используются для манипуляции сознанием в медиaprостранстве [8, с. 10]. Чем большего воздействия на сознание реципиента хочет достигнуть адресант, тем категоричнее или экспрессивнее может быть оформлен акт угрозы [3, с. 32].

Ю.В. Щербинина выделяет угрозу как один из главных типов речевой агрессии и относит сюда также оскорбление (умышленное унижение чести и достоинства через использование неприличной формы), грубое требование, грубый отказ (неподобающий отрицательный ответ на просьбу без вежливости и объяснения), враждебное замечание, порицание, насмешка (колкость), ссора [19, с. 91–99]. Эту точку зрения разделяет и К.Ф. Седов, который также считает угрозу одним из типов речевой агрессии и квалифицирует в качестве угрозы инвективы, упрек, обиду, возмущение, обвинение,

колкость, насмешку, проклятье, грубое прекращение коммуникации, угрожающее молчание [14, с. 36].

Оценочная лексика, включая инвективную и стилистически сниженную, является основным инструментом вербальной угрозы [11, с. 15]. Уничижительные выражения и оскорбительные слова, которые в англоязычной культуре воспринимаются как прямые оскорбления, могут быть также квалифицированы как вербальные маркеры угроз [22, с. 404]. При этом важно отметить, что угрозы не всегда характеризуются неприятными для адресата выражениями. Довольно интересным, на наш взгляд, представляется наблюдение И. Дини относительно того, что отсутствие ругательств в угрозе верно для сообщений, авторами которых являются женщины [21, с. 40]. Это подтверждает тот факт, что гендер адресанта может в определенной степени влиять на уровень использования эмоциональной нецензурной лексики при выражении угрожающего сообщения.

Угроза становится действенной, когда она оказывает воздействие на собеседника, вызывая изменения в его состоянии [23, с. 667]. Также она должна выражать реальное намерение: говорящий должен действительно намереваться совершить объявленное действие, но только в том случае, если реципиент не будет соответствовать установленным говорящим параметрам поведения [13, с. 109].

3. Основные результаты исследования.

3.1. Лексические маркеры угроз.

3.1.1. Менасивные глаголы. В конфликтном медиадискурсе значительную роль играют менасивные глаголы, семантика которых эксплицирует действия, направленные на нанесение физического ущерба адресату. Использование менасивных глаголов способствует созданию эффекта устрашения, запугивания и формированию представления о возможности физической агрессии, тем самым реализуя коммуникативную интенцию говорящего:

(1) *If Iran **attacks** from its territory, Israel will **respond** and **attack** in Iran, Katz said.* ‘Если Иран **нападет** со своей территории, Израиль **ответит** и **нападет** на Иран, – сказал Кац’ [32].

Глагол *attack* ‘нападать’ повторяется дважды, что сильнее подчеркивает готовность Израиля к ответному удару. *Respond* ‘отвечать’ выглядит как угроза ответного действия, потенциально равного по масштабу. Вне данного контекста рассматриваемый нами глагол выражает нейтральную коннотацию, но в рамках конфликта он также служит лингвистическим маркером угрозы.

3.1.2. Имена собственные. В конфликтном дискурсе, при реализации стратегии угрозы, отмечается тенденция к использованию апеллятивных форм, представленных именем или фамилией адресата, что может интерпретироваться как маркер неуважения, целью употребления которого является принижение статусной позиции адресата в рамках коммуникативного взаимодействия:

(2) *The US president claims the Russian leader was personally responsible for the opposition activist’s demise: ‘We are going to announce sanctions against **Putin**, who is responsible for his death, tomorrow. We are not letting up’.* ‘Президент США утверждает, что российский лидер несет личную ответственность за гибель оппозиционного активиста: «Завтра мы собираемся объявить о санкциях против **Путина**, который несет ответственность за его смерть. Мы не отступим»’ [29].

3.1.3. Прилагательные. Адъективные единицы в англоязычных медиатекстах, освещающих конфликты, функционируют как усилители чувства опасности и неизбежности конфликтной эскалации:

(3) *If the enemy opt for **military** confrontation our army should deal **a deadly** blow to thoroughly annihilate them by mobilizing all **the toughest** means and potentialities without moments' hesitation.* 'Если враг выберет **военную** конфронтацию, наша армия нанесет смертельный удар, чтобы полностью его уничтожить, без колебаний, задействовав **самые мощные** средства и возможности' [35].

3.1.4. Местоимения 3-го лица. Использование местоимений третьего лица (*he, they*) для обозначения адресата в медиатекстах, посвященных конфликтам и насыщенным элементами угрозы, является одним из способов актуализации оппозиции «свой – чужой», что подчеркивает пренебрежительное отношение и устанавливает дистанцию между участниками коммуникации:

(4) *'When **they** attempt to appropriate our assets abroad, they should be aware that we also have something to claim back,' Volodin said during a meeting with lawmakers.* '«Когда **они** попытаются присвоить наши активы за рубежом, они должны знать, что нам тоже есть что потребовать обратно», – заявил Володин во время встречи с депутатами' [30].

3.1.5. Абстрактные существительные. В конфликтном дискурсе угроза может быть реализована с использованием абстрактных существительных, что позволяет ее интенсифицировать, делая ее менее конкретной и расширяя сферу ее потенциального воздействия. Угроза направлена не на конкретного индивида, а на отвлеченную силу или концептуальный конструкт:

(5) *The Houthis will 'respond to any **American aggression**,' and make the US 'kneel and burn its battleships and all its bases and everyone who co-operates with it, no matter what the cost.* 'Хуситы ответят на любую «**американскую агрессию**» и заставят США «встать на колени и сжечь их боевые корабли, все их базы и всех, кто с ними сотрудничает, чего бы это ни стоило»' [41].

3.1.6. Инвективы. В конфликтном дискурсе, где реализуется вербальная угроза, для номинации адресата применяются инвективные существительные. Данный прагматический ход является частью дискурсивной стратегии, направленной на дискредитацию определенного лица или политики, что способствует эскалации конфликтной ситуации:

(6) *Kim Yo-Jong, a close ally of the Korean **dictator**, said North Korea wouldn't hesitate to attack its 'enemy' South Korea as tensions explode on the border.* 'Ким Ё Чжон, близкий союзник корейского **диктатора**, заявил, что Северная Корея без колебаний нападет на своего «врага» Южную Корею, поскольку напряженность на границе растет' [34].

В данном примере слово *dictator* 'диктатор' является инвективным существительным, применяемым для обозначения лидера Северной Кореи (хотя формально оно относится к ее «близкому союзнику»), чтобы подобным образом подчеркнуть делегитимизацию северо-корейского режима.

3.1.7. Стилистически сниженная лексика. Стилистически сниженная лексика может использоваться для формирования негативного образа врага в глазах общественности. Это облегчает манипулирование общественным мнением и оправдание агрессивных действий против него:

(7) *Putin puppet Lukashenko insists Russia **WILL** use nukes if they fear defeat as he **rants** that the West plans to invade Belarus.* 'Путинская марионетка Лукашенко настаивает на том, что Россия применит ядерное оружие, если будет опасаться поражения, пока он **разглагольствует** о планах Запада вторгнуться в Беларусь' [37].

Для придания комичного образа политику используется стилистически сниженный глагол *to rant* 'разглагольствовать'. Данное языковое средство, эффективно

использованное журналистом, снижает уровень серьезности угрозы главы Беларуси, таким образом, искажая общий смысл сказанного.

3.1.8. Неопределенные местоимения. В случаях имплицитной вербализации угрозы для обозначения адресата характерно использование неопределенных местоимений, таких как *somebody, anyone, anybody*, или конструкции *any + noun*. Данный выбор местоименной референции способствует размытию границ адресата и усилению эффекта неопределенности угрозы:

(8) *We will consider **anyone** who tries to resist a threat and quickly destroy them.* ‘Любое лицо, оказывающее сопротивление угрозе, будет незамедлительно рассмотрено как цель для уничтожения’ [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

3.2. Грамматические маркеры угроз.

3.2.1. Пассивный залог. Пассивный залог позволяет сместить акцент с субъекта действия на сам объект, подвергающийся угрозе. Это может быть использовано для усиления ощущения опасности, нависшей над объектом. Также пассивный залог может создавать ощущение, что действие является неизбежным и неотвратимым, независимо от воли адресата:

(9) *Let me make it clear: the safety locks on triggers of our military **have been lifted**.* ‘Позвольте мне внести ясность: предохранители на спусковых крючках нашего арсенала сняты’ [36].

3.2.2. Условные предложения. Условные предложения в конфликтном дискурсе могут использоваться для манипуляции и оказания давления на адресата. С их помощью устанавливается связь между поведением адресата и желаемым исходом для говорящего, тем самым выбор сужается до подчинения или неблагоприятных последствий:

(10) *Mr Trump said that **if Iraq asked US forces to depart on an unfriendly basis**, ‘we will charge them sanctions like they’ve never seen before, ever’* ‘Господин Трамп заявил, что, **если Ирак недружественным образом попросит американские войска уйти**, «мы введем против них санкции, которых они никогда раньше не видели» [39].

3.2.3. Повелительное наклонение. Повелительное наклонение устанавливает четкую иерархию между говорящим и адресатом, причем говорящий находится на вершине, а адресат обязан подчиняться ему. Форма повелительного наклонения используется для прямого руководства действиями адресата, указывая, что именно он должен делать в данный момент:

(11) ***Do not make a mistake.** We do not want a war. But we are prepared to protect our civilians, our soldiers and our sovereignty,’ Israeli Defence Minister Yoav Gallant said in a statement, his remarks intended for Hezbollah.* ‘**«Не совершайте ошибку.** Мы не хотим войны. Но мы готовы защищать наших гражданских лиц, наших солдат и наш суверенитет», – говорится в заявлении министра обороны Израиля Йоава Галанта, обращенном к Хезболле’ [33].

3.2.4. Модально-оценочные средства позволяют говорящему не только констатировать возможность или необходимость определенных действий, но и выражать свое отношение к ним, усиливая или смягчая эффект угрозы, а также манипулируя восприятием аудитории:

(12) *The Armenian side **mustn't forget** that the state-of-the-art missile systems our army has are capable of launching a precision strike on the Metsamor nuclear power plant, and that would be a huge tragedy for Armenia.* ‘Армянская сторона **не должна забывать**, что новейшие ракетные системы, имеющиеся в нашей армии, способны нанести точный удар по Атомной электростанции Мецамор, и это будет огромной трагедией для Армении’ [26].

В данном контексте угроза выражена косвенно. Модальный глагол в отрицательной форме *mustn't forget* является предупреждением, замаскированным под напоминание. В контексте военной мощи такое напоминание о возможностях становится угрозой: забыть – значит, понести последствия. Также утверждение *state-of-the-art missile systems are capable of launching a precision strike* ‘новейшие ракетные системы способны нанести точный удар’ представляет собой описание технологических возможностей армии, что является не прямой угрозой, а демонстрацией способности нанести удар.

3.2.5. Восклицательные предложения. Такие предложения мгновенно привлекают внимание аудитории, что делает угрозу более заметной и запоминающейся. Подобные маркеры также демонстрируют, что говорящий серьезно настроен и готов предпринять решительные действия для реализации своей угрозы. Также восклицательные предложения могут использоваться для формирования негативного образа врага в глазах общественности:

(13) *Western nations must realise that we also have weapons that can hit targets on their territory. All this really threatens a conflict with the use of nuclear weapons and the destruction of civilisation. Don't they get that?!* ‘Западные страны должны осознать, что у нас тоже есть оружие, способное поражать цели на их территории. Все это действительно грозит конфликтом с применением ядерного оружия и уничтожением цивилизации. Неужели они этого не понимают?!’ [38].

3.3. Стилистические маркеры угроз.

3.3.1. Метонимия. Метонимия представляет собой фигуру речи, в которой название одного предмета или явления используется для обозначения другого, с которым оно находится в определенной связи (пространственной, причинно-следственной, ассоциативной) [17, с. 246].

В условиях новостных репортажей или аналитических статей важно быстро и эффективно передавать информацию. Метонимия позволяет использовать лаконичные, емкие образы, связанные с описываемым предметом. Как отмечает В.И. Соловьева, метонимия – очень важный стилистический прием в политической публицистике. Без нее тексты новостей были бы слишком громоздкими и не соответствовали бы структуре информационных заметок. Метонимия позволяет упростить структуру предложений и сделать текст более понятным для аудитории, что важно для информирования в политическом дискурсе [16, с. 283]. Следующий пример подтверждает эту мысль:

(14) *Israel knows what you're doing, and Israel knows where you're doing it.* ‘Израиль в курсе, что вы делаете, и Израиль знает где’ [40].

3.3.2. Метафора. Лингвистическим маркером угроз может выступать метафорический перенос значения, который происходит по принципу сходства. При этом между объектами устанавливается образное соответствие, не основанное на логической связи [9, с. 24]. Рассмотрим следующее предложение:

(15) *China is warning the U.S. that 'those who play with fire will perish by it'.* ‘Китай предупреждает США, что «те, кто играет с огнем, погибнут от него»’ [31].

Метафора в данном контексте делает высказывание более ярким и запоминающимся, чем простое констатирование факта, а также вызывает в сознании образ опасности, таким образом усиливая эмоциональное воздействие на адресата. Здесь метафора используется как косвенное предупреждение и как угроза в адрес США. Китай дает понять, что поддержка конфликта между Москвой и Пекином является опасной игрой, которая может привести к катастрофическим последствиям для самих США.

3.3.3. Ирония. Использование иронии, критических высказываний в адрес политиков, общественных деятелей и известных личностей, а также пренебрежительного

тона и насмешек по отношению к ним формирует у читателей определенное отношение к упоминаемым объектам и создает у них устойчивые речевые модели поведения. Часто использование иронии в высказываниях может расцениваться как форма агрессии, особенно если говорящий лишает адресата его коммуникативных прав и демонстрирует презрение или высокомерие к нему [5, с. 63]:

(16) *'We were stopping migrants and drugs – now you will have to catch them and eat them yourself,'* Lukashenko said. «Мы останавливали наркотики и мигрантов – теперь будете сами их есть и ловить» [27].

Ирония служит завуалированной угрозой. Лукашенко не говорит прямо о том, что Беларусь намеренно будет способствовать увеличению потока мигрантов и наркотиков в Европу, но его слова подразумевают, что это вполне возможно. Ирония унижает адресата, представляя его в комичном и беспомощном виде. Наряду с этим важно отметить, что данное высказывание ориентировано на создание медийного эффекта для привлечения внимания СМИ и общественности, что позволяет Лукашенко донести свою позицию до широкой аудитории.

3.3.4. Риторические вопросы. Еще одним эффективным средством вербализации угрозы в конфликтном дискурсе являются риторические вопросы. Риторический вопрос – это вопросительное по форме, но не вопросительное по содержанию высказывание, которое не предполагает получения информации от собеседника. Его основная функция заключается в передаче логико-интеллектуального сообщения, часто с акцентом на утверждение, а не на запрос информации. Также риторические вопросы могут использоваться для выражения разнообразных эмоций, таких как ирония, удивление, пренебрежение, возмущение, негодование, раздражение и другие:

(17) *'We are heating Europe. They still threaten us that they will close the border. And if we shut off natural gas there?'* said Lukashenko. «Мы обогреваем Европу. Они все еще угрожают нам, что закроют границу. **А что, если мы там перекроем поставки природного газа?**» – сказал Лукашенко» [28].

Риторический вопрос в данном контексте является способом выразить недовольство и агрессию. Он задается в ответ на предполагаемые угрозы со стороны Европы (закрытие границ) и служит своеобразным контраргументом, который подчеркивает силу позиции Лукашенко. Вопрос *And if we shut off natural gas there?* «А если мы перекроем газ?» предлагает гипотетическую ситуацию, которая подчеркивает готовность к применению силы в ответ на возможные санкции или угрозы, усиливая интонацию вызова и противостояния.

4. Заключение. Медиадискурс играет ключевую роль в современной коммуникации, являясь важнейшим инструментом как для распространения информации, так и для манипулятивного воздействия на общественное мнение. Вербальная угроза как важный элемент конфликтного дискурса активно используется для манипуляции и воздействия на сознание аудитории. Лексические и стилистические маркеры, такие как менасивные глаголы, оценочные прилагательные, инвективы, метафоры, метонимия и риторические вопросы усиливают эмоциональное воздействие и помогают создать необходимую атмосферу угрозы. Эти элементы не только передают угрозы, но и влияют на восприятие и поведение аудитории, заставляя ее реагировать на вызовы и угрозы с максимальной вовлеченностью. Кроме того, грамматические средства, такие как пассивный залог, формы наклонения, модальные глаголы, обеспечивают усиление угроз в политическом дискурсе, акцентируя внимание на важности событий и вероятности их реализации. Эти элементы усиливают давление на оппонента и аудиторию, создавая атмосферу напряженности и неопределенности.

Анализ таких маркеров позволил глубже понять механизмы воздействия языка в политическом и конфликтном контексте, а также оценить их роль в формировании общественных настроений и поведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с.
2. Васильченко Е.Е. Особенности реализации стратегий и тактик англоязычного конфликтного дискурса / Е.Е. Васильченко // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2023. – № 12 (104) – С. 123–140.
3. Гаус К.О. Концепт "THREAT" в медиадискурсе / К.О. Гаус, М.Ю. Рябова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 7 (120). – С. 32–34.
4. Дробот Д.С. Риторический вопрос как средство когнитивно-прагматического воздействия в медиадискурсе (на примере журналов Cosmopolitan и Glamour) / Д.С. Дробот // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4-1 (82). – С. 81–84.
5. Космодемьянская В.И. Агрессия в политическом дискурсе как институализированный вид речевой конфронтации / В.И. Космодемьянская, М.В. Лисенко, М.В. Малыхина // Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 60–64.
6. Кошкарлова Н.Н. Диалогические жанры конфликтного и кооперативного типов дискурса / Н.Н. Кошкарлова // Вестник Челябинского Государственного Университета. – 2014. – № 10. – С. 60–64.
7. Магсумова Л.И. Концепт «Угроза» в англоязычном политическом дискурсе / Л.И. Магсумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (65). – С. 125–128.
8. Навицкайте Э.А. Лингвистические средства создания образа исламской угрозы в англоязычном медиадискурсе : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Навицкайте. – Иркутск, 2012. – 17 с.
9. Опарина Е.О. Метафора в политическом дискурсе / Е.О. Опарина // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 22–30.
10. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Певнева. – Кемерово, 2008. – 26 с.
11. Петрова Е.А. Исследование инвективной лексики в конфликтном дискурсе / Е.А. Петрова // Вестник УЮИ. – Уфа : 2022. – №1 (95). – С. 126–135.
12. Петрова Н.Е. Язык Современных СМИ. Средства Речевой Агрессии / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибуцкая. – М. : Флинта, 2011. – 160 с
13. Радбиль Т.Б. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Юридические науки. – 2015. – № 9. – С. 108–111.
14. Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск, 2005. – С. 32–37.
15. Сибиданов Б.Б. Конфликтный Медиадискурс (по материалам прессы Бурятии) / Б.Б. Сибиданов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2019. – Том 4 (70). – № 1. – С. 12–31.
16. Соловьева В.И. Использование метонимии в политическом дискурсе / В.И. Соловьева // Молодой ученый. – 2023. – № 8 (455) – С. 283–284.
17. Сурова М.Н. Метонимия в политическом дискурсе / М.Н. Сурова // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 4 (59). – С. 246–248.
18. Хомякова О.Р. Конфликт как категория литературоведения: аналитические стратегии исследования / О.Р. Хомякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – № 3. – С. 501–510.
19. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю.В. Щербинина – М. : Флинта, 2004. – 324 с.
20. Boukala S. Medialinguistics: New ways of framing issues of language and communication in media analysis / S. Boukala, A. Cogo // Social sciences and humanities: Theory, methodology, and practice / eds. I. V. Ivanova, S. M. Abalmasova. – Publishing house "Science", 2017. – P. 134–156.
21. Deeney I. Stylistic Verbal Markers of Threat in Public Statements of Social Network Twitter / I. Deeney // Communication. Media. Design. – 2022. – Vol. 7, № 1. – P. 34–44.

22. Gabrielatos C. A corpus-based study of threat frames in UK print media / C. Gabrielatos // *Discourse & Society*. – 2016. – Vol. 27, № 4. – P. 387–411.

23. Fuller G. "The rhetoric of threat": Analyzing how threats are expressed and understood in political and security discourse / G. Fuller, M. Stoddart // *Journal of International Relations and Development*. – 2018. – Vol. 21, № 3. – P. 664–688.

24. Fraser B. Threatening revisited / B. Fraser // *Forensics*. – 2008. – Vol. 5, Iss. 2. – P. 159–173.

25. Richardson J.E. Verbal aggression and threat communication in political debates: A corpus analysis / J. E. Richardson, L. Barkho // *Journal of Political Communication*. – 2023. – Vol. 19, № 2. – P. 251–268.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

26. Azerbaijan threatens to cause a 'nuclear catastrophe' by attacking power station in Armenia amid deadly border clashes [Электронный ресурс] // *Daily Mail*. – 2020. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8534029/Azerbaijan-threatens-cause-nuclear-catastrophe-attacking-power-station-Armenia.html> (дата обращения: 15.05.2024).

27. Belarus dictator Lukashenko threatens to flood Europe with 'migrants and drugs' in retaliation for sanctions imposed for Ryanair hijacking [Электронный ресурс] // *Daily Mail*. – 2021. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9620727/Belarus-threatens-flood-Europe-migrants-drugs-response-sanctions.html> (дата обращения: 15.05.2024).

28. Belarus's Lukashenko warns Europe: Sanction us again and we could cut gas supply [Электронный ресурс] // *The Washington Post*. – 2021. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/europe/belarus-threaten-europe-gas/2021/11/11/970c725c-42df-11ec-9404-50a28a88b9cd_story.html (дата обращения: 15.05.2024).

29. Biden threatens Putin with 'major sanctions' over Navalny's death [Электронный ресурс] // *RT*. – 2024. – Режим доступа: <https://www.rt.com/news/592990-biden-putin-major-sanctions/> (дата обращения: 15.05.2024).

30. Could Russia take back Alaska? Inside Russia's threat to the West [Электронный ресурс] // *Express*. – 2022. – Режим доступа: <https://www.express.co.uk/news/world/1641578/russia-putin-plot-alaska-vyacheslav-volodin-threat-evg> (дата обращения: 15.05.2024).

31. China threatens nuclear war, expanding arsenal in case of 'intense showdown' with US [Электронный ресурс] // *NYPost*. – 2021. – Режим доступа: <https://nypost.com/2021/06/02/chinese-media-says-beijing-expanding-its-nuclear-arsenal/> (дата обращения: 15.05.2024).

32. Iran aims to contain fallout in Israel response, will not be hasty, sources say [Электронный ресурс] // *Reuters*. – 2024. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-aims-contain-fallout-israel-response-wont-be-hasty-sources-say-2024-04-11/> (дата обращения: 15.05.2024).

33. Israel threatens to 'return Lebanon to stone age' in any war with Hezbollah [Электронный ресурс] // *Reuters*. – 2023. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-threatens-return-lebanon-stone-age-any-war-with-hezbollah-2023-08-08/> (дата обращения: 15.05.2024).

34. North Korea vows military strike if any provocation, fires artillery rounds [Электронный ресурс] // *Reuters*. – 2024. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/north-koreas-kim-vo-jong-vows-immediate-response-provocation-kcna-2024-01-07/> (дата обращения: 15.05.2024).

35. North Korea will 'thoroughly annihilate' South Korea, US if provoked: Kim Jong Un [Электронный ресурс] // *NYPost*. – 2024. – Режим доступа: <https://nypost.com/2024/01/01/news/north-korea-will-annihilate-south-korea-us-if-provoked-kim-jong-un/> (дата обращения: 15.05.2024).

36. North Korea warns South of 'baptism by fire' [Электронный ресурс] // *RT*. – 2023. – Режим доступа: <https://www.rt.com/news/590235-kim-korea-shells-deception/> (дата обращения: 15.05.2024).

37. Putin puppet Lukashenko says a nuclear third world war 'looms on the horizon' and insists Russia WILL use nukes if they fear defeat as he rants that 'the West plans to invade Belarus' [Электронный ресурс] // *Daily Mail*. – 2023. – Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11923831/Putin-puppet-Lukashenko-says-risk-nuclear-war.html> (дата обращения: 15.05.2024).

38. Putin warns West of risk of nuclear war, says Moscow can strike Western targets [Электронный ресурс] // *Reuters*. – 2024. – 2024. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/putin-warns-west-risk-nuclear-war-says-moscow-can-strike-western-targets-2024-02-29/> (дата обращения: 15.05.2024).

39. Trump threatens Iraq with sanctions if troops are expelled from country [Электронный ресурс] // *BBC News*. – 2020. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51003159> (дата обращения: 15.05.2024).

40. US expects Iran to carry out direct attack on Israel, sources say, as Biden warns 'don't' [Электронный ресурс] // *CNN*. – 2024. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2024/04/12/politics/white-house-iran-threat-israel/index.html> (дата обращения: 15.05.2024).

41. US, UK begin bombing Yemen – Houthis RT [Электронный ресурс] // Swentr. – 2024. – Режим доступа: <https://swentr.site/news/590481-us-uk-begin-strikes-yemen/?ysclid=lr9vuq656c634816106> (дата обращения: 15.05.2024).

REFERENCES

1. Belous N.A. (2008). Konfliktnyi diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty [Conflict discourse in the communicative space: semantic and pragmatic aspects]. (Kandidat dissertation) Krasnodar (In Russian).
2. Vasil'chenko E.E. (2023). Osobennosti realizatsii strategii i taktiki angloyazychnogo konfliktnogo diskursa [Features of strategies and tactics the implementation in English-language conflict discourse]. Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal, 12(104), 123–140 (In Russian).
3. Gauss K.O., & Ryabova M.Yu. (2017). Kontsept "THREAT" v mediadiskurse [The concept of "THREAT" in media discourse]. Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniya, 7(120), 32–34. Tambov: Gramota (In Russian).
4. Drobot D.S. (2018). Ritoricheskii vopros kak sredstvo kognitivno-pragmaticheskogo vozdeistviya v mediadiskurse (na primere zhurnalov Cosmopolitan i Glamour) [Rhetorical question as a means of cognitive-pragmatic influence in media discourse (based on Cosmopolitan and Glamour magazines)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 4-1(82), 81–84 (In Russian).
5. Kosmodemianskaia V.I., Lisenko M.V., Malykhina M.V. (2024). Agressiia v politicheskom diskurse kak instiutalizirovannyi vid rechevoi konfrontatsii [Aggression in political discourse as an institutionalized type of speech confrontation]. Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena. Politicheskaiia lingvistika, 3(105), 60–64 (In Russian).
6. Koshkarova N.N. (2014). Dialogicheskie zhanry konfliktnogo i kooperativnogo tipov diskursa [Dialogic genres of conflict and cooperative types of discourse]. Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 10, 60–64 (In Russian).
7. Magsumova L.I. (2016). Kontsept "Ugroza" v angloyazychnom politicheskom diskurse [The concept of "Threat" in English-language political discourse]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 11–1(65), 125–128 (In Russian).
8. Navitskaite E.A. (2012). Lingvisticheskie sredstva sozdaniia obraza islamskoi ugrozy v angloyazychnom mediadiskurse [Linguistic means of creating the image of the Islamic threat in English-language media discourse]. Irkutsk: Irkut. gos. lingvistich. un-t. (In Russian).
9. Oparina E.O. (2002). Metafora v politicheskom diskurse [Metaphor in political discourse]. Politicheskaiia nauka, 3, 22–30 (In Russian).
10. Pevneva I.V. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki v konfliktnykh situatsiiakh obshcheniia obikhodnogo-bytyvogo i professional'nogo pedagogicheskogo diskursov russkoi i amerikanskoi lingvokultur [Communicative strategies and tactics in conflict situations of communication of everyday and professional pedagogical discourses of Russian and American linguocultures]. Kemerovo (In Russian).
11. Petrova E.A. (2022). Issledovanie invektivnoi leksiki v konfliktnom diskurse [Study of invective vocabulary in conflict discourse]. Vestnik UYI, 1(95), 126–135 (In Russian).
12. Petrova N.E., & Ratsibutskaia L.V. (2011). Iazyk Sovremennykh SMI. Sredstva Rechevoi Aggressii [Language of Modern Media. Means of Speech Aggression]. Moscow: Flinta (In Russian).
13. Radbil' T.B., & Iumatov V.A. (2015). Vyivlenie iazykovykh i sodержatel'nykh priznakov rechevogo akta ugrozy v ekspertyznoi deiatel'nosti lingvista [Identification of linguistic and content features of the speech act of threat in the expert activity of a linguist]. Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: Iuridicheskie nauki, 9, 108–111 (In Russian).
14. Sedov K.F. (2005). Rechevaia aggressiia v povsednevnoi kommunikatsii [Speech aggression in everyday communication]. In Rechevaia aggressiia v sovremennoi kul'ture. Chelyabinsk, 32–37 (In Russian).
15. Sibidhanov B.B. (2019). Konfliktnyi Mediadiskurs (po materialam pressy Buriatii) [Conflict Media Discourse (based on materials from the press of Buryatia)]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyi zhurnal, 4(70), 1, 12–31 (In Russian).
16. Solovieva V.I. (2023). Ispolzovanie metonimii v politicheskom diskurse [The use of metonymy in political discourse]. Molodoi uchenyi, 8(455), 283–284 (In Russian).
17. Surova M.N. (2016). Metonimiiia v politicheskom diskurse [Metonymy in political discourse]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia, 4(59), 246–248 (In Russian).
18. Khomiakova O.R. (2021). Konflikt kak kategoriia literaturovedeniia: analiticheskie strategii issledovaniia [Conflict as a category of literary criticism: analytical research strategies]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Literaturovedenie. Zhurnalistika, 3, 501–510 (In Russian).

19. Shcherbinina Iu.V. (2004). Russkii iazyk. Rechevaia aggressiia i puti ee preodolenia [Russian language. Speech aggression and ways to overcome it]. Moscow: Flinta (In Russian).

Поступила в редакцию 13.02.2025 г.

LINGUISTIC MARKERS OF THREATS IN ENGLISH MEDIA TEXTS ABOUT CONFLICTS

O.L. Bessonova, S.P. Mikhacheva

The article deals with linguistic markers of threats in media texts about conflicts. The focus is made on lexical, grammatical, and stylistic markers of threats in British and American media texts about political, economic, and religious conflicts. The empirical corpus consists of 226 media texts covering the period of 2020-2024 from such sources as *The Daily Mail*, *The Washington Post*, *The Guardian*, *The New York Post*, *Reuters*, *RT*, *CNN*. In the course of the research the key features of conflict media discourse have been considered. The mechanisms of manipulative influence on the recipient have been described. Their role in shaping public opinion of the linguocultural community has been highlighted. The application of semantic, contextual, stylistic, and discourse analysis enabled to identify and interpret the linguistic means of expressing the communicative meaning of the threat in the media texts under study. A conclusion is made about a wide range of linguistic techniques used to exert influence through verbal threats in media texts, with complex, asymmetrical relationships between the form and content of utterances being stressed.

Key words: linguistic marker, media discourse, media text, conflict, verbal threat.

Бессонова Ольга Леонидовна.

Доктор филологических наук, профессор.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Заведующий кафедрой английской филологии.
ORCID: 0000-0002-5171-9790.

E-mail: o.bessonova.2023@list.ru.

Михачева Снежана Павловна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Студент, магистр.
ORCID: 0009-0006-2299-0975.

E-mail: mikhachova_snezhana@mail.ru.

Bessonova Olga Leonidovna.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Head of English Philology Department.

ORCID: 0000-0002-5171-9790.

E-mail: o.bessonova.2023@list.ru.

Mikhacheva Snezhana Pavlovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Master student of Faculty of Foreign Languages.

ORCID: 0009-0006-2299-0975.

E-mail: mikhachova_snezhana@mail.ru.

Научная статья

УДК 81:112

DOI: 10.5281/zenodo.14921421

ОБ УРОВНЕВОМ ХАРАКТЕРЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ

© 2024 *Н.А. Максимчук*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет»

ORCID: 0000-0003-2792-1355

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается проблема установления уровневых характеристик диалектных устойчивых единиц в структуре регионального фрагмента смоленской диалектной картины мира. Материалом исследования служит Словарь смоленских говоров, из которого методом сплошной выборки извлекаются все устойчивые обороты с географической привязкой к одному из районов смоленско-могилевского приграничья. Выявленные устойчивые единицы структурируются на основе ареала их распространения: 1) общерусские, 2) общесмоленские, 3) региональные; проводится анализ выявленных группировок с точки зрения уровня лингвокультурной ценности, носителями которой они являются. На основе анализа делаются выводы 1) о соотношении общерусского, общесмоленского и регионального компонентов в структуре данного фразеологического фрагмента смоленской диалектной картины мира, 2) о взаимосвязи уровня лингвокультурной ценности устойчивых диалектных единиц и ареала их распространения, 3) о возможности характеристики лингвокультурной ценности диалектных устойчивых единиц с позиций ее абсолютности / относительности.

Ключевые слова: диалектная картина мира, смоленские говоры, диалектная фразеология, устойчивые сочетания, лингвокультурная ценность, уровень лингвокультурной ценности, абсолютность / относительность лингвокультурной ценности.

Для цитирования: Максимчук Н.А. Об уровневом характере лингвокультурной ценности устойчивых сочетаний смоленских говоров / Н.А. Максимчук // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 15–25. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14921421>.

Введение. В традиционном внимании лингвистических исследований к народным говорам, имеющем достаточно длительную историю, сегодня формируются новые аспекты и направления, поскольку диалектология как область лингвистики не может не реагировать на общие процессы в развитии ее теории и методологии. В частности, речь идет об идеях когнитивной лингвистики, переносающей акцент с изучения формальной стороны системы и структуры языка на проблему способности языковых единиц отражать специфику мировидения и мировосприятия (картины мира) носителя языка (языковой личности). В национальной языковой картине мира, в соответствии со структурой национального языка, помимо общенациональных компонентов (общезыкового ядра), могут быть выделены фрагменты, ограниченные определенными параметрами. Одним из таких параметров является территориальная ограниченность: на основе территориального фрагмента национального языка формируется диалектная (и/или региональная) картина мира, отражающая мировидение жителей данных территорий.

В одной из первых развернутых дефиниций диалектной языковой картины мира (далее – ДЯКМ), сформулированной К.И. Демидовой, ДЯКМ определяется как «территориальный вариант национального образа мира, отраженный в совокупности коммуникативных средств и в *системе ценностных ориентаций диалектного сообщества* (курсив наш – Н.М.)» [6, с. 5–6]. Характеризуя ДЯКМ как «схему восприятия действительности», автор подчеркивает определяющее влияние на особенности мировосприятия диалектного сообщества условий его жизни – природных, экономических, хозяйственных, бытовых и др., а также истории и культуры конкретной территории [Там же].

Специфика диалектной языковой картины мира, как и любой другой, формируется средствами всех языковых уровней – от фонетического до синтаксического [2 и др.]. При том, что номинально эти средства соотносимы с соответствующими средствами общенародного, литературного языка, они отличаются от последних «по своему богатству и своеобразию», поскольку носитель диалекта «иначе "ословливает" окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка» [7; 16]. В рамках исследования диалектной картины мира выявление такого рода различий составляет актуальную задачу современной диалектологии.

Однако специфика ДЯКМ проявляется не только на фоне литературного языка [17 и др.]. Принимая во внимание обширность территорий бытования русских народных говоров и разнообразие присущих этим территориям условий жизни, формирующих мир диалектоносителя, несложно прийти к очевидному выводу о существовании в рамках общерусской ДЯКМ относительно самостоятельных ее фрагментов большей или меньшей локализации (региона, области, района, деревни и т.п.). И если собственно языковые особенности говоров разных территорий – северных, южных, уральских, сибирских, псковских, архангельских и т.д. – детально исследованы трудами не одного поколения диалектологов, то описание «территориального варианта национального образа мира» в масштабах различных его локаций находится на этапе активной разработки.

Одним из наиболее культуроемких средств формирования и языкового отражения «образа мира» являются фразеологические (в широком смысле) единицы. Такие единицы, наряду с безэквивалентной и фоновой лексикой, именами собственными, вербализованными стереотипными представлениями носителей данной лингвокультуры и др., в целом характеризуются как носители национально-культурной семантики, поскольку в них отражается существенная часть национальной картины мира, национального менталитета. Эта способность фразеологических единиц привлекает внимание исследователей как к общим вопросам диалектной фразеологии (Л.А. Ивашко, В.М. Мокиенко, Е.В. Брысина, И.А. Кобелева, Ю.Г. Косякова, Р.Х. Хайруллина и др.), так и к фразеологии говоров отдельных российских регионов (А.И. Федоров – говоры Сибири [18], И.А. Кобелева – костромские говоры [9], С.О. Кипарисова – рязанские говоры [8], В.Б. Сузанович, Т.С. Воробьева, Л.И. Шаповалова – говоры могилевско-смоленского пограничья [22], С.М. Белякова – тюменские говоры [1], Е.В. Брысина – говоры донского казачества [3], А.С. Данилевская – говоры Приамурья [5], В.Ю. Краева – говоры Алтая [10], К.Н. Прокошева – пермские говоры [21] и мн. др.).

Объектом исследования в данной работе являются устойчивые диалектные единицы смоленских говоров. Цель работы – сопоставительное исследование уровня *лингвокультурной ценности* (ЛКЦ) устойчивых единиц локального фрагмента смоленской ДЯКМ.

Материалы и методы исследования. Источником материала исследования служит Словарь смоленских говоров (ССГ) [24]. Рассматриваются зафиксированные в Словаре устойчивые единицы Шумячского района Смоленской области с точки зрения их соотношения с диалектными фразеологическими структурами более крупных территориальных образований.

Общее количество устойчивых оборотов, зафиксированных в ССГ, составляет 1879 единиц. На первом этапе методом сплошной выборки выявляются все устойчивые единицы с географической привязкой к указанному району (помета *ШУМ.*). На втором этапе полученный материал структурируется на основе указанного в словарной статье ареала распространения данных устойчивых оборотов. С ориентацией на состав территориальных помет выделяются три уровня распространения выделенного оборота: 1 – общерусский (пометы *ШУМ.*, *СРНГ*, *Даль*), 2 – общесмоленский (пометы *ШУМ.*, *Д(обровольский). 1914* и другие районы Смоленщины), 3 – региональный (только помета *ШУМ.*). На третьем этапе проводится сопоставительный анализ выявленных группировок устойчивых оборотов с точки зрения уровня лингвокультурной ценности, носителями которой они являются.

Основная часть. Создание Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым первой в отечественной науке лингвокультурологической теории слова [4], как известно, было мотивировано растущими потребностями и задачами теории и практики обучения русскому языку как иностранному, переживавшими в тот период свой расцвет. На этой почве понятие национально-культурной семантики – лингвокультурной ценности единиц русского языка длительное время рассматривалось преимущественно в рамках их сопоставления с единицами другого (иностранного) языка, что выразилось, в частности, в появлении большого количества исследований русской лексики и фразеологии «на фоне» самых разных иностранных языков. Однако активное развитие лингвокультурологического направления, выделившегося в итоге в самостоятельную интегративную дисциплину – лингвокультурологию, а также влияние ряда экстралингвистических факторов привело к формированию, углублению и расширению исследовательского интереса к лингвокультурологической специфике языковых единиц, выявляемой на внутриязыковом уровне.

Выделение русской ДЯКМ как полноценного фрагмента русской национальной картины мира, по сути, и является констатацией важности исследования особенностей (сходства и различий) мировосприятия носителей разных подсистем русского национального языка, в данном случае – общенародной и диалектной.

С другой стороны, исследования русских народных говоров с очевидностью демонстрируют существование значительных различий внутри самой диалектной системы (достаточно упомянуть хотя бы исходное разграничение северных и южных русских говоров и т.д.). Однако различия крупных диалектных образований, в свою очередь, складываются из особенностей входящих в них диалектов и говоров более узкой локации, в которых, помимо общедиалектных, обнаруживаются собственные, специфические, черты. Следовательно, в задаче исследования ДЯКМ также могут быть обозначены два основных направления: 1) описание ДЯКМ на фоне общенародной языковой картины мира, 2) сопоставительное описание (узко)региональных фрагментов ДЯКМ, отражающих мировидение и мировосприятие носителей конкретного диалекта, группы говоров, отдельного говора и т.п., различия между которыми также являются объективной данностью. Проявление различий в составе и структуре фразеологического компонента ДЯКМ разных локаций, обуславливающих одну из характеристик уровня

лингвокультурной ценности диалектных устойчивых единиц, составляет предмет обсуждения в данной работе.

Эти различия, в свою очередь, могут проявляться 1) во внешнем плане – в соотношении общего и индивидуального в составе культураносных единиц на разных уровнях структуры ДЯКМ, 2) во внутренних различиях (смысловых, образных, фоновых, ассоциативных и под.) формально (лексически) или семантически близких (совпадающих) единиц. В рамках данной статьи основное внимание уделено первому из указанных аспектов.

Тесная связь фразеологических единиц и культуры обусловлена их способностью отражать «народную физиономию языка, его оригинальные средства и самородное богатство» (В.Г. Белинский), «национальную самобытность народа – носителя языка...» (В.Н. Телия). В современных исследованиях, характеризующих место фразеологического компонента в формировании ценностной составляющей картины мира, подчеркивается сосуществование в ее составе и общечеловеческих, и национальных компонентов. При этом отмечается, что в рамках отдельной культуры в картине мира могут проявляться особенности мировосприятия различных социальных групп носителей языка (В.И. Карасик и др.). Всестороннее изучение этих особенностей позволяет проникать вглубь культуры и мировидения носителя языка, в данном случае – носителя диалектного компонента русского национального языка.

В составе русских диалектов функционирует большое количество разного рода устойчивых (фразеологических – в широком смысле) единиц. Способность фразеологических единиц быть средством выражения специфики национальной культуры и ментальности объективируется в понятии *лингвокультурной ценности*, которая обуславливается одновременной принадлежностью данных единиц и языку, и культуре и проявляется наличием культурного компонента в семантике и прагматике языковой единицы и/или в специфике ее языкового выражения. Лингвокультурная ценность языковых единиц определяется характером и объемом заключенной в них лингвокультурологической информации, а также их статусом в языковой системе. Исходный уровень ЛКЦ конкретной единицы может определяться с учетом иерархической организации соответствующей языковой подсистемы.

В структуре диалектной подсистемы русского языка в несколько упрощенном виде можно выделить три основных уровня: *общедиалектный (общерусский)*, представляющий всю совокупность русских народных говоров – наиболее полная его фиксация осуществлена в Словаре русских народных говоров (СРНГ); *общерегиональный*, охватывающий группу говоров, характеризующих тот или иной регион, по названию которого, как правило, эти говоры идентифицируются: *архангельские, псковские, вологодские, костромские, брянские* и т.д.; на *локальном* уровне рассматриваются говоры, выделяемые в составе (обще)регионального: это могут быть говоры конкретного района (нескольких территориально связанных районов), группы деревень, отдельной деревни и т.п.

В данном случае предметом рассмотрения являются устойчивые обороты *локального уровня*, зафиксированные в составе Словаря смоленских говоров. Конкретная географическая привязка материала охватывает территорию Шумячского района Смоленской области. Задача состоит в том, чтобы выявить состав устойчивых единиц данной территории Смоленщины и установить уровень их лингвокультурной ценности в структуре фразеологического компонента ДЯКМ. Отметим, что при осуществлении этой задачи на шумячском материале следует учитывать некоторые особенности

положения диалектной лексики Шумячского района в Словаре смоленских говоров, обусловленные, в том числе, ввелингвистическими причинами.

Шумячский район находится на юго-западе Смоленской области, гранича с Климовичским районом Могилевской области Республики Беларусь. Пограничное положение территории современного Шумячского района, ее сложная историческая судьба на фоне общей драматической судьбы смоленских земель (длительные периоды нахождения в составе Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Могилевской губернии и др.), тесные бытовые, экономические, хозяйственные, семейные и др. связи жителей пограничных территорий не могли не наложить отпечаток на культурную и языковую и среду так называемого *Шумячского Порубежья* (подробнее в [11; 12]). Это стало одним из факторов, повлиявшим на отношение смоленских диалектологов к говорам юго-западного пограничья как не специфично смоленским (белорусским). По этой причине на этапе сбора диалектного материала для будущего Словаря смоленских говоров данная территория оказалась недостаточно охваченной полевыми исследованиями, что сказалось на степени представленности в ССГ лексики Шумячского района. Сегодня эта лакуна в значительной степени заполнена благодаря масштабному труду могилевских исследователей – создателей «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) [22]. Материалы этого словаря предоставляют дополнительную информацию при уточнении территории распространения фразеологических единиц приграничных говоров, в том числе – отмеченных в ССГ как *шумячские* и/или имеющих помету *ШУМ.* в СМСПГ, а также имеющих помету *ШУМ.* в СМСПГ и обнаруженных в ССГ, но без привязки в последнем к Шумячскому району.

Определение уровня лингвокультурной ценности региональной устойчивой единицы (УЕ) по данным Словаря смоленских говоров проводилось в несколько этапов. На предварительном этапе методом сплошной выборки в словарных статьях Словаря смоленских говоров было выявлено 1879 устойчивых единиц. Далее из их числа были отобраны УЕ, имеющие помету *ШУМ.*, то есть зафиксированные в Шумячском районе. Их число составило 59 единиц. При дальнейшем формировании материала исследования в его состав было включено некоторое количество функционирующих на территории района УЕ, которые в ССГ не имеют пометы *ШУМ.* Скорее всего, отсутствие этой пометы объясняется уже упомянутой общей недостаточной исследованностью приграничных территорий при создании ССГ. Таким образом, в исходный список были включены устойчивые обороты, которые: 1) отмечены в Словаре смоленских говоров пометой *ЕРШ.* (территория соседнего *Ершичского* района, также граничащего с Республикой Беларусь, с 1963 года по 1972 год – период активного и одного из наиболее продуктивных этапов полевых исследований по сбору материала для ССГ – входила в состав Шумячского района, что могло отразиться на вариантах указания географической привязки диалектных единиц, функционирующих на общей территории); общее число выявленных оборотов такого рода – 23 единицы; 2) зафиксированы в личном собрании автора, составленном по материалам многолетних В результате можно говорить, что в ССГ представлено 278 шумячских УЕ (14,4% от общего количества УЕ в ССГ).

На втором этапе полученный материал классифицировался с точки зрения его статуса в структуре определенного фразеологического массива: 1) *общерусского*, 2) *общесмоленского*, 3) *локального (шумячского)*.

1. *Общерусский* уровень включает широкий круг фразеологических единиц русских народных говоров. Маркером отнесенности устойчивого оборота к этому уровню является указание его нахождения в наиболее полных и авторитетных на данный

момент источника: Словаре русских народных говоров (помета *СРНГ*) и/или в Словаре Даля (помета *Даль*) (завершение работы над созданием «Фразеологического словаря русских народных говоров» под руководством профессора В.М. Мокиенко позволит значительно уточнить данные об ареалах функционирования русских диалектных фразеологических единиц [14]).

Поскольку временной интервал между собранием В.И. Даля и созданием *СРНГ* составляет около полутора века, то эти пометы дают некоторую дополнительную информацию и о хронологических характеристиках состава русской диалектной фразеологии. В *ССГ* выявлено 27 шумячских УЕ с пометой *СРНГ* и 5 единиц с пометой *Даль*. Помета *ШУМ.* в указанных источниках означает наличие у данных устойчивых оборотов ЛКЦ 1-го уровня. Приведем несколько примеров:

БОГОВЫСЛЕЗКИ. Растение *Dianthus carthusianorum* L., гвоздика. Галубинькии цвяточки – богъвы слески. ДОР. Слобода. Ньбрала букет богъвых слезьк. ПОЧ. Светлое; **ШУМ. + СРНГ**, 3.

ПАМОРКИ НАПАЛИ (ОДОЛÉЛИ). Началось помрачение ума, затмение разума. Памырки ны яго ныпали. МОН. Слобода. Тимахвея адалели памьрки. ВЯЗ. Гридино; **ШУМ. + СРНГ**, 25.

В ПРО́ЧКИ (В ПРО́ЧКАХ). Уйдя от супруга (супруги). Жына дылжна жыть при любых условиях с мужым, а ни у прочкъх. ХИСЛ. Б. Лызки. Зять Змитракоу ни ужыгуса у примыках и ушоу у прочки. МОН. Полем; ГЛИНК., ДЕМ., ДУХ., ПОЧ., СМОЛ., **ШУМ. + СРНГ**, 33; Д. 1914; *Даль*.

В группе УЕ с пометой *СРНГ* обнаруживаются обороты, у которых в *ССГ* помета *ШУМ.* отсутствует, однако они зафиксированы в собрании автора, что позволяет отнести их к той же группе единиц первого уровня ЛКЦ. Надо отметить, что данные обороты не только известны на территории района, но и являются достаточно употребительными. Например:

ЛА́ЗАРЯ ПЕТЬ (ЗАПÉТЬ). Раскаиваться, сожалеть (раскаяться, пожалеть) по поводу содеянного. Я тябе зьстаулю лазьря петь, ты у мяне будиш знать, как амманывь ты. СМОЛ. Михновка. Пьгади, ты у мяне зыпаеш лазыря! Я табе пыкажу, как урать! СМОЛ. Михновка. + Д. 1914, **СРНГ**, 16.

НОЧНА́Я КУКУ́ШКА. О жене. Жыветь нявестка сы свякровый, и сын слухъить тока жонку, а мать дажа ни признаеть, штоб matka ни саветывыла, – усе зря. Тыда и швырять такую пыгаворку: «Нычная кукушка». СМОЛ. Жуково. + **СРНГ**, 21.

2. *Общесмоленский уровень* – это уровень собственно смоленских говоров. Основными маркерами при определении УЕ этого уровня служат: 1) отсутствие помет 1-го уровня ЛКЦ (то есть помет *СРНГ* и *Даль*); 2) отсылка к Смоленскому этнографическому сборнику В.Н. Добровольского (помета *Д. 1914*); 3) внутрорегиональные пометы Словаря смоленских говоров, указывающие районы распространения данного УЕ на территории Смоленщины.

Собрание устойчивых единиц, отмеченных в Смоленском областном словаре В.Н. Добровольского [20], фиксирует народные выражения, бытовавшие в Смоленской губернии на рубеже XIX–XX вв. Анализ пословиц из собрания Добровольского позволяет выявить характерные черты жизни, быта, мировоззрения, обычаев, верований смоленского крестьянина указанной эпохи, сопоставив их с общерусскими и с данными *ССГ*. Надо отметить, что полевые исследования В.Н. Добровольского проводились преимущественно в центральной части Смоленщины, чем можно объяснить ограниченное количество УЕ (49), отмеченных в *ССГ* одновременно пометами *Д. 1914* и *ШУМ.*, например:

ТРАСЦУ ТЫ ПОЛУЧИШЬ (ВОЗЬМЕШЬ и под.). **Ничего не получишь.** ПОЧ., РУДН., Х.-Ж., ШУМ. + Д. 1914.

ВОИТІ (ЗАИТІ) В ТРУБЎ. **Войти в берега после разлива (о реке).** Во и рика ужо у трубу выйшла, и агарот сух стау. ЕЛЬН. Клоково. Выда видя меньшыить, скоро уже у трубу зайдеть. РУДН. Шилово; ДОР., ПОЧ., РУДН., ШУМ. + Д. 1914.

На общесмоленском уровне также обнаруживаются УЕ, которые ССГ не отмечает пометой ШУМ., но которые зафиксированы в картотеке автора, например:

ШАЛ БЕРЕТ (ЗАБИРАЕТ, ХВАТАЕТ, ВЗЯЛ и т.д.). **О состоянии безудержного веселья, безрассудства, непослушания.** Чаго тибя шал бярець, ни пирид дабром! САФ. Дедово. Чаго тибя шал зыбираить, чаго ты кричиш? ПОЧ. Стригино. Чаго вас шал хвытаить, аретя, ни даеця паслухыть. КАРД. Бельчевицы; ДОР., СМОЛ. + Д. 1914.

ЩЁТОЧКОЙ ВЗОЙТІ. **Взойти ровно, густо (о всходах).** Д. 1914, 44.

ШАХОМ-МАХОМ. **Небрежно, наскоро, кое-как.** Толкмь здельый, што табе дали, а шахъм-махъм и бис тибя здельють. РУДН. Подсосно.

3. *Локальный (шумяцкий) уровень* может выделяться с разной степенью территориальной детализации – от группы деревень до отдельной деревни. Это единицы третьего уровня ЛКЦ, имеющие в ССГ только помету ШУМ. Например:

ЗАДАТЬ ЧЁСУ. **Наказать.** Мы дужа ни булувались, быялись, каб батька чесу ни зыдау. ШУМ. Понятовка.

И В УС НЕ ДМАТЬ. **Не обращать внимания.** И в ус ен ня дметь. ШУМ. Микуличи.

КРАСНАЯ ДЁВКА. **Радуга.** На неби красныя деука пъявились. ШУМ. Зверинка.

КРАСНЫЙ ТОРГ. **Богатая праздничная ярмарка.** Первыя скрясення пыста — красный торх, бальшей кирмаш. ШУМ. Осово.

НЕРВЫ ВЪРВАТЬ. **Заставить нервничать.** Дычка яе с ею живеть, уси нервы ей вырвыла. Вьлачуга тыкая, вадильсь с усими, ды ниhto замыш ни узяу. ШУМ. Тишковка.

РЖАВАЯ СПИЦА В КОЛЕСЁ. **Помеха.** Зачым жа быть ржавый спицей у кылясе? Ня хочыш работать – ни хади и ни мишай другим. ШУМ. Гневково.

Рассмотрение уровневой локализации диалектных устойчивых единиц на материале Словаря смоленских говоров (с учетом возможной неполноты представленной в Словаре информации [13]) позволяет сделать некоторые предварительные выводы об особенностях их ЛКЦ. Прежде всего, можно говорить об *абсолютном* и *относительном* характере лингвокультурной ценности УЕ, который определяется в зависимости от угла зрения.

На фоне общенародного, литературного языка ЛКЦ диалектных устойчивых единиц носит *абсолютный* характер, то есть она демонстрирует закреплённую в виде устойчивого оборота специфику мировосприятия диалектоносителем того или иного фрагмента окружающего мира. Способы выражения лингвокультурной специфики фразеологического фрагмента диалектной картины мира могут быть разнообразными, проявляясь как в собственно языковой форме (лексическими, синтаксическими, морфологическими и др. средствами, формирующими, в том числе, сферу фразеологических вариантов), так и в плане их семантико-коннотативного наполнения, видов метафорического осмысления, что, в определенной степени, ведет к образованию фразеологической синонимии как на диалектном, так и на общезыковом уровнях (детальное описание способов выражения ЛКЦ диалектных устойчивых единиц на фоне общенародного языка заслуживает отдельного внимания).

На внутрдиалектном уровне проявляется *относительность* ЛКЦ устойчивых оборотов, которая связана со статусом УЕ в системе диалекта.

Можно предположить, что в рамках рассматриваемой структуры уровень ЛКЦ диалектной единицы зависит от ареала ее функционирования: чем шире сфера распространения оборота, тем больше вероятность его проникновения в общенародный язык, что может ослаблять диалектную специфичность (или, по крайней мере, ее восприятие) данного оборота (ср., например, достаточно широкую распространенность в общенародной речевой среде выражений *ЛАЗАРЯ ПЕТЬ*, *НОЧНАЯ КУКУШКА* и др.). Следовательно, уровень ЛКЦ диалектных устойчивых единиц повышается по мере сужения территории их распространения. Именно на локальном уровне встречаются обороты единичной фиксации, обладающие, как представляется, наиболее высоким уровнем ЛКЦ. Так, только в одной шумячской деревне отмечено метафорическое обозначение радуги – *КРАСНАЯ ДЕВКА* (*ШУМ*. Зверинка), обладающее богатым ассоциативно-культурным фоном, отражающим многочисленные связи данного образа как собственно языкового, так и этнокультурного толка. Безусловно, когда речь идет о диалектном материале, следует делать поправку на степень исследованности территорий. Но в любом случае, вероятно, не стоит отрицать существования своего рода *диалектных фразеологических гапаксов*, исследование которых представляет большой лингвокультурологический интерес именно в силу их максимальной специфичности.

Однако и заключение, что высшую ступень в уровневой структуре ЛКЦ чаще занимают узколокальные диалектные единицы, также носит относительный характер. Так, в составе УЕ, имеющих в ССГ только локальную помету, есть такие, которые можно рассматривать как диалектные *варианты* общеизвестных оборотов (ср.: *РЖАВАЯ СПИЦА В КОЛЕСЕ* (*ШУМ*. Гневково) и широко употребительные, отмеченные во многих словарях фразеологизмов выражения *ПОСЛЕДНЯЯ СПИЦА В КОЛЕСНИЦЕ*, *ПЯТАЯ СПИЦА В КОЛЕСНИЦЕ*).

Таким образом, к вопросу оценки уровня ЛКЦ диалектных устойчивых единиц можно подходить с точки зрения соотношения языковых подсистем. Так, если рассматривать ЛКЦ устойчивых единиц в сопоставлении общенародного языка и диалекта, то следует признать, что наибольшим уровнем ЛКЦ обладают диалектные единицы первого (общерусского) ареала распространения, поскольку именно они способны выражать специфику мировидения значительной части носителей русского языка. С точки зрения внутридиалектных отношений, максимальный уровень ЛКЦ имеют диалектные фразеологические гапаксы.

Заключение. Рассматриваемый уровневой подход к описанию диалектной фразеологии позволяет сделать следующие выводы. Одним из факторов, определяющих уровень лингвокультурной ценности устойчивых диалектных единиц, является ареал их распространения. Фразеологический компонент ДЯКМ имеет уровневую (концентрическую) структуру, включающую (*узко*)*локальный*, *региональный* и *общерусский* уровни. Локальный уровень включает единицы, зафиксированные только на данной ограниченной территории. На следующих уровнях общий состав устойчивых оборотов расширяется за счет единиц, имеющих региональную и общерусскую известность. Можно предположить, что наибольший уровень относительной лингвокультурной ценности имеют фразеологические единицы, относящиеся к локальному уровню, то есть имеющие хождение на ограниченной территории существования того или иного говора. Иными словами, *уровень относительной лингвокультурной ценности диалектных фразеологических единиц* может быть *обратно пропорционален ареалу их распространения* и, соответственно, их статусу (рангу) в структуре диалекта. Межуровневое сопоставление диалектных УЕ может быть продуктивным методом исследования ее ЛКЦ.

Использование уровневого подхода при анализе устойчивых языковых единиц может помочь и в решении более общих задач, в том числе: 1) установить максимально конкретный ареал бытования отдельных УЕ; 2) вычислить количественные и определить качественные характеристики общих и различных единиц сопоставляемых уровней с учетом возможных территориальных комбинаций; 3) на основе установленного сходства и различия выделенных территориальных объединений очертить более конкретные контуры фразеологического фрагмента ДЯКМ говоров смоленско-могилевского пограничья. Для решения последней задачи, составляющей перспективу исследования, могут быть привлечены материалы по говорам других районов смоленско-могилевского пограничья, смоленско-брянского пограничья и дополненные материалы Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... канд. филол. наук / С.М. Белякова. – Екатеринбург, 2005. – 355 с.
2. Бец М.В. Диалектная картина мира как лингвокультурологический феномен (на материале диалектизмов русского и немецкого языков) / М.В. Бец, А.А. Лушпей // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (67), 2017. – С. 431–434.
3. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е.В. Брысина; М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : Перемена, 2003. – 292 с.
4. Верещагин Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1976. – 248 с.
5. Данилевская А.С. Диалектная фразеология русских говоров Приамурья как средство выражения региональной языковой картины мира / А.С. Данилевская // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3. – С. 175–176.
6. Демидова К.И. Диалектная лексика как источник изучения диалектной языковой картины мира в психолингвистическом аспекте / К.И. Демидова // Вестник ЮУрГУ. – 2011. – № 22. – С. 5–6.
7. Закуткина Н.А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века : дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Закуткина. – Екатеринбург, 2001. – 157 с.
8. Кипарисова С.О. Рязанская диалектная фразеология : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.О. Кипарисова. – Тамбов, 2019. – 25 с.
9. Кобелева И.А. Фразеология костромских говоров (лексикографическая оценка) / И.А. Кобелева // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т. 23. – С. 97–99.
10. Краева В.Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Краева. – Барнаул, 2007. – 255 с.
11. Крупнев П.А. Шумячское Порубежье // Перекресток: Шумячский альманах. Пятый выпуск. Смоленск. – Шумячи : Порубежье, 2007. – С. 515–519.
12. Максимчук А.Г. Порубежье / А.Г. Максимчук. – Смоленск : Смядынь, 1995. – 203 с.
13. Максимчук Н.А. Об информативности фразеологического компонента словаря смоленских говоров и возможностях ее расширения / Н.А. Максимчук // Слово – фразеологизм – дискурс: актуальные проблемы исследования в современном гуманитарном знании : Сб. статей / Сост. И.Ю. Третьякова, М.А. Фокина, под ред. И.Ю. Третьяковой, М.А. Фокиной. – Кострома, 2023. – С. 285–292.
14. Мокиенко В.М. Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров» / В.М. Мокиенко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3. – С. 190–198.
15. Радченко О.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина // Вопросы языкознания. – № 6. – 2004. – С. 25–48.
16. Стародубец С.Н. Западнобрянский региолект как лингвокультурное образование / С.Н. Стародубец, О.В. Белугина, С.П. Куркина, К.Н. Кириченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 19–32. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.12540980>
17. Урманчева И.С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры / И.С. Урманчева. – М. : Флинта, 2024. – 150 с.
18. Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология / А.И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1980. – 171 с.

19. Шаповалова Л.И. К разработке концепции «Фразеологического словаря могилевско-смоленского пограничья» / Л.И. Шаповалова, В.Б. Сузанович // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики : материалы Международной научной конференции, Минск, 2–4 ноября 2000 г. / науч. ред. И.И. Токарева. – Минск, 2001. – С. 176–181.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск : Типография П.А. Силина, 1914. – 1022 с.

21. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / К.Н. Прокошева. – Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2002. – 432 с.

22. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров / автор-составитель В.Б. Сузанович [ред. кол.: Л.И. Шаповалова (отв. ред.), И.Н. Лапицкая, Т.С. Воробьева]. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – 196 с.

23. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–33). – М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–1999. – Вып. 1–33.

24. Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / под. ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. – Смоленск : СГПИ – СГПУ, 1974–2005.

REFERENCES

1. Belyakova S.M. (2005). *Obraz vremeni v dialektnoj kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii russkix starozhil' cheskich govorov yuga Tyumenskoj oblasti)* [The image of time in the dialect picture of the world (on the material of lexicon and phraseology of Russian old-resident colloquialisms of the south of the Tyumen region)]. (Doctoral dissertation). Ekaterinburg (In Russian).

2. Bez M.V., Lushpej A.A. (2017). *Dialektnaya kartina mira kak ligvokul'turologicheskij fenomen (na materiale dialektizmov russkogo i nemeczkogo yazy'kov)* [Dialectal picture of the world as a linguocultural phenomenon (on the material of dialectisms of Russian and German languages)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6 (67), 431–434 (In Russian).

3. Bry'sina E.V. (2003). *E'tnokul'turnaya idiomatika donsogo kazachestva* [Ethnocultural idiomatics of the Don Cossacks]. Volgograd: Peremena (In Russian).

4. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. (1976). *Yazy'k i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazy'ka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguocountry Studies in Teaching Russian as a Foreign Language.]. Moscow: Russkij yazy'k (In Russian).

5. Danilevskaya A.S. (2014). *Dialektnaya frazeologiya russkix govorov Priamur'ya kak sredstvo vy`razheniya regional'noj yazy'kovej kartiny` mira* [Dialectal phraseology of Russian colloquialisms of Priamurye as a means of expressing the regional linguistic picture of the world]. *Problemy` istorii, filologii, kul'tury`*. 3, 175–176 (In Russian).

6. Demidova K.I. (2011). *Dialektnaya leksika kak istochnik izucheniya dialektnoj yazy'kovej kartiny` mira v psixolingvisticheskom aspekte* [Dialect lexicon as a source for studying the dialect language picture of the world in psycholinguistic aspect]. *Vestnik YuUrGU*. 22, 5–6 (In Russian).

7. Zakutkina N.A. (2001). *Fenomen dialektnoj kartiny` mira v nemeczkoy filosofii yazy'ka XX veka* [The Phenomenon of the Dialectal Picture of the World in 20th Century German Philosophy of Language]. (Doctoral dissertation). Ekaterinburg (In Russian).

8. Kiparisova S.O. (2019). *Ryazanskaya dialektnaya frazeologiya* [Ryazan dialect phraseology]. (Avtoref. doctoral dissertation). Tambov (In Russian).

9. Kobeleva I.A. (2017). *Frazeologiya kostromskix govorov (leksikograficheskaya ocenka)* [Phraseology of Kostroma colloquialisms (lexicographic evaluation)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23, 97–99 (In Russian).

10. Kraeva V.Yu. (2007). *Dialektnaya frazeologiya russkix govorov Altaya (lingvokul'turologicheskij aspekt)* [Dialectal phraseology of Russian colloquialisms of Altai (linguocultural aspect)]. (Doctoral dissertation). Barnaul (In Russian).

11. Krupenyov P.A. (2007). *Shumyachskoe Porubezh'e* [Shumyachskoe Porubezhye]. *Perekryostok: Shumyachskij al'manax*. 5, 515 – 519. Smolensk – Shumyachi: Porubezh'e (In Russian).

12. Maksimchuk A.G. (1995). *Porubezh'e* [Porubezhye]. Smolensk: Smyady'n (In Russian).

13. Maksimchuk N.A. (2023). *Ob informativnosti frazeologicheskogo komponenta slovary`a smolenskix govorov i vozmozhnostyax eyo rasshireniya* [On the informativeness of the phraseological component of the dictionary of Smolensk colloquialisms and possibilities of its expansion Ryazan dialect phraseology]. In *Slovo – frazeologizm – diskurs: aktual'ny'e problemy` issledovaniya v sovremennom gumanitarnom znanii* [Word –

phraseologism – discourse: actual problems of research in modern humanitarian science]. Pp. 285–292. Kostroma (In Russian).

14. Mokienko V.M. (2011). Proekt «Frazeologicheskogo slovary russkix narodny`x govorov» [Project ‘Phraseological Dictionary of Russian Folk Vocabularies’]. Problemy` istorii, filologii, kul`tury. 3, 190–198 (In Russian).

15. Radchenko O.A., Zakutkina N.A. (2004). Dialektnaya kartina mira kak idioe`tnicheskij fenomen [Dialectal picture of the world as an idio-ethnic phenomenon]. Voprosy` yazy`koznaniya. 6, 25–48 (In Russian).

16. Starodubecz S.N., Belugina O.V., Kurkina S.P., Kirichenko K.N. (2024). Zapadnobryanskij regiolekt kak lingvokul`turnoe obrazovanie [Zapadnobryanskiy regiolect as a linguocultural formation]. Vestnik Doneczkogo nacional`nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psixologiya. 3, 19–32 <https://doi.org/10.5281/zenodo.12540980> (In Russian).

17. Urmancheeva I.S. (2024). Dialektny`e varianty` obshherusskix frazeologizmov v govorax Nizovoj Pechory` [Dialect variants of All-Russian phraseological phrases in the Nizovaya Pechora dialects]. Moscow: Flinta (In Russian).

18. Fedorov A.I. (1980). Sibirskaya dialektная frazeologiya [Siberian dialect phraseology]. Novosibirsk: Nauka (In Russian).

19. Shapovalova L.I., Suzanovich V.B. (2001). K razrabotke koncepcii «Frazeologicheskogo slovary mogilevsko-smolenskogo pogranič`ya» [Towards the development of the concept of ‘Phraseological Dictionary of the Mogilev-Smolensk Borderland’]. In Yazy`k i kul`tura. Problemy` sovremennoj e`tnolingvistiki: materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Minsk, 2–4 noyabrya 2000 g. pp. 176–181. Minsk (In Russian).

Поступила в редакцию: 02.12.2024 г.

ON LEVEL NATURE OF LINGUOCULTURAL VALUE OF SET EXPRESSIONS IN SMOLENSK DIALECTS

N.A. Maksimchuk

The article deals with the problem of identifying the level characteristics of dialectal set expressions in the regional fragment of the Smolensk dialect picture of the world. The source of the empirical material is the Dictionary of Smolensk Dialects, from which all set phrases with a geographical reference to one of the regions of the Smolensk-Mogilev borderland area are excerpted by the continuous sampling method. The set expressions are arranged based on the area of their distribution: 1) all-Russian, 2) all-Smolensk, 3) regional. The analysis of the identified groupings has been carried out in terms of the level of linguocultural value they express. Based on the analysis, the following conclusions are made: 1) about the relationship between the all-Russian, all-Smolensk, and regional components in this phraseological fragment of the Smolensk dialect picture of the world; 2) about the relationship between the level of linguocultural value of the dialectal set expressions and the area of their distribution; 3) about the possibility of characterizing the linguocultural value of dialectal set expressions in terms of its absoluteness / relativity.

Key words: dialect picture of the world, Smolensk dialects, dialect phraseology, set expression, linguocultural value, level of linguocultural value, absoluteness / relativity of linguocultural value.

Максимчук Нина Алексеевна.

Кандидат педагогических наук, доктор филологических наук, профессор.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация.

профессор кафедры русского языка.

ORCID: 0000-0003-2792-1355.

E-mail: nmaximchuk@yandex.ru.

Maksimchuk Nina Alekseevna.

Candidate of Pedagogy, Doctor of Philology, Professor.

Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation.

Professor of the Russian Language Department.

ORCID: 0000-0003-2792-1355.

E-mail: nmaximchuk@yandex.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.14921442

**РОМАН П. КРУСАНОВА «ИГРЫ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ»:
К ВОПРОСУ О РЕГИОЛЕКТЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

© 2024 *Е.С. Зорина*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0000-0002-5928-9625.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается повествование современного художественного текста в русле актуальных коммуникативного и дискурсивного аспектов. Материалом для исследования послужил роман П. Крусанова «Игры на свежем воздухе». Лингвистический анализ направлен на языковые маркеры институциональных дискурсов в полидискурсивном тексте романа. Особый интерес представляют лексические маркеры институциональных дискурсов «охота» и «человек и природа». Среди лексических маркеров описываются регионализмы и профессиональная лексика охотников. Особая роль региональных черт в художественном повествовании подтверждается анализом синтаксического оформления речи героев-местных охотников и рефлексии над этими чертами в их речи героя-городского жителя, который выступает повествователем. Текст романа, будучи субтекстом для двух сверхтекстов русской литературы, формирует принципиальную диалогичность на дискурсивном уровне. Интенция автора предполагает включение читателя в этот диалог, что возможно при наличии необходимых знаний о литературных традициях, и о диалектном и региональном многообразии современного русского языка.

Ключевые слова: региолект, диалектная лексика, профессиональная лексика, лингвистический анализ современного художественного текста, коммуникативный подход, дискурсивный подход, охотничий дискурс, дискурс «человек и природа».

Для цитирования: Зорина Е.С. Роман П. Крусанова «Игры на свежем воздухе»: к вопросу о региолекте в художественном тексте / Е.С. Зорина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 26–35. – <https://doi.org/10.5281/10.5281/zenodo.14921442>.

Введение. Лингвистический анализ художественного текста предполагает обращение как к лингвистическим, так и к литературоведческим вопросам. Лингвистика сегодня имеет целый ряд инструментов для ответа на главный вопрос «Кто в тексте является заместителем говорящего?», который возник в рамках коммуникативной научной парадигмы в связи с изучением художественной коммуникации как особой, усложненной коммуникативной ситуации, где говорящего и слушающего заменяют соответственно Повествователь и Читатель [11, с. 200]. Основу семантического или коммуникативного подхода к лингвистическому анализу художественного текста в отечественной лингвистике заложил В.В. Виноградов, введя понятие «образ автора» в работе «Стиль "Пиковой дамы"» [4]. Как отмечает Т.В. Шмелева, термин «образ автора» прочно вошел в практику изучения текста, причем не только художественного, и стал мыслиться как один из конституирующих признаков речевого жанра [15, с. 326]. Дальнейший путь изучения и описания субъектной структуры повествования, связанный с накоплением инструментов лингвистического анализа художественного текста, имеет три основных направления: изучение структуры и композиции художественного

текста [11]; собственно коммуникативный подход и понятие «коммуникативный регистр речи» [7] и описание сверхфразовой организации художественного текста [6]. Все большее внимание к междисциплинарному подходу в лингвистике привело к следующему шагу – признанию целесообразности дискурсивного подхода к анализу художественного текста. Особенно важным дискурсивный подход является для текстов конца XX – начала XXI века, повествование которых характеризуется полимодальностью, полидискурсивностью, неявленностью субъекта повествования и немаркированностью смены повествовательных планов. Целью настоящей статьи является описание маркеров дискурса «охота» на материале романа П. Крусанова «Игры на свежем воздухе». Среди задач можно отметить краткое описание лингвистических основ для применения дискурсивного подхода при работе с художественным текстом, в частности, определение понятия «институциональный дискурс»; характеристика охотничьего дискурса в истории русской литературы; комплексный анализ фрагментов текста романа, содержащих дискурсивные маркеры, среди которых особое место занимают регионализмы.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужил текст романа П. Крусанова «Игры на свежем воздухе», изданного в 2023 г. [17] Текст имеет особую жанровую принадлежность, определенную самим автором, – роман-четки. Особая жанровая принадлежность указывает на место произведения в литературном дискурсе охоты: смещение фокуса внимания с краткой, быстрой фиксации, которую предполагает традиционная для литературного дискурса охоты форма записок, на обдумывание и анализ. Методом исследования является комплексный анализ художественного текста, выполненный в русле актуальной коммуникативной научной парадигмы. В центре внимания находятся достаточные для интерпретации и анализа фрагменты текста, содержащие маркеры дискурса «охота». Привлекается также и литературоведческий анализ. Такой собственно филологический подход позволяет наиболее полно интерпретировать художественный текст. О необходимом и последовательном сочетании собственно лингвистического и литературоведческого анализа Е.В. Падучева пишет: «...литературоведческий анализ не полон, если ему не предшествует более "примитивный", но в то же время и более основательный лингвистический [анализ]» [11, с. 198]. Привлечение междисциплинарного подхода при анализе языковых единиц позволяет расширить горизонты анализируемого материала, методов и приемов анализа.

Основная часть. Началом для рассуждений о субъектной структуре художественного повествования В.В. Виноградова [4] послужила первая фраза повести А.С. Пушкина «Пиковая дама»: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова». Глагол *играть* в форме прошедшего времени множественного числа не указывает на субъект, а подразумевает выбор: субъект 1-го лица множественного числа (мы), 2-го лица множественного числа (вы) и 3-го лица множественного числа (они). Опора на анализ собственно языковых единиц: грамматических и лексических, – лежащая в основе лингвистического анализа художественного текста, открыла возможность в дальнейшем говорить о маркерах субъекта-повествователя. Выявление и анализ маркеров субъекта-повествователя затрагивает весь комплекс вопросов, связанных с субъектной организацией повествования, авторской модальностью и реализацией интенции автора. Два других понятия, которые вводит В.В. Виноградов в той же работе: «субъектная сфера речи» и «субъектно-экспрессивные формы синтаксиса», – послужили началом описания форм «чужой речи» и экспрессии на уровне синтаксиса. Отдельное внимание здесь уделяется конструкциям экспрессивного синтаксиса [1]. Важным этапом стали

исследования Е.В. Падучевой и классификация типов повествования на основе анализа эгоцентрических элементов, то есть «слов и конструкций, содержащих отсылку к говорящему (ego)» [11, с. 200]. Полисубъектные, полимодальные тексты современной художественной литературы с неявленным субъектом повествования, с принципиально усложненной структурой повествования потребовали от лингвистов создания новых исследовательских концепций и формирования методологических баз. Одним из необходимых аспектов комплексного исследования современного художественного текста является дискурсивный аспект. Л.Н. Синельникова в статье «Дискурс, еще раз дискурс!» пишет: «Антропоцентризм и текстоцентризм лежат в основе прагматики дискурса и создают методологическую базу для расширения представлений о семантике. Прагматика дискурса ориентирует на внимание к значению в условиях речевых действий адресанта и адресата как собеседников» [12, с. 139].

В ситуации усложненной коммуникативной ситуации художественного повествования дискурсивность понимается вслед за Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)». [16, с. 136]. «Социальное действие и событийность» из определения Н.Д. Арутюновой реализуется в художественном тексте в рамках институциональных дискурсов, которые представлены в одном пространстве с сюжетным повествованием художественного текста. Таким образом, текст включает все вербализованное ментальное пространство той или иной сферы знания [2, с. 17]. Цель собственно лингвистического анализа – выявление маркеров институциональных дискурсов в художественном повествовании. В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, например: политических, юридических, военных, педагогических, религиозных, мистических и т.д. отношений [8, с. 299]. Дискурсивизация художественного текста является результатом обращения автора к той или иной сфере «общения» из определения В.И. Карасика.

Роман П. Крусанова «Игры на свежем воздухе» встраивается в литературную традицию произведений об охоте, при этом характеризуясь своеобразной жанровой принадлежностью. В лингвистических исследованиях литературы об охоте определены основные характеристики охотничьего дискурса. В статье А.В. Мельниковой «Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX в.» говорится о двух полюсах охотничьего повествования, воплотившихся в текстах С.Т. Аксакова и И.С. Тургенева: природоведческий этнографический очерк и художественный рассказ или очерк, нередко слабо связанный с самой охотой, но сохраняющий образ повествователя-охотника. Далее автор подробно описывает историю литературной традиции произведений об охоте. Об особой популярности охотничьего рассказа и охотничьего цикла можно говорить во второй половине XIX в., когда в охотничьих рассказах крестьянин идеализировался и описывался как не имеющий пороков человек, живущий в гармонии с природой. Такой образ является центральным в «Записках охотника» И.С. Тургенева. Позже, к концу XIX века, жанр меняется; появляются работы, содержащие осуждение. К таким текстам можно отнести книгу В.Г. Черткова «Злая забава» (1893), статью Д.В. Григоровича «Горькая доля» (1898). Причиной для осуждения послужило понимание того, что для большинства охотников охота была развлечением и потехой. Такой способ общения с природой

порицался. Для крестьян, коренных жителей регионов охота всегда являлась важным промыслом. Затем охотничий рассказ становится ностальгическим. Охотничий нарратив модифицируется и намечаются новые направления в литературном дискурсе охоты. Фокус внимания смещается к описанию в аспекте модальности: ностальгическое изображение (А.И. Куприн, И.А. Бунин), практически-прагматическое изображение (А.П. Чапыгин, А.С. Новиков-Прибой), эмоционально-экспрессивное изображение (М.М. Пришвин, А.Н. Толстой). Как пишет А.В. Мельникова, появляются разные фигуры охотника, которые приходят на смену герою-охотнику, воспевающему природу и охоту с лирой в руках, а не с ружьем [10]. Романтическая модальность вообще свойственна охотничьему дискурсу, в том числе и в специальных текстах. В качестве примера можно привести статью Б. Маркова «Волшебная музыка гона», название которой уже содержит лексические маркеры лирического начала в описании процесса охоты для специалистов и любителей [9].

Роман «Игры на свежем воздухе» занимает свое место в истории произведений об охоте, встраиваясь в литературную традицию произведений об охоте сразу в нескольких аспектах: текст представляет собой сборник небольших по объему рассказов с едиными героями, повествователем и сквозным сюжетом; описания процесса охоты представлены от лица героя-знатока; текст содержит описания наблюдений за природой. Сюжет романа соответствует с традиции и не имеет сложных перипетий и линий: в Псковскую область ради охоты приезжает главный технолог типографии Русского географического общества Петр Алексеевич. Охотится он вместе с бывалым местным охотником Пал Палычем. Однако традиционные охотничьи зарисовки оказываются фоном или поводом для введения других институциональных дискурсов, чаще всего социального и философского. Главный вопрос социального дискурса в романе – осознанное потребление. Здесь роман можно характеризовать как полидискурсивный, так как социальный дискурс является продолжением еще одной литературной традиции, связанной с постановкой и разрешением вопроса о взаимоотношениях человека и природы. В центре данной литературной традиции находится хрестоматийный герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Евгений Базаров. Таким образом, роман П. Крусанова становится субтекстом сразу для двух сверхтекстов русской литературы.

Позицию героя – местного жителя, который в современном мире приходит на смену крестьянина из литературной традиции, в романе в рамках дискурса «человек и природа» формулирует сам герой. Лексемы, которые Пал Палыч использует для характеристики чиновников, отвечающих за лесное и охотничье хозяйство, за управление дикой природой, имеют яркую негативную эмоциональную окраску. Данные лексемы стоят в позиции приложений, формируя таким образом двойное именование: *прохвосты-егеря* и *оборотни-охотоведы*, – которое приобретает благодаря такой синтаксической позиции постоянный характер. Приезжие охотники, ради которых забывают о законах чиновники, так же названы устойчивыми сочетаниями с негативной эмоциональной окраской и разговорной стилистической окраской: *местный бугор* и *залетный туз*. Лексемы, используемые героем для наименования местных жителей и описания их охоты, не имеют негативной окраски, более того, в речи Пал Палыча появляются слова и словоформы, характерные для официально-делового стиля речи: *коренные народы Севера, мужик, не возбраняется бить, отказано в добыче*. Интересно, что, говоря об охоте, Пал Палыч говорит обо всех охотниках вообще и вне времени, сопоставляя положение дел в той местности, где живет он, с положением дел на *Севере*; и указывая, что местное население *искони* имело право охотиться на своей земле. Так реализуется идея об общем, глобальном и вневременном характере вопроса

взаимоотношений человека и природы, что соответствует концепции романа как полидискурсивного художественного текста. Даже беззаконие, возможное в охоте местных жителей, оценивается как незначительное, *малое*.

Пал Палыч намерен был провести ночь на дереве. Твердить ему о неприглядности самовольного пострела не имело смысла – на этот случай у него в запасе был ворох встречных аргументов, начиная от претензий прохвостам-егерям и оборотням-охотоведам, готовым выгнать зверя под ружье местного бугра или залетного туза в любой сезон, кончая лицемерными исключениями: мол, коренным народам Севера не возбраняется бить заповедного тюленя и кита, поскольку это их природный промысел, а мужику в добыче, какую брали искони в лесу его отцы и деды, отказано. Пал Палыч был уверен, что нипочем не возьмет на охоте лишнего, а потому и зверя от его малого беззакония не убудет. [17, с. 187]

– А что, скажите мне, такое значит – жить в природе? – задал Петр Алексеевич давно щекотавший язык вопрос. – По-вашему ведь это, верно, целая стратегия, особый жизненный уклад?

– Скажете тоже – стратегия, – водружая на хлеб ломоть сала, улыбнулся Пал Палыч. – Ничего мудреного. Живи и тем, что *тябе* природа дает, пользуйся, но только так, чтоб она *ня* обяднела, чтоб сохранилась, а то и умножилась. Нужна *тябе* лесина – *бяри*, но десять взамен *взятóй* посади. Это же *ня* сложно. Или с *пчалáми* тоже – я за ними слежу, чтоб ни моли, ни *варроатоза*, *подкормлю*, когда надо, *рои* словлю, *маточники* *вырежу*... А они мне за то меду, так что – и мне, и всей родне, и на продажу. Или вот охота... Корми зверя, чтоб плодился, *матку ня* трожь, лишнего *ня* добывай, а иной год и *ня* стреляй вовсе, если зверь на убыль пошел. А то у нас как? Сойдутся охотники в бригаду и *бьют зверя* подчистую – кабана, козу, лося... С одной *лицензией* весь сезон. Все зверье *извядут*. А вы, Петр Ляксеич, говорите – стратегия... [17, с. 122]

Пал Палыч не единственный герой романа – выразитель философии дискурса взаимоотношений человека и природы. Вот, например, слова героя деда Гени:

И тут дед в очередной раз вразумительно изрек:

– А *цо* бояца мне? *Ня бяри* чужого *ницóго* и *ня* бойся *никóго*. [17, с. 201]

Институциональные дискурсы в романе маркированы целым рядом языковых средств:

1) специальной лексикой и терминами: *выгнать зверя под ружье*, *бить тюленя и кита*, *природный промысел*, *брать добычу*, *брать на охоте*, *лицензия*, *варратоз*, *подкормить*, *словить рои*, *вырезать маточники*;

2) интердиалектными лексемами: *лесина*;

3) диалектными фонетическими чертами, яканьем: *тябе*, *ня* обяднела, *бяри*, *извядут*; цоконьем: *цо* бояца, *ницóго*; диалектной акцентуацией: *пчалáми*, *ницóго*, *никóго*;

4) просторечными формами: *взятóй*.

Важным является и синтаксическое оформление. В первом фрагменте речь Пал Палыча оформлена косвенной и несобственно-прямой речью, где точки зрения повествователя и героя не имеют специального оформления. Во втором фрагменте беседа героев оформлена диалогом; в третьем фрагменте слова героя оформлены прямой речью. Здесь появляются характерные для имитации спонтанной, разговорной речи в художественном тексте элементы:

1) паузы, маркированные пунктуационно – многоточиями в конце предложений;

2) конструкции экспрессивного синтаксиса, указывающие на эмоциональные переживания героев:

- вопросно-ответные конструкции в монологической речи: *А то у нас как? Сойдутся охотники в бригаду и бьют зверя подчистую – кабана, козу, лося...; А цо бояца мне? Ня бяри чужого ницџо и ня бойся никџо;*

- парцелляция: *Сойдутся охотники в бригаду и бьют зверя подчистую – кабана, козу, лося... С одной лицензией весь сезон;*

- параллельные конструкции именительного темы: *Или с пчалáми тоже – я за ними слежу, чтоб ни моли, ни варроатоза, подкормлю, когда надо, рои словлю, маточники вырежу... А они мне за то меду, так что – и мне, и всей родне, и на продажу. Или вот охота... Корми зверя, чтоб плодился, матку ня трожь, лишнего ня добывай, а иной год и ня стреляй вовсе, если зверь на убыль пошел.*

В связи с указанными особенностями речи местных жителей можно говорить о региолекте, который служит средством создания образа персонажей – охотников-местных жителей. Региолект – «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и поселки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса [5, с. 23]. Согласно определению региолекта В.И. Теркулова в статье «Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма», региолект – «это цельная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общеязыковые элементы. Уникальность региолекта создаётся, скорее, не за счет уникальности отмечаемых в нём конкретных языковых фактов, а за счет их "системного калейдоскопа", особой регионально маркированной организации языка» [13, с. 23] Региолект может включать: черты территориальных диалектов, региональные просторечия, городской жаргон и сленг [13, с. 24].

В романе отмечается именно не специфическое для определенного диалекта яканье, а региональная западная среднерусская особенность: *дярет, тямнота, ня ходи, к сястры, у зямли, няльзя, тябе, не обяднела, пярезимовали, подмяшал, пяред летком поставил, полятели, мяшком.* Это объясняется и тем, что в художественном тексте интенцией автора является не точная фиксация и передача диалектных особенностей речи героев, а создание образа, погружение читателя в определенную среду. В связи с исследуемым материалом можно также говорить о том, что региональные особенности речи выполняют функцию маркеров институциональных дискурсов в полидискурсивном художественном тексте. Герой – местный житель, охотник, – не носитель диалектных черт, а дискурсивный герой литературной традиции произведений об охоте. Речь героя маркирована для указания на принадлежность традиции, для реализации дискурсивности текста.

В речи героев встречается региональная черта широко северо-запада, новгородских и псковских говоров – деепричастные формы на *-вши*: *Что-то вы, Петр Ляксеич, заморивши, – сказал сзади Пал Палыч. – А ня спешите. Идите, будто гуляете* [17, с. 114]; *Он, Геня, умерши уже как пять месяцев – в мае* [17, с. 314]; *Все шастаешь по лесу, а повоевал бы во дворе или на огороде. Тяплица покосивши, гряды вон надо боронить, листья сграбать...* [17, с. 328] Здесь можно отметить и наличие лексемы с грубой разговорной окраской – *шастать*.

Лексические регионализмы служат не только для создания образа персонажа как жителя определенной территории. В дискурсивном аспекте в художественном тексте регионализмы указывают на региональную идентичность героев, то есть реализуют идею взаимосвязи человека и природы, земли, на которой он живет и которой

принадлежит, дарами которой разумно пользуется и заботится о том, чтобы дары земли не оскудевали. Как видно из примеров, приведенных выше, такая позиция противоположна позиции городских охотников, не заботящихся о природе. Такое противопоставление вписывается в широкую литературную традицию: противопоставления города и деревни. Важно отметить, что указания на региональные особенности речи героя Пал Палыча оформляются в тексте романа вставными конструкциями, которые содержат комментарии повествователя-горожанина. В следующем примере региональная лексема, на которую обращает внимание повествователь, выделена курсивом при первом употреблении в тексте романа «в прибрежном сите»:

Вскоре Пал Палыч показался из кустов. На озере было пусто – если утка здесь и садилась, то сейчас укрылась в прибрежном сите (Пал Палыч называл озерный камыш то тростой, то ситом, поскольку внутри тот был зубчатым, в дырочку; при этом Пал Палыч полагал, что троста – местное словечко, в то время как сито – ученое, книжное название) или землисто-бурой траве дальнего тряского берега [17, с. 186].

Еще один пример оформления рефлексии повествователя, в которой содержится указание на причину отсутствия «чистоты местного говора» в речи Пал Палыча, – образование и армейская служба. В.Д. Бондалетов отмечает, местный говор не сохраняется под влиянием окружающей языковой среды, под влияем городской речи. Возникает региолект – особая форма устной речи, которая совмещает в себе литературный язык, диалектные формы и развивающиеся новые особенности [3, с. 22].

– Петр Ляксеич, пригнитесь, – тихо сказал Пал Палыч, сам уже пригнувшийся и державший ружье на изготовку (здесь якали, вместо «что» говорили «кого», подрезали глагольные окончания и чудили с надежными: «по голове дярется», «кого говоришь?», «пошел к сястры», «Мурка приде и тябе поцарапае», а слово «студень» и вовсе было тут женского рода, однако Пал Палыч учился в техникуме на ветеринара и прошел армейскую службу, поэтому чистоту местного говора во всей полноте не сберег) [17, с. 106].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение профессиональной лексики охотников в романе. Устная речь профессиональных групп находится в поле зрения социолингвистики. Социальные диалекты служат средством связи для лиц, входящих в определенную социальную или профессиональную группировку, объединяют всех членов в одну корпорацию, имеющих свои интересы – профессиональные, социально-сословные, возрастные, культурно-эстетические и т.п. [3, с. 68] Профессиональная лексика охотников представлена в романе довольно большим количеством лексем: засидка, чучела, подсадные, с похода, отсидеть вечерку, утиная дневка, ногавка, по перу, солонец, махалки, добыть вальдишена на тяге, натаскивать собаку осенью по чарнотропу, пролетный вальдишен, пальнуть в угон метров с двадцати дублетом, взять волка без снега, взять волка на реву, яма-скрадок, подшуметь утку и т.д. Эти лексемы понятны как местным охотникам, так и городскому гостю, так как герои принадлежат одной профессиональной группе охотников. Профессиональная лексика маркирует дискурс охоты и позволяет автору создать образ городского охотника, хорошо знакомого с охотничьим делом. Таким образом, фокус внимания смещается на институциональный дискурс взаимоотношений человека и природы, который маркирован региональной лексикой. Однако и в профессиональном дискурсе в речи героя-местного охотника есть региональные особенности, на которые повествователь также обращает внимание во вставной конструкции:

Пал Палыч с Петром Алексеевичем отправились расставлять чучела (Пал Палыч сказал: «кидать болванов») [17, с. 319].

Институциональные дискурсы охоты и «человек и природа» находятся в диалоге: охотничий дискурс указывает на место романа в литературной традиции произведений русской литературы об охоте. Охота как повод для введения социального дискурса «человек и природа» открывает возможность обратиться к еще одному литературному дискурсу – взаимоотношения человека и природы, осознанного потребления, экологии. И.С. Тургенев служит связующей фигурой институциональных дискурсов в романе. Региональные особенности в речи героев-охотников создают образ профессионалов, хорошо знающих свое дело, ведущих историю этого дела от предков. Их дело – охота – представляется универсальным и древним. На этих основаниях местные охотники имеют свое суждение о том, как это дело должно быть организовано с пользой для человека и природы. Они противопоставлены городским охотникам, бездумно охотящимся ради забавы, но и не считают законы справедливыми, так как закон не учитывает «право» местного охотника брать то, что ему требуется для жизни, брать именно так и тогда, когда в этом местные охотники видят целесообразность и необходимость.

Заключение. Среди региональных черт в речи героев в романе отмечены следующие: диалектные черты, интердиалектные черты, просторечия, профессиональная лексика. Важно отметить, что региональные черты в тексте романа использованы с эстетической, художественной целью. Синтаксическое оформление высказываний героя-носителя охотничьей философии и правды (конструкции экспрессивного синтаксиса, НПП) и профессиональная лексика вместе с региональными особенностями маркирует институциональные дискурсы в романе. Так создается полимодальный, полидискурсивный художественный текст с объемным повествованием. Важной особенностью такого текста является принципиальная диалогичность: диалог героев, который возможен благодаря общей профессиональной охотничьей лексике; диалог литературных традиций с «общим» знаковым автором И.С. Тургеневым; диалог традиции и современности: охотники «всегда» и «сейчас»; диалог деревни и города (очевидно, данная тема требует отдельного рассмотрения). Интенция автора полидискурсивного художественного текста – активизация сознания читателя, формирование диалога автор-читатель, в котором читатель должен верно интерпретировать замысел автора, для чего требуются знания о литературных традициях, связанных с институциональными дискурсами текста; и о диалектном и региональном многообразии современного русского языка. Точки зрения [14] героев реализуются на уровне сверткестов в дискурсивном аспекте. Региолект (или его имитация, так как речь идет о художественной реальности) оказывается средством дискурсивизации художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка : учебник / Г.Н. Акимова. – М. : Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Асратян З.Д. Дискурс и текст художественного произведения / З.Д. Асратян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т.12. – № 4. – С. 17–20.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика : учебное пособие / В.Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
4. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» / В.В. Виноградов // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Ин-т Литературы. – М.; Л. : Издательство АН СССР. – 1936 – Т. 2. – С. 74–147.
5. Герд А.С. Введение в этнолингвистику : Курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – 2-е изд., испр., СПб. : Издательство СПбГУ, 2005. – 457 с.

6. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале прозы XIX–XX вв.) / М.Я. Дымарский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 328 с.
7. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова; под общ. ред. Г.А. Золотовой. – М. : Наука, 2004. – 544 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.
9. Марков Б.И. Волшебная музыка гона / Б.И. Марков // Охотничьи просторы. – 1994. – № 1 – С. 106–111.
10. Мельникова А.В. Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX в. / А.В. Мельникова // Диалоги классиков – диалоги с классикой : сб. науч. ст. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – вып. 4. Эволюция форм художественного сознания. – С. 61–81.
11. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) : монография / Е.В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
12. Синельникова Л.Н. Дискурс, еще раз дискурс! / Л.Н. Синельникова // Известия Южного федерального университет. Филологические науки. – 2017. – № 3. – С. 137–152.
13. Теркулов В.И. Базовые понятия Донецкой школы лингворегионалистики / В.И. Теркулов // Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма: материалы конф. – Грозный : Изд-во Чеченский государственный педагогический университет, 2021. – С. 18–28.
14. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.
15. Шмелева Т.В. Авторское начало медийного текста: удельный вес // Язык. Дискурс. Текст: V Международная научная конференция, посвященная юбилею проф. Г.Ф. Гавриловой : Труды и материалы. Ч. I. / Педагогический институт Южного федерального университета. – Ростов-н/Д., 2010. – С. 325–327.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В.И. Ярцевой. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
17. Крусанов П.В. Игры на свежем воздухе / П.В. Крусанов. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 512 с.

REFERENCES

1. Akimova G.N. (1990) Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka [The New in the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow: Vysshaja shkola (In Russian).
2. Asratyan Z.D. (2015) Diskurs i tekst hudozhestvennogo proizvedeniya [Discourse and Text in Imaginative Literature]. Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika» [Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics]. Vol. 12, No. 4, pp. 17–20 (In Russian).
3. Bondaletov V.D. (1987) Social'naya lingvistika: uchebnoe posobie [Social linguistics]. Moscow, Prosveshchenie (In Russian).
4. Vinogradov V.V. (1936) Stil' «Pikovoj damy» [The Style of “Pikovaja Dama”]. Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii [Pushkin: The Bulletin of the Pushkin’s Committee AN SSSR. In-t Literature]. Moscow, Leningrad: AN SSSR, pp. 74–147 (In Russian).
5. Gerd A.S. (1987) Vvedenie v etnolingvistiku: Kurs lekcij i hrestomatiya [Introduction to ethnolinguistic: the course of lectures and antholony]. St.Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU (In Russian).
6. Dymarskiy M.Ya. (2001) Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale prozy XIX–XX vv.) [Problems of text formation and the fiction text (based on Russian prose in XIX–XX centuries)]. Moscow: Editorial URSS (In Russian)
7. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. (2004) Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Nauka (In Russian).
8. Karasik V.I. (2004) Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle; personality, concepts, discourses]. Moscow: Gnozis (In Russian).
9. Markov B.I. (1994) Volshebnyaya muzyka gona [The magic music of foiling]. Ohotnich'i prostory [Hunting spaces]. No. 1, pp. 106–111 (In Russian).
10. Melnikova A.V. (2014) Ohotnich'i narrativy v russkoj literature vtoroj poloviny XIX – pervoj tretej XX v. [Hunting narratives in the Russian literature of the first half of the 19th century to the first third of the 20th century]. Dialogi klassikov – dialogi s klassikoj. Vol. 4. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural. un-ta, pp. 61–81 (In Russian).

11. Paducheva E.V. (1996) Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantic studies (Semantics of tense and aspect in the Russian language; Semantics of the narrative). Moscow; Shkola «Yazyki russoj kul'tury» (In Russian).

12. Sinelnikova L.N. (2017) Diskurs, eshche raz diskurs! [Discourse, more discourse!] Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universitet. Filologicheskie nauki. [Proceedings of the Southern Federal University. Philology] No. 3, pp. 137–152 (In Russian)

13. Terkulov V.I. (2021) Bazovye ponyatiya Doneckoj shkoly lingvoregionalistiki [Basic notions of Donetsk school of linguistic regional studies]. Regional'nyj variant russkogo yazyka v usloviyah bilingvizma [Regional variant of the Russian language in the context of bilingualism]. Groznyj: Izd-vo Chechenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, pp. 18–28 (In Russian).

14. Uspenskiy B.A. (2000) Pojetika kompozicii [The Poetics of Composition]. St.Petersburg: Azbuka Publishing (In Russian).

15. Shmeleva T.V. (2010) Avtorskoe nachalo medijnogo teksta: udel'nyj ves [Author's component in the style of the media text: specific gravity]. Yazyk. Diskurs. Tekst: V Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya yubileyu prof. G.F. Gavrilovoj: Trudy i materialy. Part 1. Rostov-na-Don: Pedagogicheskij institut Yuzhnogo federal'nogo universiteta (In Russian).

Поступила в редакцию 20.01.2025 г.

REGIOLECT IN THE NOVEL "IGRY NA SVEZHEM VOZDUKHE" BY P. KRUSANOV

E.S. Zorina

The article deals with the analysis of a modern fiction text in terms of communicative and discourse aspects. The material for analysis is the novel "Iгры na Sveshem Vozdukhe" ("Outdoor Games") by P. Krusanov. The aim of the linguistic analysis is to identify and describe language markers of the institutional discourse of "hunting" and discourse of "man and nature". Regionalisms and professional lexis of hunters turn to be specific lexical markers subjected to the analysis. The results of the syntactic analysis of the reported speech forms and of the constructions with the reflection support the conclusions of the lexical markers analysis. The author's intention is to involve the reader into the dialogue, that requires knowledge of the Russian literary tradition of the fiction about hunting, and about interaction of man and nature, as well as of the regional variety of the modern Russian language.

Keywords: regiolect, dialectal vocabulary, professional lexis, linguistic analysis of modern fictional text, communicative approach, discourse approach, discourse of "hunting", discourse of "man and nature".

Зорина Екатерина Сергеевна.

Кандидат филологических наук.
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация.
Доцент кафедры русского языка.
ORCID 0000-0002-5928-9625.
E-mail: e.zorina@spbu.ru

Zorina Ekaterina Sergeevna.

Candidate of Philology.
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation.
Associate Professor of Department of Russian
Language.
ORCID 0000-0002-5928-9625.
E-mail: e.zorina@spbu.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.14921466

ЦОКАНЬЕ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ МЕЩЕРСКИХ ГОВОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2024 С.М. Рудометова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0006-7137-3447

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной работе рассматривается яркая фонетическая отличительная особенность мещерских говоров – цоканье. Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития мещерские говоры мало изучены, цоканье как яркая фонетическая особенность постепенно утрачивается. В процессе исследования применялись различные методы и приемы: описательный, приемы диалектографии, элементы историко-сравнительного метода. Материалом исследования послужила авторская картотека, собранная путем интервьюирования в диалектологических экспедициях. Мещерские говоры неоднородны, общим для всех является только цоканье. Изучение мещерских говоров вносит весомый вклад в сохранение и распространение знаний о культуре и традициях, отражающихся в русском языке. Позволяет зафиксировать языковые процессы на современном этапе развития. Сопоставление материнских рязанских говоров с дочерними волгоградскими мещерскими позволит наиболее отчетливо проследить изменения на фонетическом уровне в языке диалектоносителей в условиях инодиалектного окружения и под воздействием системы литературного языка.

Ключевые слова: цоканье, мещерские говоры, диалекты, рязанские говоры, волгоградские говоры.

Для цитирования: Рудометова С.М. Цоканье как отличительная особенность мещерских говоров: история и современность / С.М. Рудометова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 36–46. – <https://doi.org/10.5281/10.5281/zenodo.14921466>.

Введение. Исследование диалектной речи способствует изучению национального языка в целом. Диалекты аккумулируют в себе культурно-исторические данные из жизни народа – носителя данного языка, передают веками накопленный опыт, выражают общие знания о прошлом и настоящем в языке. При изучении языков малых народов, племен, ранее обитавших на русских землях, раскрывается богатство национального языка страны, познается и аргументированно интерпретируется ее история. Языковые особенности мещерских говоров представляют интерес для исследователей, так как на протяжении многих веков говоры сохраняют свою главную отличительную особенность – цоканье. Все, кто изучал мещерские диалекты, сходятся во мнении, что цоканье в этих говорах – наследие языка племени мещера. Цоканье – это не только языковая особенность мещерской принадлежности, но и некий культурный код, который свидетельствует об истории возникновения данного типа говоров.

Исследованию мещерских говоров посвящены труды Р.И. Аванесова, Л.И. Баранниковой, Н.Б. Бахилиной, Е. Будде, А.Н. Гвоздева, Р.И. Кудряшовой, Е.В. Кузнецовой, Л.М. Орлова, В.Н. Сидорова и др., касающиеся различных аспектов изучения языковой системы. В описанных диалектологами мещерских диалектах как материнских (рязанских), так и дочерних (пензенских, волгоградских) главной

отличительной особенностью является цоканье, которое возникло под влиянием финно-угорского языка племени мещера. С течением времени цоканье постепенно утрачивается. На современном этапе развития комплексного исследования, посвященного цоканью мещерских диалектов, не проводилось. Однако с течением времени под влиянием окружающих диалектов и литературного языка традиционная система говоров могла претерпеть изменения. В данной статье мы рассмотрим исторические предпосылки возникновения цоканья в мещерских говорах, опираясь на исследования ученых-диалектологов, а также опишем современное состояние мещерских диалектов, опираясь на материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях в мещерских селах Рязанской области и Волгоградской области.

Основная часть. Исторически цоканье сложилось в давние времена, о чем свидетельствуют памятники письменности. Из числа источников XI в., отражающих цоканье, сохранились лишь памятники новгородского происхождения. Смоленско-полоцкие памятники известны лишь с XIII в., а псковские даже с XIV в. Но именно диалекты дают полное представление о древнейшем территориальном распространении цоканья [7, с. 7]. В русских народных говорах имеется большое разнообразие звуков, употребляющихся в соответствии с исконными [ц], [ч]: различие, совпадение, либо полное отсутствие аффрикат.

Цоканье, отраженное в новгородских и смоленских памятниках письменности, имеет другую природу происхождения. Интересующие нас материнские мещерские говоры Рязанской области, от которых данную фонетическую особенность унаследовали дочерние волгоградские говоры, относятся к юго-восточным цокающим говорам, в которых цоканье появилось в результате влияния языка финно-угорского племени мещеры.

Следовательно, цоканье в мещерских говорах отличается от цоканья северновеликорусского. В работе В.Г. Орловой «История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров» говорится, что юго-восточное цоканье отличается от северо-восточных разновидностей, главным образом, своим происхождением. Автор приводит в качестве примера высказывания Р.И. Аванесова: «цоканье на юго-восточных территориях, в центре которых находится так называемая рязанская мещера, может и не иметь ничего общего по своему происхождению с цоканьем в псковских говорах. В псковских говорах цоканье – результат смешения с племенами балтийских финнов; в юго-восточных говорах его происхождение определяется специфически рязанской, мещерской, подосновой» [7, с. 125].

Историческое прошлое территории, на которой распространены юго-восточные цокающие говоры, является сложным. Часть говоров, которая расположена севернее течения р. Клязьмы, а также на правом ее берегу, т.е. вокруг Владимира и Суздаля, соответствует южной части бывшего Ростово-Суздальского княжества. Южнее цокающие говоры находятся, в основном, в междуречье Оки – Клязьмы и далее, к востоку от Оки, в так называемой Мещерской стороне, покрытой лесами и болотами, которая так долго оставалась слабо заселенной славянами.

В русском языке звуки [ц] и [ч] различаются. По своему происхождению они восходят к одной фонеме <к>. Как известно, аффрикаты [ч] и [ц] являются комбинаторными вариантами фонемы <к>. В исторической фонетике история звуков [ц] и [ч] тесно связана с таким процессом, как палатализация, т.е. изменение общеславянских заднеязычных согласных *k, *g, *x в мягкие шипящие или свистящие согласные перед гласными переднего ряда. Различаются три палатализации заднеязычных:

• I палатализация: [г], [к], [х] перед гласными переднего ряда изменяются соответственно в [ж'], [ч'], [ш'];

• II палатализация: [г], [к], [х] перед гласными переднего ряда ъ, и дифтонгического происхождения изменяются соответственно в [з'], [ц'], [с'];

• III палатализация: [г], [к], [х] изменяются в [з'], [ц'], [с'] после гласных переднего ряда.

В результате палатализации разных периодов в системе консонантизма появились шипящие и свистящие звуки, которые в дальнейшем претерпели изменения, например отвердели. В говорах мы наблюдаем как твердые звуки [ч] и [ц], так и мягкие.

Цоканьем принято называть неразличение [ц] и [ч] вообще, в каких бы оно ни проявлялось формах. Для цокающих говоров интересно рассмотреть, какими конкретными звуками представлена единственная фонема аффриката, соответствующая двум фонемам нецокающих говоров. Главные различия касаются как твердости или мягкости согласных [ч] и [ц], так и места и способа их образования.

Звуки [ц] и [ч'] отличают три признака: [ц] – зубной твердый свистящий согласный, а [ч'] – переднеязычный мягкий шипящий. Но в противопоставлении фонем, представленных этими звуками, участвует только один признак. В одних говорах у [ц] – [ч'] фонологически существенным, дифференциальным является признак твердость/мягкость, а место образования и свистящность/шипящность выступают как признаки сопутствующие, интегральные. В других говорах дифференциальным признаком в этом противопоставлении является зубность/небность (свистящность/шипящность), а твердость/мягкость выступает как признак интегральный [11, с. 64].

Система [ц] – [ч'] представляет собой продолжение наиболее древнего различения мягких аффрикат, которая отличается от него лишь тем, что произошло отверждение [ц']. Но есть такие русские говоры, в которых произошло отверждение обеих аффрикат. Так возникла система с [ц] – [ч].

Обратимся к системе рассматриваемых нами мещерских говоров Волгоградской области, а также к системе материнских, по отношению к волгоградским, рязанским мещерским диалектам: говор села Ибердус и говор деревни Кочемары Касимовского района Рязанской области.

Цокающие говоры с. Перещепного Котовского района и села Краишева Еланского района восходят к говорам рязанской Мещеры.

По данным Саратовского краеведческого музея, село Перещепное образовалось в 1787 г. и заселили его православные великороссы, государственные крестьяне, переселенцы из Керенского уезда Пензенской губернии. Село Краишево, по сведениям Центрального государственного архива древних актов, возникло в 1799 г. Первые его жители также переселенцы из Пензенской губернии и пришли, считают старожилы, из села Ушинки, которое тоже относилось к Керенскому уезду. В свою очередь, жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской Мещеры. Иными словами, в середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [3, с. 29].

В своей основе перещепновский и краишевский говоры являются южнорусскими. Им присущи следующие языковые черты: аканье, яканье (*сяло, вязуть, сястра, вядро, бядой*), произношение фрикативного [γ], оглушающегося в [х] (*уарот называли уурешник, сапох такой с наборами, эт сапауи с наборами*), формы инфинитива на -ть (*несть, итить, прийтить, изабресть, везть*), форма глаголов 3 лица оканчивается на -ть (*паеть, идеть, плотють, баить*); замена [ф] на [х], [хв] (*сарахваны, Хведя, Хедька*); замена [о] на [и] в начале слова (*идиялка, иуурцы, иуарод*) и др.

К сожалению, в настоящее время мещерские говоры мало изучены. Летом 2024 г. нами была совершена диалектологическая экспедиция в мещерское село Ибердус и деревню Кочемары Касимовского района Рязанской области с целью изучить современное состояние мещерских говоров.

Мещерские говоры с. Ибердус и д. Кочемары Касимовского района Рязанской области являются исконными на данной территории.

Об истории села Ибердус Касимовского района Рязанской области на сайте администрации Ибердусского сельского поселения говорится следующее: «в Рязанских платежных книгах 1628–1630 гг. Ибердус значился еще деревнею, а по окладным книгам 1674 г. – уже селом с церковью Зачатия святого славного Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна. Название дано по гидрониму Ибердус (в других источниках Иберда), речке, протекающей в 100 метрах на южной окраине села и впадающей в озеро Шомша. Название Ибердус произошло от финского слова "иберд", этимология которого с исчезновением древних финских племен утеряна, и "ус" – в переводе с финского означающего "вода", "река"» [2].

В справочнике «XXXV. Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года» датой основания деревни Кочемары Касимовского уезда Рязанской губернии указан 1796 год [15].

Мещерская низменность, на которой в прошлом селились мещерские племена, охватывает ареал трех областей: Московскую, Владимирскую и Рязанскую. На данной территории хранятся остатки не только материальной культуры финского племени, но и духовной, а именно языковой культуры в говорах народа, потомки которого в далекие времена ассимилировали мещерское племя. Переселенцы с территории Мещерского края распространили мещерские говоры на территории Тамбовской, Пензенской, Волгоградской и других областей.

В.Н. Сидоров к мещерской территории относил селения северной, заокской части Рязанской области, а также ее селения по правобережью Оки на территории Касимовского уезда [12].

Р.И. Аванесов определял территорию рязанской мещеры: «лесное и болотистое пространство левобережья Оки и ее притоков, где в довольно поздние времена рязанцы (потомки вятичей) ассимилировали финское племя мещеру» [1].

Видим некоторое разногласие в территориальном распространении говоров рязанской Мещеры среди исследователей-лингвистов.

В своих работах по исследованию мещерских говоров ученый В.Н. Сидоров говорит о том, что мещерские говоры не представляют однородной группы. Общим для всех них является только цоканье. Цокающие говоры расширяют границы распространения, и название мещерских говоров распространяется далее. «Оно охватывает примыкающие к территории рязанской мещеры северо-восточные районы Московской области и южные районы Ивановской, тем самым образуя обособленный диалектный остров русских говоров (Рязанской, Московской, Ивановской областей), географически расположенный на территории Мещерской низменности, окруженный нецокающими говорами» [12, с. 132].

Ранее в работах лингвистов упоминалось, что цоканье на Рязанской земле наблюдалось только в речи жителей Мещерской стороны.

Цокающие волгоградские говоры: перещепновский и краишевский образуют своего рода диалектный остров на территории Волгоградской области. В окружении нецокающих диалектов, эти два говора сохраняют свою исконную типичную черту: цоканье. Жители с. Перещепного и с. Краишева долгое время не знали друг о друге, о

своим языковым сходстве. О чем свидетельствуют материалы экспедиций 1980 года [3]. Кроме того, рассматриваемые островные цоканье говоры сохраняли в инодиалектном окружении не только твердое цоканье, но и многие грамматические особенности, и некоторые особенности лексики.

Видим, что ареал бытования мещерских диалектов достаточно широк. Целостного исследования, которое рассматривало бы мещерский говор как систему, с характерными для нее языковыми особенностями, указывающего также ареал распространения, не существует.

В работах Р.И. Аванесова, В.Н. Сидорова описаны говоры Касимовского и Спасского районов Рязанской области, а в работах А.Н. Гвоздева, Н.Б. Бахилиной – говор с. Ушинки Пензенской области. Материалы показывают, что рассмотренные мещерские говоры сохраняют свои традиционные языковые особенности, в частности цоканье, на протяжении нескольких веков.

По материалам исследования В.Н. Сидорова, в говоре с. Мелехова Рязанской области наблюдается твердый звук [ц]: *пец, цаво, цалнок, куцка* [12].

В других мещерских рязанских говорах, которые описал Р.И. Аванесов, наблюдается полумягкое цоканье. «Наблюдатель, привыкший к очень мягкому, часто шепелеватому [ц] вологодских, ветлужских, олонечских и других северновеликорусских говоров, воспринимает звук [ц] описываемого говора как твердый. Однако при более детальном наблюдении оказывается, что образование [ц] в говоре сопряжено с некоторым участием средней части спинки языка и что, таким образом, перед нами полумягкий звук» [1].

По словам В.Н. Сидорова, цоканье как явление образовалось на почве взаимодействия фонетической системы языка финских племен и фонетической системы языка русских племен, колонизовавших Мещерский край и ассимилировавших его финское население, летописную мещеру [13].

Р.И. Аванесов о цоканье в мещерских говорах: «цоканье – черта иноязычная по своему происхождению, оно возникло в результате языкового смешения. Цоканье южновеликорусских говоров рязанской мещеры имеет местную иноязычную мещерскую подоснову (в результате языкового русско-финского «мещерского» смешения). Говоры русской мещеры сильно отличаются друг от друга по преобладанию в них средневеликорусских, южновеликорусских или северновеликорусских черт. Однако все они объединяются именно цоканьем» [1, с. 229].

Опираясь на труды В.Н. Сидорова, Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой, делаем вывод, что цоканье в рассматриваемых нами мещерских говорах – черта традиционная, исконная, которая является основным показателем влияния финно-угорского языка племени мещера на славянский язык.

Как показывает исследование, говоры мещерских населенных пунктов Рязанской области – с. Ибердус и д. Кочемары Касимовского района – утратили в современности исконную яркую фонетическую особенность – цоканье, но сохраняют традиционные черты: аканье, яканье (*няску не было у нас, глядит, вязли, рязныя ставни-то, ляжить на землю*), замена начального [о] на [и] (*идиялка, игурцы, ибязательна*); [т'] глаголов 3 л. (*таскаить, глядит, няс'оть*), но [у] слышится редко, в основном звучит [г] (*я ф горот уехала, там училась и работала; говор у нас был на ц, так и гаварили*). Местные жители старшего поколения подтверждают, что их родители «говорили на ц» (произносили на месте литературного звука [ч'] звук [ц]): *цаво, пецка, на лавоцку, кацаю-кацаю зыбку, доцка*. Жители рассматриваемых населенных пунктов в настоящее время уже не произносят [ц] на месте [ч']. Но отлично воспроизводят речь своих родителей, например:

кацала, кацала, весь валинищек разарвала. Выглянуть в окно и спрашивает: «цаво там, хто этат цэлавец?»; Цаво наденишь на празник, никада у будни ни насили, ат аднаво празника да другога. Платоцык надень, доца. Вецьырам цорный платок надень. Цаво эт люди гаварять, нильзя доца, эт стыдна так. А бываить мама мне гаварить: «цаво эт так, доца?», а я ей скажу: «нищаво».

В работе прот. Владимира Правдолюбова «Религиозная история Касимова» говорится, что мешчеряки путают звуки [ц] и [ч']. Они никогда не произнесут *чего*, *человек*, *чудо*, *чулок* и прочее, у них все это звучит на [ц]: *цего*, *целовек*, *цудо*, *цулок*. И, наоборот, иногда [ц] меняется на [ч'], например, *челый* (целый), *чиновка* (циновка), *чарь* (царь) [8]. Данное высказывание еще раз свидетельствует о том, что цоканье – отличительная особенность жителей мешчерских населенных пунктов. Автор отмечает, что происходит смешение звуков [ц] и [ч'] в речи мешчеряков.

Мы предполагаем, что утрата в современности яркой фонетической особенности (цоканья) в мешчерских говорах Касимовского района Рязанской области – это следствие влияния литературного языка, а также инодиалектного нецокающего окружения. Цоканье выступало яркой чертой в речи местных жителей, поэтому младшее поколение не стремилось сохранить данную языковую особенность, которая отличалась от норм литературного языка. И если старшее поколение сохраняло цоканье, то молодежь старалась говорить правильно, грамотно. Следовательно, цоканье постепенно утрачивалось, что привело к тому, что данная исконная черта сохраняется только в памяти диалектоносителей.

В речи старожила Анастасии Федоровны Девятовой (1930 г.р.) д. Кочемары Касимовского района Рязанской области нами был обнаружен переход от цоканья к [ч] твердому близкому к [тш]: *мы на кладбище хадили са светиками, граза такая сильная была. Светику паставить нада было. Светика затухла, мы бягом дамой набяжали; манинькаи были на петше спали, а утрам с петшики спрыгним и бягом на ульцу-ту; работала я многа рутшики маи работу знают. Деватишай я расла трудолюбивай, мой свекр мяня сам выбрал.*

В момент беседы, когда информант делился своими воспоминаниями о детстве, о своей маме и уже не контролировал свою речь, чтобы говорить правильно, грамотно, явно звучал [ч] на месте литературного [ч']. Переход от цоканья к [ч] типичен и для других цокающих мешчерских говоров.

Подобные фонетические особенности наблюдаем в мешчерских цокающих говорах Волгоградской области. На протяжении более чем двух веков в рассматриваемых говорах сохраняется твердое цоканье: *пецка*, *доцка*, *цай*, *нитоцка*, *лампоцка*, *цавокать*, *вянцали*. Нами был зафиксирован в говоре с. Краишева переход от цоканья к твердому [ч], звучащему как [тш]: *прийэхало их тиэтвиро с натшофкай, тишай тиорнай заварила. Так тишста фсо крууом; тишасто так пякли, Дунька тады утишыла у петше петши каньшии, витушки. Она утишеникоф утишыла так.*

В волгоградских мешчерских говорах цоканье слышится преимущественно в речи старшего поколения, но часто цоканье звучит и в речи маленьких детей: *цаво не так бьешь!.. коц у нас есть. Па цыкалки любим иурать; за рецкай уоласам крицали.*

Говор с. Перещепного Котовского района Волгоградской области сохраняется твердое цоканье и в настоящее время. Преимущественно в речи старшего поколения слышится твердое цоканье: *пецку тапили, патом вады принясем и уатовили усе. Цай ис траф заваривали. Пастилки сами ткали. Эткими клетоцками: белая клетоцка, цорная клетоцка. Идиялка ф клетоцки хорошая палуцылася. Мама мая миня хвалила: маладэц, доца. Сицас ужэ нхто такия ни делаить адиялацки.*

Но все чаще в речи диалектоносителей появляется на месте [ц] твердый звук [ч] или [тш]: *тишай ситишас так ни уаварять..., тишаво ты там баишь, мамка; Штей мамка становить нам тишатику, мы пахлябаим и у петти становим. А было и так нетишаво было становить нам пакушать, мы крицым, мамка, йишь хотишым, а мамка сама крытишь слизми, а время такойэ. Как натшину се спаминать, сама накрытишусь.*

Такое произношение [ч] на месте литературного [ч'] отмечалось Р.И. Кудряшовой в говорах обоих сел и ранее: эту особенность зафиксировали при обследовании перещепновско-краишевского говора в 1980 г. [3]. Предполагаем, что данное произношение является приобретенным говором уже на местной почве, в результате влияния литературного языка.

Беседуя с местными жителями, мы заметили, что произношение [ч] на месте литературного [ч'] наблюдается только в начале разговора. В с. Перещепном такое произношение слышится, когда собеседник старается контролировать речь, говорить грамотно: *на петше саурем тишаай ис траф, а патом се баим, и тишай пьем. В дальнейшей беседе, по мере возрастания непринужденности беседы, как правило, слышится чистое цоканье: цайку налея, доца; цаво ма тады уатовили? Цаво только мы ни уатовили каньшии, варянки, розацки пякли на сватьбы; нивесту кауда выводят, сядяца на падводу. Нас фстретили и за стол, нацынають пиравать. Калхос нацалси, работали да ноцы. Так наработаисси, ницаво ни цуишь.*

В говоре с. Краишево Волгоградской области на месте литературного [ч'] чаще звучит [ч]. Когда пожилые краишевцы вспоминают детство, юность, когда воспроизводят речь своих предков, то появляется твердое цоканье: *мама уаварИла доца эт стЫдна нильзя урех!; доца ты сять и ни мишАйся! Ой дейки какой цылавек был! Мы с нем пражили долга и в вецнасть пайдом; вязу для сваей симьи – унуцатам, зятьям, снахе. Пряду шерсть авецью, пух пакупала и пряла. Унуцки платоцки вязала и доцки вязала. Вецырам се делала мама. Цылавек адин жил у нас, так он се умел, памауал мноум, цаво каму нада. Валиныцки валял, мы у ниуо цаста валиныцки брали. Какии он валиныцки валял – зауляденье!*

Предполагаем, что в рассматриваемых нами волгоградских цокающих говорах и в рязанском говоре деревни Кочемары переход от твердого цоканья к различению [ц] и [ч'] обусловлен тем, что литературный или инодиалектный звук [ч'] расценивается носителями говора как звук шипящий. Стараясь воспроизвести этот звук, носители твердого цоканья в говоре стали произносить звук, отличающийся от своего твердого [ц] именно этим признаком, таким образом, произносят твердый звук [ч], близкий по произношению к [тш].

Твердое цоканье в перещепновской и краишевском говорах – очень яркая языковая особенность. Речь жителей рассматриваемых мещерских сел не могла остаться незамеченной в окружении других волгоградских диалектов. Село Перещепное в округе называют «Цавокино сяло», а с. Краишево – «Цукреспубликой». Жителей с. Краишева прозвали цуканами, а жителей с. Перещерного – цекунами.

Жители с. Краишева о себе рассказывают: *В акрууи нас Цукреспублика называют. Такая вот названия. Цуканы называют, цукан и цуканка. А пра нас так бають: Краишеука уаварять «цаво-цаво», цуканами называют.*

Жители с. Перещепного о себе: *Цавокино сяло бають о нас. О нас уаварять эти из Цавокина сяла. Цыкуны нас называют.се нас так называют цыкунами, а сяло наше Цавокино, так и уаварять цавокина сяло*

Диалектоносители мещерских сел осознают, что их речь является особенной, отличающейся от литературного языка, и от речи жителей других сел и деревень.

Перещепновцы и краишевцы стесняются своего произношения. В с. Перещепном нам рассказывали о курьезных случаях, когда кто-то из местных жителей ездил в райцентр, чтобы купить что-нибудь в магазине, а приезжал ни с чем, потому что стеснялся спросить «по чем товар»: *с СЫнам была, уварю: па цом та вешии? А он мне: мамка, не цавокай! Я смяшалась и уварю: пачан, па чом тавар?* [9, с. 57].

Несмотря на то, что жители с. Перещепного стыдятся своей речи, а именно ее фонетической особенности, в говоре села сохраняется и в современное время исконная яркая черта – твердое цоканье. Мы можем предположить, что именно «психологический фактор» сыграл особую роль в сохранении цоканья до сегодняшнего дня. Жители с. Перещепного стараются меньше контактировать с жителями других населенных пунктов, следовательно, сохраняют традиционные особенности своей речи. В первые дни нашей экспедиции жители старшего поколения неохотно беседовали с нами, в самом начале нашего с ними общения задавали один вопрос: *Цо это вы с'е пИшыти нас за эта ни пасОдють? Дейки, ой ни нада писать, а то нас пасОдють.* Видимо, еще в памяти жителей сохранилось отрицательное отношение к диалектным особенностям их речи в годы советской власти.

Полагаем, что именно фактор сокрытия, стеснения, изолированности говора поспособствовал и сохранению до сегодняшнего дня яркой, исконной для мещерских говоров фонетической черты – цоканья.

В с. Ибердус и д. Кочемары Касимовского района Рязанской области нами не было зафиксировано отрицательного отношения к особенностям говора. Жители старшего поколения рассказывают об особом «говоре на ц» в речи их предков. Указывают лишь на то, что в годы Советской власти, когда были организованы колхозы, к ним приезжали из других населенных пунктов и удивлялись такому «говору на ц»: *мая падрушка приїэхала ка мне и удивилась речи маей мамы. А мама ей гаварить: девацка, ты цаво?*

В работах исследователей рязанских говоров (проф. Будде, Д.К. Зеленина) отмечены прозвища жителей мещерских сел и деревень – цокалки, цоки и цупари. Это были общие прозвища для всех жителей Мещерской стороны. Но в современное время нами не были обнаружены подтверждения подобных прозвищ. Информанты д. Кочемары и с. Ибердус Касимовского района Рязанской области лишь употребляли устойчивое выражение по отношению к произношению звука [ц] на месте литературного [ч]: «говорить на ц»: *эт раньши гаварили на ц, мама мая гаварила на ц.*

Можем предположить, что жители мещерских сел и деревень Рязанской Мещеры не стеснялись своей речи, так как мещерские говоры исконные на территории Рязанской области. Мещерские села и деревни, как правило, расположены островами вдоль рек и озер. Территориальное расположение также способствовало сохранению языковых особенностей до того времени, пока жители мещерских сел и деревень не стали переселяться из одного населенного пункта в другой, что особенно широко стало распространяться с XX века.

Заключение. Цоканье в мещерских диалектах – это показательное явление, которое развивалось самостоятельно и никак не относилось к цоканью других русских говоров. Именно цоканье в рассматриваемых нами говорах указывает на их принадлежность к наследию древнего племени мещера. Ученые утверждают, что в результате взаимодействия фонетической системы языка финского племени мещеры и фонетической системы языка русских племен образовалось цоканье, которое до сегодняшнего дня остается единственной общей чертой всех мещерских говоров.

Цоканье в рассматриваемых мещерских говорах сохраняется в настоящее время в речи старшего поколения в переселенческих дочерних волгоградских говорах сел

Перещепного и Краишева, но постепенно утрачивается в речи молодого поколения. В мещерских рязанских говорах с. Ибердус и д. Кочемары цоканье сохранилось только в памяти диалектоносителей, они отлично воспроизводят речь своих родителей, бабушек и дедушек, где цоканье звучит отчетливо. Говоры «колоний» оказались более устойчивыми и консервативными в сохранении исконной диалектной черты (цоканья), чем говоры «метрополии».

Нами отмечен переход от цоканья к [ч] на месте литературного [ч']. Еще в исследовании 1959 г. В.Г. Орлова указывает на процесс перехода в цокающих говорах от твердого цоканья к различению аффрикат в виде твердых звуков [ч] и [ц]. Современные исследования подтверждают данный процесс. В волгоградских дочерних говорах и в говоре деревни Кочемары Рязанской области был зафиксирован переход от твердого цоканья к произношению твердого звука [ч], близкого к [тш].

Причины разной степени изменения цоканья, либо и вовсе его утраты, в мещерских говорах, находим во влиянии литературного языка, а также инодиалектного окружения. Яркая фонетическая особенность мещерских говоров – цоканье постепенно утрачивается. В рассматриваемых нами волгоградских мещерских говорах и в рязанском мещерском говоре с. Ибердус нами зафиксировано произношение [ч] на месте литературного [ч'], что свидетельствует о наличии цоканья в прошлом и о переходе к различению аффрикат и приближению произношения к литературному языку в современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И. Очерки диалектологии рязанской мещеры / Р.И. Аванесов // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.-Л., 1949. – Т. I. – С. 135–236.
2. История Ибердусского сельского поселения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ибердус.рф/poselenie/istoriya/> (дата обращения: 23.12.2024)
3. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем : учеб. пособие / Р.И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 1997. – 124 с.
4. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области) / Р.И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 1998. – 93 с.
5. Кузнецова Е.В. Современное состояние южнорусского цокающего говора / Е.В. Кузнецова // Лексический атлас русских народных говоров : материалы исследования 2010 / Е.В. Кузнецова; Ин-т лингв. исслед. – СПб. : Наука, 2010. – С. 209–219.
6. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области : учеб. пособие / Л.М. Орлов. – Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984. – 96 с.
7. Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров / В.Г. Орлова. – М. : Издательство АН СССР, 1959. – 212 с.
8. Правдолюбов В.С. Религиозная жизнь Касимова : пособие для изучающих историю родного края / В.С. Правдолюбов. – 4-е издание, 2019. – 64 с.
9. Рудометова С.М. Современное состояние и языковые процессы в островных мещерских говорах Волгоградской области: дисс. канд. филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Рудометова Светлана Михайловна; ВГСПУ. – Волгоград, 2018. – 191 с.
10. Русская диалектология : учебное пособие / под ред. Л.Л. Касаткина. – М. : Академия, 2005. – 288 с.
11. Русская диалектология : учебное пособие / под ред. П.С. Кузнецова. – М, 1973. – 184 с.
12. Сидоров В.Н. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры / В.Н. Сидоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.-Л., 1949. – Т. I – С. 93–134.
13. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер / Г.П. Смолицкая. – М.: Наука, 1976. – 404 с.
14. Супрун В.И. Деаффрикация в диалектном консонантизме как отражение принципа восходящей звучности / В.И. Супрун, Е.В. Брысина // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2016. – № 9–10 (113). – С. 69–74.

15. Тупикова Н. А. Этнолингвистические скрепы в речи носителей донских и украинских говоров Волгоградской области / Н. А. Тупикова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2024. – Т. 23 №3. – С. 156 - 171

16. Филатова И. М. Типы формальных вариантов слова в лексической системе донских говоров Волгоградской области / И. М. Филатова // Нефилология. – 2023. – Т.9. № 4. – С. 760-766.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

17. Справочник XXXV. Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nashipredki.com/location/kochemary-derevnya-9688> (дата обращения: 23.12.2024).

REFERENCES

1. Avanesov R.I. (1949). Ocherki dialektologii ryazanskoj meshchery [Essays on the dialectology of the Ryazan meschera] (pp. 226–229) (in Russian).
2. Istoriya Iberdusskogo sel'skogo poseleniya [History of the Iberdus rural settlement]. URL: <https://ибердус.рф/poselenie/istoriya/> (in Russian).
3. Kudrashova R.I. (1997). Slovo narodnoe. Govory Volgogradskoj oblasti v proshlom i nastoyashchem [The word is popular. Dialects of the Volgograd region in the past and present]. Textbook. Volgograd: Peremena (pp. 124) (in Russian).
4. Kudrashova R.I. (1998). Specifika yazykovykh processov v dialektah izolirovannogo tipa (na materiale donskih kazach'ih govorov Volgogradskoj oblasti). [The specificity of linguistic processes in dialects of an isolated type (based on the material of the donskoy dialects of the Volgograd region)]. Volgograd: Peremena (pp. 29) (in Russian).
5. Kuznetsova E.V. (2010). Sovremennoe sostoyanie yuzhnorusskogo cokayushchego govora [The current state of the South Russian clinking dialect] in Lexical atlas of Russian vernacular dialects: Research materials. St. Petersburg : Nauka (pp. 209–219) (in Russian).
6. Orlov L.M. (1984). Russkie govory Volgogradskoj oblasti [Russian affricate history in connection with the formation of Russian vernacular dialects]. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (pp. 96) (in Russian).
7. Orlova V.G. (1959). Istoriya affrikat v russkom yazyke v svyazi s obrazovaniem russkih narodnyh govorov [History of affricate in connection with the formation of Russian vernacular dialects]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (pp. 125) (in Russian).
8. Pravdolyubov V.S. Religioznaya zhizn` Kasimova [Kasimov's Religious Life], 4-e izdanie, 2019. 64 p. (in Russian).
9. Rudometova S.M. Sovremennoe sostoyanie i yazykovye processy v ostrovnnyh meshcherskih govorah Volgogradskoj oblasti (Dissertation). Volgograd, 2018. 191 p. (in Russian).
10. Kasatkin L.L. (ed) (2005) Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow : Academy (pp. 288) (in Russian).
11. Kuznecov P.S. (ed) (1973) Russkaya dialektologiya [Russian dialectology]. Moscow (pp. 184) (in Russian).
12. Sidorov V.N. (1949). Nablyudeniya nad yazykom odnogo iz govorov ryazanskoj meshchery [Observations on the language of one of the dialects of the Ryazan Meschera] MIRD (pp. 132–133) (in Russian).
13. Smolitskaya G.P. (1976). Gidronimiya bassejna Oki. Spisok rek i ozer [The hydronymy of the Oka basin. List of rivers and lakes]. Moscow : Nauka (pp. 404) (in Russian).
14. Suprun V.I., Brysina E.V. (2016). Dezaffrikaciya v dialektnom konsonantizme kak otrazhenie principa voskhodyashchej zvuchnosti [Deaffrication in dialect consonantism as a reflection of the principle of ascending sonority]. News of the VSPU. Philological sciences № 9-10 (113). (pp. 69–74) (in Russian).
15. Tupikova N. A. (2024). E'tnolingvisticheskie skrepy` v rechi nositelej donskix i ukrainiskix govorov Volgogradskoj oblasti [Ethnolinguistic staples in the speech of speakers of the Don and Ukrainian dialects of the Volgograd region]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy`koznaniye. – 2024. – Т. 23 №3. – pp. 156 – 171. (in Russian).
16. Filatova I. M. (2023). Tipy` formal'ny`x variantov slova v leksicheskoj sisteme donskix govorov Volgogradskoj oblasti [Types of formal word variants in the lexical system of the Don dialects of the Volgograd region]. Neofilologiya. – 2023. – Т.9. № 4. – pp. 760-766. (in Russian).
17. Spravochnik XXXV. Ryazanskaya guberniya. Spisok naseleennyh mest po svedeniyam 1859 goda [Reference Book XXXV. Ryazan province. List of populated places according to information from 1859]. URL: <https://nashipredki.com/location/kochemary-derevnya-9688> (in Russian).

Поступила в редакцию 23.12.2024

**PRONOUNCING "CH" AS "TS" AS DISTINCTIVE FEATURE OF MESHCHERSK DIALECTS:
HISTORY AND PRESENT**

S.M. Rudometova

The article addresses a distinctive phonetic feature of Meshchersk dialects, i.e pronouncing "ch" as "ts". The relevance of the study is accounted for by the fact that Meshchersk dialects are understudied at the present stage of their development. Pronouncing "ch" as "ts" as a phonetic distinction is gradually being lost. Various methods and techniques have been used in the course of the research, among which are as follows: descriptive method, dialectographic techniques, elements of historical and comparative method. The research material is the author's corpus, collected as a result of the dialectological expeditions interviews. Meshchersk dialects are not homogeneous. Their only common feature is the articulation of "ch" as "ts". The study of Meshchersk dialects makes a significant contribution to the preservation and dissemination of knowledge about culture and traditions reflected in the Russian language. It allows to register language processes at the current stage of development. A comparison of the maternal Ryazan dialects with the daughter Volgograd Meshchersk dialects will make it possible to most clearly trace the phonetic changes in the language of dialect speakers in a different dialect environment and under the influence of the literary language system.

Key words: pronouncing "ch" as "ts", Meshchersk dialects, dialects, Ryazan dialects, Volgograd dialects.

Рудометова Светлана Михайловна.

Кандидат филологических наук.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация.

Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.

ORCID 0009-0006-7137-3447.

E-mail: svetlana-stud@mail.ru.

Rudometova Svetlana Mikailovna.

Candidate of Philology.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Russian Language and Methods of Teaching it.

ORCID 0009-0006-7137-3447.

E-mail: svetlana-stud@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.14921497

УРОВНИ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АББРЕВИАТУР НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА²

© 2025 В.А. Рязанова¹, Е.Н. Станкус²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0000-0002-7517-8589

ORCID²: 0000-0002-0271-9698

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию уровней интерпретации аббревиатур – параметра, обнаруженного при обработке результатов анкетирования по выявлению закономерностей в стратегиях расшифровки аббревиатур носителями языка. Актуальность исследования определяется тем, что положения синхронно-эквивалентностного подхода, в рамках которого проводится исследование, ранее не проходили полноценную апробацию с привлечением реальных респондентов. В ходе работы применялся метод анкетирования с разбивкой на контрольную и экспериментальную группы; для оценки полученных ответов применялись методы структурного и ономаσιологического анализа, сопоставления, классификации и описания. В результате изучения полученных данных удалось выделить три уровня структурно-семантической интерпретации аббревиатуры, присваиваемые ей в зависимости от успешности ее расшифровки носителем языка в адекватное словосочетание, отражающее структурно-ономаσιологическую специфику сокращения и сконструированное с учетом общелитературных норм.

Ключевые слова: дешифровальный стимул, расшифровка аббревиатуры, уровень интерпретации, синтаксический эквивалент.

Для цитирования: Рязанова В.А. Уровни структурно-семантической интерпретации аббревиатур носителями языка / В.А. Рязанова, Е.Н. Станкус // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 47–57. – <https://doi.org/10.5281/zenodo/14921497>.

Введение. Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее – Лаборатория) проводит изучение сложносокращенных апеллятивов в синхронно-эквивалентностном аспекте [4; 5; 9; 10]. Согласно этому подходу, аббревиатура на актуальном срезе языка может иметь несколько эквивалентных структурных трактовок, т.н. синтаксических эквивалентов. Например, сложносокращенное слово (ССС) *морпуть* ('установившиеся направления, по которым следуют главные массы морского транспорта') на актуальном срезе языка имеет 3 частотных синтаксических эквивалента: *морской путь*, *путь по морю*, *мореходный путь*. Предполагается, что полиэквивалентность сокращений обусловлена действием дешифровальных стимулов – выработанных в сознании носителей языка критериев расшифровки аббревиатур, которые позволяют стихийно формировать для сокращений эквивалентные словосочетания по аналогии с ранее усвоенными моделями расшифровок аббревиатур похожей структуры.

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Выводы, полученные при исследовании сокращений в синхронно-эквивалентностной перспективе, легли в основу «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» (далее – Словарь), составлением которого занимается Лаборатория. Словник разрабатываемого Словаря насчитывает около 12 тыс. сложносокращенных апеллятивов в совокупности с их частотными синтаксическими расшифровками. При этом как получение теоретических сведений, так и сбор языкового материала для Словаря проводились опосредованно, с использованием данных, накопленных из информационно-поисковых систем и электронных текстов. Эмпирическая база, включающая расшифровки аббревиатур, полученные от реальных носителей языка, у Лаборатории отсутствует. Создание базы данных, на основе которой можно провести верификацию результатов исследований аббревиатур в синхронно-эквивалентностном аспекте, является **актуальной** задачей.

Для установления реальных стратегий расшифровок аббревиатур носителями языка нами был проведен опрос среди 60 респондентов. В результате анализа ответов были обнаружены особенности интерпретации аббревиатур, которые ранее не учитывались Лабораторией. В частности, отмечается тенденция к лакунарности при построении синтаксических эквивалентов.

Цель данного исследования – описать уровни структурно-семантической интерпретации сложносокращенных апеллятивов в зависимости от выбора носителями языка стратегий их расшифровки.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили результаты анкетирования, проведенные среди 60 респондентов – обучающихся 9 и 10 классов среднеобразовательного лицея № 1 г. Донецка. В ходе работы применялся метод анкетирования с разбивкой на контрольную и экспериментальную группы. Для оценки результатов анкетирования применялись методы структурного и ономаσιологического анализа, сопоставления, классификации и описания.

Основная часть.

1. Теоретические основы синхронно-эквивалентностного подхода.

В результате анализа электронных текстов было установлено, что одной и той же неинициальной аббревиатуре может соответствовать сразу несколько словосочетаний, находящихся с сокращением в отношениях текстовой эквивалентности. Под текстовой эквивалентностью понимается возможность использования в качестве абсолютных синонимов неинициальной аббревиатуры и мотивационно связанной с ней словосочетания. Например, сокращение *канцнабор* находится в отношениях текстовой эквивалентности со словосочетанием *набор канцелярских принадлежностей*: обе номинации включают одинаковые формальные компоненты; они встречаются в одном контексте и отсылают к одному и тому же референту; они регулярно используются носителями языка (для каждой фиксируется не менее 500 включений в электронные тексты) [11]. Таким образом, вокруг сложносокращенного апеллятива может формироваться множество синтаксических эквивалентов, составляющих гнездо эквивалентности (далее – ГЭ) сокращения.

Термин «дешифровальный стимул» был введен В.И. Теркуловым и изначально касался формального аспекта описания моделей расшифровки сокращений. В зависимости от способов репрезентации структурных компонентов сокращения в расшифровке Лабораторией выделяется три типа дешифровальных стимулов:

– презентативный ДС – модель, в которой конструктор принимает адъективное выражение и передает максимально обобщенное значение: *диссовет – диссертационный совет* [2, с. 100];

– модификативный ДС – модель, формирующая более сложное, чем аббревиатура, словосочетание, включающая в его состав «дополнительный ономаσιологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращенного слова»: *грузоконтейнер – контейнер для грузоперевозок* [2, с. 100];

– реляционный ДС – модель, реализующая «актантную и актантно-числовую семантику как презентатива (*авиационный корпус – корпус авиации*), так и модификатива (*автопроезд – проезд для автомобильного транспорта – проезд для автотранспорта*)» [6, с. 142–143].

Последнюю модель дешифрования принято считать самой продуктивной, поскольку все ДС тесно взаимосвязаны друг с другом через реляционную семантику, что позволяет уточнять план содержания аббревиатуры. Наполнение актантных моделей эквивалентных словосочетаний мы предлагаем называть **реляционной тактикой**, которая рассматривается нами в рамках ономаσιологического подхода. Существуют 2 базовые ономаσιологические модели для реализации актантной семантики:

1) модель реляционного презентатива [базис] + (объект₁)¹ = ССС: *профадаптация – адаптация к профессии*, где базис – *адаптация*, объект₁ – *к профессии*. Уровень интерпретации дешифровок, образованных по этой модели, выше, чем у презентативов, но ниже, чем у модификативов, так как в тексте эквиваленты и ССС могут выступать в качестве абсолютных синонимов;

2) модель реляционного модификатива [базис] + (объект₁+объект₂)[↑] ≠ ССС: *нефтеразведка – разведка месторождений нефти*, где *разведка* – базис, объект₁ – *месторождений*, объект₂ – *нефти*. Символ [↑] указывает на высокий уровень интерпретации аббревиатуры, так как в эквивалентных текстах сложносокращенный аппеллятив и эквивалент не выступают в качестве абсолютных синонимов, на что указывает знак ≠. Каждая модель имеет варианты, исходя из наполнения ономаσιологического базиса, наличия ономаσιологического признака или объекта.

Позднее был предложен более широкий подход к пониманию дешифровальных стимулов как имплицитных знаний пользователей языка, которые влияют на стратегии развертывания аббревиатур [8].

Широкое понимание дешифровальных стимулов базируется на положении синхронно-эквивалентностного подхода о действии стереотипа развертывания аббревиатур, сложившегося в сознании носителей языка: всякая сложная конструкция, формально соответствующая аббревиатуре, должна иметь на актуальном срезе языка неоднословную эквивалентную расшифровку. Это касается как реальных диахронных аббревиатур, возникших на базе синлексов, так и квазиаббревиатур – номинаций, образованных в результате прямого присоединения абброморфемы к простому слову. Например, на актуальном срезе языка сложные номинативные единицы *управдир* и *топ-новость* имеют расчлененные эквиваленты *управляющий директор* и *топовая новость*. Лексема *управдир* возникла в результате реального сокращения синлекса *управляющий директор*, а *топ-новость* – в результате присоединения абброморфемы *топ* к слову *новость*. *Топ* – не часть компонента словосочетания, а англоязычное заимствование (ср. с англ. *top* ‘высший’, ‘максимальный’, ‘лучший’), присоединяемое в качестве приставки к узуальным словам для обозначения высшей степени чего-либо.

Стремление к использованию развернутых эквивалентов вместо аббревиатуры обусловлено прагматическими целями автора текста. Это, во-первых, необходимость разнообразить текст лексическими единицами и избежать нанизывания аббревиатуры. Во-вторых, с помощью расшифровок автор может провести семантическое уточнение значения сокращения. В отличие от презентативных моделей, релятивные и

модификативные расшифровки могут эксплицировать информацию о семантике, не получившую материального выражения в сокращении.

Например, сложносокращенный апеллатив *нефтеочистка* имеет синтаксические эквиваленты (1) *нефтяная очистка*, (2) *очистка нефти*, (3) *очистка от нефти*. Расшифровка (1) лишь констатирует связь объекта, называемого признаковым компонентом, с процессом, выраженным в базисе. Релятивные эквиваленты (2) и (3) конкретизируют потенциальные реляционные отношения между компонентами сокращения, в результате чего расшифровки приобретают различную, едва ли не противоположную семантику: в расшифровке *очистка нефти* признаковый компонент получает аллативное значение (обозначает объект, на котором скажется результат действия / мероприятия, выраженного базисом), а в расшифровке *очистка от нефти* – контрагентивное (указывает на объект, против которого направлено действие / мероприятие, выраженное базисом). Таким образом, расшифровки (2) и (3) называют, по сути, разные референты, выступая в данном случае абсолютными симульгантами [3, с. 494].

Предполагается, что на основе воспринятых аббревиатур и их расшифровок, которые являются своего рода прецедентными единицами, в сознании носителей языка формируется матрица допустимых моделей дешифровки аббревиатур, которая включает два аспекта: синтаксическую схему расшифровки и ономаσιологическое значение, которое соотносится с этой схемой.

Например, у сложного слова *автокресло* на актуальном срезе языка существуют частотные эквиваленты (1) *кресло автомобиля* и (2) *кресло для автомобиля*. Существительное в форме Род. п., непосредственно присоединяемое к базовому компоненту, передает явное посессивное значение, в то время как предлог *для* используется для передачи дестинативного или медиативного значения признакового компонента. Можно сделать вывод, что эквивалент *кресло автомобиля* называет базис (*кресло*) как элемент в составе объекта, обозначенного признаковым компонентом словосочетания (*автомобиля*). Словосочетание *кресло для автомобиля*, в свою очередь, называет самостоятельный объект (*кресло*), который может стать частью объекта, обозначенного признаковым компонентом (*для автомобиля*), или каким-либо образом быть использованным по отношению к последнему.

В ряде случаев носители языка создают для расшифровки аббревиатур словосочетания с нарушениями общепринятых языковых норм [8]: *медикаментозная маска* вместо *медицинская маска* для сокращения *медмаска*, *продукт из пчел* вместо *продукт пчеловодства* для сокращения *пчелопродукт*, *будка кино* вместо *будка киномеханика* для *кинобудка* и мн. др. Существование таких синтаксических эквивалентов лишь подтверждает предположение, что пользователи языка прибегают к индивидуальным схемам расшифровки сокращений, а не ограничиваются использованием кодифицированных конструкций, которые можно получить из словарей сокращений и справочников.

Выдвигается предположение, что дешифровальные стимулы как кластер базы коммуникативного опыта носителя языка формируются под влиянием внеязыковых факторов. Критерии расшифровки сокращений могут коррелировать с местом проживания, возрастом, полом, уровнем образования и сферой деятельности носителя языка, его социальным окружением и т.д.

2. Проведение опроса.

Для выявления закономерностей в стратегиях расшифровки аббревиатур (в частности, в выявлении регулярности использования релятивных расшифровок по

сравнению с другими типами дешифровальных стимулов), нами было проведено анонимное анкетирование респондентов.

Ими стали 60 обучающихся 9 и 10 классов среднеобразовательного лицея № 1 г. Донецка. Для анкетирования было отобрано 30 сложносокращенных апеллативов из Словаря (10 квазиаббревиатур, 10 функционально ограниченных лексем, 10 аббреквивалентных аббревиатур). В одну анкету вошло 10 сложносокращенных апеллативов разного типа, которым требовалось дать несколько эквивалентных словосочетаний, построенных по модели «существительное + существительное», т.е. привести реляционную модель эквивалентности аббревиатуры (*автопробег – пробег автомобиля*, а не *автомобильный пробег*). Стоит отметить, что аббревиатуры были представлены без толкований. Все языковые единицы в одной анкете не давались намеренно во избежание плагиата. Помимо этого, участникам нужно было указать свой возраст и класс. Таким образом, было подготовлено 30 оригинальных анкет.

Работа была организована в три этапа: подготовка к анкетированию, его проведение, обработка и анализ полученного материала. На первом этапе все учащиеся были разделены на две группы по 30 человек. Экспериментальная группа перед началом работы в упрощенной форме получила базовые теоретические сведения о сложносокращенных словах, эквивалентных словосочетаниях и дешифровальных стимулах. Контрольной группе были выданы анкеты без объяснения. Каждая группа выполняла задания в разных аудиториях за одинаковое количество времени (15 минут).

Полученные результаты были проанализированы и классифицированы для каждой группы: а) дешифровальные стимулы, присутствующие в Словаре; б) отсутствующие в нем и требующие проверки по количественным методикам; в) толкования сложносокращенного слова. Также определена частотность каждого варианта (в статье она указана в скобках после приведенного варианта). Стоит отметить, что в контрольной группе ответы из пунктов б) и в) преобладают над а). Это говорит о том, что во многих случаях анкетуемые не различают задачи «дать толкование сокращения» и «привести структурный эквивалент сокращения», при этом сами словосочетания воспринимаются анкетуемыми как толкования, а не как эквиваленты аббревиатур. Например, к квазиаббревиатуре *автоприцеп* ‘дополнительный кузов, прицепляемый к автомобилю’, для которого в Словаре зафиксированы эквивалентные словосочетания *автомобильный прицеп*, *прицеп для автомобиля*, *прицеп для авто*, *прицеп для автомобилей*, *прицеп на автомобиль*, *прицеп автомобиля*, *прицеп на авто*, *прицеп авто*, *прицеп автомобилей*, *прицеп на автомобили*, были предложены следующие расшифровки:

а) для *автомобиля* (4), *автомобильный* (7), *автомобиля* (4);

б) *автомобиль, использующий прицеп* (3); *прицеп для приспособления одного автомобиля к друг другу* (2); *дополнительный прицеп для автомобиля* (2);

в) *автоматический* (4), *автономный* (4), *к автомобилю* (1), *для автомашин* (2), *для автомашины* (1).

Для сравнения приведем результаты экспериментальной группы для этого же аббревиатурного слова:

а) для *автомобиля* (5), для *авто* (4), для *автомобилей* (4). *автомобильный* (5), для *автомобиля* (3), *на автомобиль* (3);

б) *к автомобилю* (4), для *автотранспорта* (2), для *авто* (2), *автоматический. прицеп для перевозки груза на автомобиле* (1).

Как видим, во второй группе обучающиеся отделяют толкование от эквивалентности, но приводят более сложные дешифровки аббревиатуры в виде модификатива (*прицеп для перевозки груза на автомобиле*). Методики отбора

синтаксических эквивалентов показали, что эквивалента такой модели не существует для ССС *автоприцеп*, но словосочетание *прицеп для перевозки груза* может быть эквивалентом для сокращения *грузоприцеп*. Во-первых, в гнезде эквивалентности, которое состоит из единиц *грузовой прицеп*, *прицеп для грузов*, *прицеп для груза*, *прицеп для грузоперевозок*, *прицеп для грузоперевозки* обнаруживаются модификативы: *прицеп для грузоперевозок*, *прицеп для грузоперевозки*. Напомним, что реляционная дешифровальная модель реализует актантную семантику как презентатива, так и модификатива. В ГЭ *грузоприцеп* лакунарность реляционно-модификативной семантики обнаруживается с помощью анкетирования. Во-вторых, словосочетание *прицеп для грузоперевозки* в И. п. встречается в поисковой машине Google 44100 раз, что говорит о вхождении единицы в узус.

Также стоит обратить внимание, что в обеих группах были приведены презентативы, несмотря на то, что перед началом анкетирования мы фиксировали внимание респондентов на подборе для расшифровки конструкторов существительных, а не прилагательных. Такой выбор эквивалента только подтверждает тот факт, что презентативная модель дешифрования сложного слова одна из самых устойчивых.

Для квазиаббревиатур с единственным эквивалентным словосочетанием анкетлируемые предлагали варианты с релятивами, которые потенциально могут войти в словарную статью. Например, для ССС *видеоприложение* (с эквивалентным ему словосочетанием *приложение для видеосвязи*) экспериментальной группой были даны дешифровки как реляционного презентативного типа, так и реляционного модификативного: *для видео* (15), *к видео* (10), *с видео* (8), *из видео* (7), *для обработки видео* (6), *для просмотра видео* (6), *в виде видео* (5), *в формате видео* (3). Совпадения с эквивалентом, зафиксированным в Словаре, отсутствуют. Также среди ответов присутствовали описательные конструкции или толкования, что косвенно указывает на квазиунивербализационный характер формирования слова *видеоприложение*: *приложение, в котором используется видео, программа для видео*.

К функционально ограниченным лексемам, например, устаревшим словам, контрольная группа подбирала либо описательные характеристики, либо словосочетания, которые не являются эквивалентами сложному слову. Стоит отметить, что верные эквиваленты тоже были приведены, но таких ответов было меньше всего. Например, для ССС *домоправитель* ‘должностное лицо, управляющее хозяйством; эконом’ (с одним эквивалентом *правитель дома* в ГЭ) были предложены следующие варианты: *домашний правитель* (10), *правитель домом* (9), *тот, кто правит домом* (7), *человек, управляющий домами* (4), *тот, кто правит домашними* (3), *правитель дома* (2). Экспериментальная группа привела те же релятивные эквиваленты, но без описательных конструкций.

Трудность возникла у анкетлируемых при работе с историзмами. В каждой группе обучающиеся либо интерпретировали план содержания аббрекконструктора ошибочно, либо оставляли эти единицы без ответа. Например, для ССС *кавбригада* ‘оперативно-тактическое соединение кавалерии, состоящее из нескольких кавполков или батальонов’ с эквивалентным словосочетанием *кавалерийская бригада* в ГЭ школьниками были предложены варианты *кавказская бригада* (5), *бригада из Кавказа* (4).

3. Уровни интерпретации аббревиатур.

В зависимости от примененных носителями языка стратегий расшифровки аббревиатуры в синтаксический эквивалент предлагается выделять 3 уровня формальной интерпретации аббревиатур.

Нулевой уровень (0). Пользователь языка не расшифровывает аббревиатуру в синтаксический эквивалент. Вместо мотивационно связанного словосочетания

респондент приводит односложный синоним или толкование значения аббревиатуры, либо вовсе оставляет позицию незаполненной. Например, в результатах анкетирования обнаруживаем такие конструкции для сокращения *бурустановка*: *установка, предназначенная для бурения пород земли; установка, которая бурит; прибор для пробивания толщи земли.*

Лаборатория разграничивает толкования сокращений и их расшифровки, поскольку они, во-первых, связаны с разными типами интерпретации сокращений (формально-ономасиологической и семантической); во-вторых, синтаксический эквивалент является синлексом (раздельнооформленной номинативной единицей), выступает в качестве члена предложения и выполняет в нем те же функции, что и универбат; в-третьих, при интерпретации семантики, как и при подборе синонимов, респондент не проводит трансформацию компонентов аббревиатуры в части словосочетания, т.е. не задействует собственные навыки расшифровки аббревиатур. Таким образом, толкования и синонимы не могут рассматриваться в качестве возможных эквивалентностных трактовок аббревиатуры.

Случаи нулевого уровня интерпретации аббревиатуры можно объяснить как спецификой самих языковых единиц, так и индивидуальными особенностями ментального лексикона респондента.

С одной стороны, сложносокращенные апеллятивы, в отличие от инициальных аббревиатур, пишутся со строчных букв и в большинстве случаев имеют парадигму склонений, что формально сближает их с простыми словами (ср. *авиавыставка* и *ВДНХ*, *на авиавыставку* и *на ВДНХ* и т.д.). В результате неинициальная аббревиатура может восприниматься как простое слово с аффиксоидом, которое не требует развертывания в словосочетание: ср. с заимствованными аббревиатурами *пиар* (от англ. *PR, public relations*), *лазер* (от англ. *laser, Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation*), которые в русском языке утратили связь с исходным синлексом. При этом во многих аббревиатурах абброконструкт воспринимается как элемент, не требующий расшифровки, особенно в квазиаббревиатурах. Это можно объяснить наличием юкстапозитных образований. Под **юкстапозитами** следует понимать «разновидность гибридно-аббревиатурной трактовки сложносокращенных слов, которая указывает на совпадение форм конструкта и эквивалентов» [7, с. 309]. Например, в гнезде эквивалентности ССС *автозаправка* словосочетание *заправка авто* указывает на семантическую самодостаточность абброконструкта, что приводит к тому, что респонденты воспринимают языковую единицу как сложное слово, образованное путем словосложения, а не как аббревиатуру, требующую расшифровки. Это явление объясняет причины большого количества толкований и описательных конструкций в контрольной группе.

С другой стороны, у носителя языка может быть недостаточно языковых компетенций, чтобы успешно интерпретировать сокращение. Эта закономерность прослеживается с функционально ограниченной лексикой, при расшифровке которой необходимы специальные знания. Например, не все респонденты смогли привести расшифровку для аббревиатур *ардом*, *армиском*, *генкарверх*.

Первый уровень (1А). Носитель языка расшифровывает аббревиатуру с помощью вторичных презентативных расшифровок. Например, в контрольной группе были приведены ответы *автономные аксессуары*, *автоматические аксессуары* в качестве эквивалентных словосочетаний для ССС *автоаксессуары*.

Исследователи (Е.А. Земская, Ю.Д. Апресян) отмечают высокую расплывчатость значения прилагательных, поэтому «приписывать им какие-либо значения, кроме самого общего отношения к тому, что обозначено основой, нецелесообразно» [1, с. 212]. Таким

образом, расшифровка «существительное (базис) + прилагательное (признак)» является практически универсальной для развертывания любого сложного слова, но при этом не конкретизирует ономаσιологические аспекты сокращения.

При этом необходимо оговориться, что в некоторых случаях использование презентативной расшифровки приводит к искажению заложенной в аббревиатуре семантики: *миронарушитель* – *мировой нарушитель* (= мирового уровня) вместо *нарушитель мира*, *лесопогрузка* – *лесная погрузка* (= проводимая в лесу) вместо *погрузка леса*, *культурработница* – *культурная работница* (= воспитанная) вместо *работница культуры* и др.

Первый уровень (1Б). Респондент дает аббревиатуре релятивную или модификативную расшифровку, построенную с отступлениями от языковых норм. Например, для ССС *автонасос* синтаксический эквивалент *автомашинный насос* был приведен 5 раз в экспериментальной группе и 8 раз в контрольной; *оборудование для авиамашин* для аббревиатуры *авиаоборудование* в контрольной группе предложен 4 раза, в экспериментальной – 9.

При анализе языкового материала, составляющего эквивалентностный блок разрабатываемого Словаря, было обнаружено более 900 т. н. некодифицированных расшифровок, на основе которых выведены наиболее частые механизмы формирования синтаксических эквивалентов с нарушениями языковых норм. Это неверное использование суффиксальных паронимов для образования расшифровок (ср. *бактериологический отдел* и *бактериальный отдел*); неверное определение актантной роли конструкта при дешифровке сокращения (*полировка вибрацией* и *полировка вибраций*); неверное определение семантики сокращения, которое приводит к формированию несоответствующих расшифровок (*бронированная каска* и *броневойная каска*); развертывание заимствованных сокращений по моделям исконных языковых единиц без учета особенностей семантики (*артистическое кафе* для заимствования *арт-кафе*); использование в структуре словосочетания просторечных компонентов (*производство наркотиков* и *производство наркоты*); примитивизация расшифровки аббревиатуры (*завод по выращиванию грибов* и *завод грибов*); образование плеоназмов (*бытовой прибор* и *прибор бытовой техники*).

На данном уровне носитель языка стремится применить навыки интерпретации сокращений, использовать более функциональные, чем простые презентативы, расшифровки, однако делает это недостаточно компетентно.

Второй уровень (2). Респондент конструирует целесообразные и грамотные расшифровки релятивного и модификативного типов: *кинопостер* – *постер к кинофильму*, *соцпартия* – *партия социалистов*, *административное правонарушение* – *штраф за административное правонарушение*. Например, как в контрольной, так и в экспериментальной группе для ССС *военформа* анкетируемые в качестве эквивалентов предложили следующие реляционные дешифровки: *для военных* (18), *для военнослужащих* (15), *для военного* (11), *на военнослужащих* (10).

К этому же уровню относим презентативные расшифровки, которые на деривационном уровне являются первичными по отношению к аббревиатуре (при синхронном подходе к словообразовательным процессам показателем первичности является соотношение частотности использования словосочетания и сокращения: исходное словосочетание используется чаще, чем сокращение или другие расшифровки из гнезда эквивалентности): *статпогрешность* – *статистическая погрешность* (согласно квантитативным данным разрабатываемого Словаря, расшифровка используется \approx в 10 раз чаще, чем аббревиатура и другие синтаксические эквиваленты);

культурцентр – культурно-просветительский центр (расшифровка используется не менее чем в 100 раз чаще, чем сокращение и другие синтаксические эквиваленты), *бортсумка* – *бортовая сумка* (расшифровка используется ≈ в 1000 раз чаще, чем сокращение и другие синтаксические эквиваленты).

Такие синтаксические эквиваленты позволяют корректно передать структуру, ономазиологическое значение и семантику аббревиатуры, что обеспечивает адекватное восприятие единиц одного гнезда эквивалентности адресатом.

Заключение. Анкетирование респондентов для определения степени осознанности процесса расшифровки сложносокращенных слов показало эффективность этого метода. С помощью него были установлены уровни интерпретации аббревиатуры, указывающие не только на особенности ее восприятия, но и на реализацию дешифровальных моделей.

Обнаружено, что респонденты далеко не во всех случаях способны интерпретировать аббревиатуру в словосочетание. Это объясняется отсутствием в сознании носителей языка предварительно усвоенных критериев для расшифровки аббревиатур.

Кроме того, с помощью опроса были обнаружены лакуны в гнездах эквивалентности аббревиатур, составляющих Словарь. Например, для ССС *авиаангар* ‘специальное помещение для стоянки, технического обслуживания и ремонта *авиатехники*’ экспериментальной группой были предложены такие варианты дешифрования, которые не зафиксированы в Словаре: *для авиатранспорта, авиатранспорта, под авиацию, для авиации, с авиацией*. Проверка по количественной методике показала, что словосочетания *ангар авиатранспорта* (2 употребления), *ангар под авиацию* (14 употреблений) не войдут в гнездо эквивалентности, поскольку количество их баланс индекса больше 500. А словосочетания *ангар для авиатранспорта* (119 употреблений), *ангар для авиации* (11589 употреблений), *ангар с авиацией* (1203 употребления) заполняют лакунарные позиции в гнезде эквивалентности, и с учетом этих единиц (выделены в статье полужирным) словарная статья может выглядеть следующим образом:

Авиаанга́р, -а, м. Специальное помещение для стоянки, технического обслуживания и ремонта *авиатехники* ◀ 1: *авиационный ангар, ангар для авиации* ▶ 10: *ангар с авиацией*; 20: *ангар для авиационной техники*; 50: *ангар для авиатехники*; 100: *ангар авиатехники, ангар для авиатранспорта*; 300: *ангар авиационной техники* ● *ангар*.

Таким образом, работа с носителями языка показала свою эффективность. Результаты анкетирования могут быть успешно использованы в рамках синхронно-эквивалентностного подхода, в частности, для анализа особенностей интерпретации аббревиатур носителями языка, для определения стратегий расшифровки незнакомых респонденту аббревиатур, для прогнозирования реляционных дешифровальных стимулов. Однако нами были охвачен очень узкий круг респондентов – школьники. В будущем планируются исследования на более широком материале анкетирования, в котором будут задействованы респонденты разных возрастов, входящие в разные социальные группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – Москва : Наука, 1974. – 367 с.
2. Бровец А.И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А.И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – Москва : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. – № 6. – С. 98–107.

3. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращенного слова: к проблеме определения и описания / А. И. Бровец // Русистика. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 487-501. – DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501.
4. Емельянова К.Ю. Абброконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий / К.Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 3–4. – С. 126–132.
5. Лялюк А.А. Ономаσιологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов / А.А. Лялюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – № 2 (26). – Владикавказ, 2017. – С. 146–150.
6. Михайлова Е.Н. Реализация актанта семантики в реляционных дешифровальных стимулах как средство трактовки сложносокращенного слова / Е.Н. Михайлова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 2. – С. 139–145.
7. Рештаненко А.А. Аббревиатурно-юкстапозитные гибридные гнезда / А.А. Рештаненко // Чтения молодых ученых: материалы IV Республиканской очно-заочной научно-практической конференции (Горловка, 12-13 апреля 2018 г.). – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИ», 2018. – С. 309–311.
8. Рязанова В.А. Множественная трактовка сложных слов в эквивалентных словосочетаниях / В.А. Рязанова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 3(43). – С. 143-148. – DOI 10.25688/2076-913X.2021.43.3.15.
9. Смирнова И.Р. О составном абброконструкте / И.Р. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 62–70.
10. Теркулов В.И. Композиты и сложносокращенные слова: о смежности явлений / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – Ч. I. – С. 230–241.
11. Теркулов В.И. Модели использования сложносокращенного слова и его эквивалентов в тексте: к типологии синхронной аббревиатурной эквивалентности / В.И. Теркулов // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : Сборник статей по материалам VII Международного научного семинара, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 01 ноября 2019 года / Отв. редактор О.И. Дмитриева. – Саратов : Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2020. – С. 105–112.

REFERENCES

1. Apresjan Ju.D. (1974) Leksicheskaia semantika (sinonimicheskie sredstva jazyka) [Lexical semantics (synonymic means of language)]. Moscow, Nauka Publ. 367 p. (in Russian).
2. Brovec A. I. (2017) Modifikacionnyj interpretativnyj deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashennogo slova [Modifying interpretive decoding stimulus of a complex abbreviated word]. In Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9: Filologija [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology.]. Moscow, Publishing house of Lomonosov Moscow State University. – № 6, pp. 98– 107. (in Russian).
3. Brovec A. I. (2017) Deshifroval'nyj stimul slozhnosokrashhjonogo slova: k probleme opredelenija i opisaniija [Decoding stimulus of a complex-abbreviated word: to the problem of definition and description]. In Rusistika [Russistics]. Vol. 17, № 4, pp. 487–501. DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501. (in Russian).
4. Emel'janova K.Ju. (2020) Abbrokeonstrukt i affiksoid: k voprosu o svjazi ponjatij [Abbroconstruct and affixoid: to the question of the relationship of concepts]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija. – № 3–4, pp. 126–132. (in Russian).
5. Ljaljuk A.A. (2017) Onomasiologicheskij i polevoj podhody k izucheniju abbreviaturnyh slov [Onomasiological and field approaches to the study of abbreviated words]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. № 2 (26). Vladikavkaz. pp. 146–150 (in Russian).
6. Mihajlova E.N. (2020) Realizacija aktantnoj semantiki v reljacionnyh deshifroval'nyh stimulah kak sredstvo traktovki slozhnosokrashhennogo slova [Realization of actant semantics in relational decoding stimuli as a means of interpreting a complex abbreviated word]. In Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. – № 2, pp. 139–145 (in Russian).
7. Reshtanenko A.A. (2018) Abbreviaturno-jukstapozitnye gibridnye gnjozda [Abbreviated-yuxtapositive hybrid nests]. In Chtenija molodyh uchenyh: materialy IV Respublikanskoj ochno-zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii (Gorlovka, 12-13 aprelja 2018 g.) [Readings of young scientists: materials of the IV Republican all-part-time scientific-practical conference (Horlovka, April 12–13, 2018)]. Gorlovka, «GII» Publ. – pp. 309–311 (in Russian).
8. Rjazanova V.A. (2021) Mnozhestvennaja traktovka slozhnyh slov v jekvivalentnyh slovosochetanijah [Multiple interpretation of complex words in equivalent word combinations]. In Vestnik MGPU. Serija: Filologija.

Teoriya jazyka. Jazykovoje obrazovanie [Bulletin of MCU. Series: Philology. Theory of language. Language education]. № 3(43), pp. 143–148. DOI 10.25688/2076-913X.2021.43.3.15 (in Russian).

9. Smirnova I.R. (2019) O sostavnom abbrokonstrukte [About the composite abbro-construct]. Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Serija D: Filologija i psihologija. № 2, pp. 62–70 (in Russian).

10. Terkulov V.I. (2016) Kompozity i slozhnosokrashhennye slova: o smezhnosti javlenij [Composites and complex abbreviated words: about the mixing of phenomena]. Russkij jazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaja nauchnopraktičeskaja konferencija (8–11 ijunja 2016 g.). Simferopol', Antikva Publ. Part I, pp. 230–241 (in Russian).

11. Terkulov V.I. (2020) Modeli ispol'zovanija slozhnosokrashhennogo slova i ego jekvivalentov v tekste: k tipologii sinhronnoj abbreviaturnoj jekvivalentnosti [Models of using a complex abbreviated word and its equivalents in the text: to the typology of synchronous abbreviation equivalence]. In Razvitie slovoobrazovatel'noj i leksičeskoj sistemy russkogo jazyka : Sbornik statej po materialam VII Mezhdunarodnogo nauchnogo seminar, posvjashhennogo 110-letiju Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta, Saratov, 01 nojabrja 2019 goda [Development of word-formation and lexical system of the Russian language : Collection of articles on the materials of the VII International Scientific Seminar dedicated to the 110th anniversary of Saratov State University, Saratov, November 01, 2019]. Saratov: Limited Liability Company “Amirit”. pp. 105–112 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.01.2025 г.

LEVELS OF STRUCTURAL-SEMANTIC INTERPRETATION OF ABBREVIATIONS BY NATIVE SPEAKERS

V.A. Ryazanova, E.N. Stankus

The article deals with levels of interpretation of abbreviations. This parameter has been brought into the open as a result of the questionnaire answers analysis aimed at identifying regularities in the native speakers' strategies used to decode abbreviations. The relevance of the study is determined by the fact that the provisions of the synchronic-equivalence approach, within the framework of which the study is conducted, have not been previously fully tested with the involvement of real respondents. In the process of the study, we used the method of questionnaire survey, with a control and an experimental groups being distinguished. To evaluate the results obtained we applied structural and onomasiological analysis, methods of comparison, classification and description. As a result of the research, three levels of structural-semantic interpretation of the abbreviation by the native speakers have been singled out. The abbreviation interpretation level depends on the result of a native speaker's decoding of abbreviation into an adequate collocation, which represents the abbreviation structural and onomasiological specificity and is constructed in accordance with the standard language norms.

Keywords: decoding stimulus, abbreviation decoding, interpretation level, syntactic equivalent.

Рязанова Валерия Александровна.

Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доцент кафедры русского языка;
старший научный сотрудник.
ORCID 0000-0002-7517-8589.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Станкус Екатерина Николаевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Ассистент кафедры русского языка;
младший научный сотрудник.
ORCID 0000-0002-0271-9698.
E-mail: e.n.stankus@mail.ru

Ryazanova Valeriya Aleksandrovna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Associate Professor at Department of the Russian
Language; Senior Researcher.
ORCID 0000-0002-7517-8589.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Stankus Ekaterina Nikolayevna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Assistant of the Russian Language Department;
Junior Researcher
ORCID 0000-0002-0271-9698.
E-mail: e.n.stankus@mail.ru

Научная статья

УДК 81-82'02

DOI: 10.5281/zenodo.14921533

ПОЭТИЧЕСКИЙ РЕГИОЛЕКТ

© 2025 *О.И. Северская*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

ORCID: 0000-0002-6277-9756

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается поэтический региолект как диалект малой поэтической социальной группы, функциональная разновидность регионального словоупотребления, которая используется в литературных текстах и формирует эстетические переживания, основанные на знании местных реалий и слов, их обозначающих. Разграничиваются понятия *регионализм* и *региолект*, *поэтический региолект* и *поэтическая школа*. Исследование, выполненное методом интеридиолектного и контекстного анализа текстов поэтов-метареалистов Е. Даенина, А. Драгомощенко, И. Кутика, А. Парщикова, С. Соловьева, выходцев из Винницы, Львова, Донецка и Киева, показывает их близость к южнорусской поэтической школе и выявляет символическое использование региональных топонимов, антропонимов, номинаций местных реалий, а также особую неспешную, иногда специально замедленную поэтическую интонацию и общие с другими выходцами из региона рефлексивность, сверхплотную предметность деталей, внимание к метаформозам пространства и времени, актуальности и поэтической реальности. Автор приходит к выводу, что поэтический региолект и язык поэтической школы представляют собой не тождественные, но способные как совпадать, так и частично пересекаться социопоэтические феномены.

Ключевые слова: социолингвистическая поэтика, поэтический региолект, южнорусская школа, регионализм, региональный культурный ландшафт, метареализм, интеридиолектный анализ, творческие «малые группы».

Для цитирования: Северская О.И. Поэтический региолект / О.И. Северская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 58–70. – <https://doi.org/10.5281/10.5281/zenodo.14921533>.

Введение. Рубеж XX–XXI веков можно назвать периодом социализации литературы вообще и поэзии в частности: все чаще говорят о динамическом взаимодействии общих и индивидуальных речевых проявлений, о том, что вокруг поэзии в сети возникают «референтные круги, чувство причастности к которым <...> обеспечивает важный канал социальной коммуникации и солидаризма» [2, с. 202].

В науке сегодня все чаще ставится проблема взаимной «переводимости» языка и концептуального аппарата социологии и филологических дисциплин. Обсуждению задач и перспектив в этой области был посвящен организованный журналом «Новое литературное обозрение» круглый стол «Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии» [9], на котором были определены и параметры новой научной парадигмы. Как пишет И.Д. Прохорова, ее концептуальным стержнем должен стать «человек в его разветвленных связях с другими людьми, социальными группами, обществом в целом, его стратегии креативности, самореализации в разных исторических обстоятельствах, т. е. человек в его персональном и коллективном измерениях, отдельные личности и «малые» социальные группы» (курсив мой – О.С.) [13].

В этом плане кажется перспективным путь, на который уже встала лингвистическая поэтика, позаимствовав у социолингвистики термин *идиолект* и произведя по аналогии с ним термин *идиостиль* – для определения, соответственно, системы и структуры индивидуального говорения о мире, в том числе и о поэтической реальности. Сегодня актуальной становится задача «достройки» терминосистемы с учетом разных форм групповых поэтических языков.

Материал и методы исследования. Концептуальную основу решения этой задачи можно определить в ходе критического анализа уже существующих исследований поэтик и языка разных литературных групп и направлений, целью которого будет определение системы концептов, описывающих структуру поэтического языка в его социолингвистическом измерении, а также уточнение понятийного компонента соответствующей терминологии. Соответствие теории поэтической практике легко проверяется интеридиолектным анализом текстов поэтов, входящих в конкретную школу (в данном случае материалом послужили произведения Е. Даенина [31], А. Драгомощенко [32; 33], И. Кутика [34], А. Парщикова [35], С. Соловьева [36; 37], представляющих поэтическую школу метареализма и сформировавших свой творческий почерк в одной социокультурной среде).

Основная часть. Задача создания поэтической диалектологии, поставленная еще в начале XX в. (Р. Якобсоном – в статье «Новейшая поэзия. набросок первый», 1921 [24, с. 273], и В.В. Виноградовым – в статье «О теории литературных стилей», 1927 [4, с. 240]) сегодня решается путем определения групповых лингвопоэтических норм, которые выявляются на основе интеридиолектного и интеридиостилевого анализа и исследования конвергенции с социальными языками (например, с языком науки в целом [14, с. 18] и с языками философии [1] и филологии [23] в частности). Выявляемый таким образом социально-исторически обусловленный вариант письма, сложившийся и используемый в некоем литературном сообществе и представляющий определенные типы автора, коммуникации и норм языкового выражения представлений о действительном мире и поэтической реальности, можно назвать *социолектом* [16, с. 203].

Это позволит установить связь поэтико-языковых феноменов микро- и макроуровней в системе поэтического языка: в ведении *микросоциопоэтики* окажутся *идиолекты* и *языки поэтических школ*, предметом же *макросоциопоэтики* станут феномены, вычленимые на уровне межгрупповой интеракции: *языки поколений*, а также универсально-языковые, *внеациональные (поэтические койне)* и *региональные варианты (региолекты)* поэтической речи.

Поэтический регионализм и региолект. Прежде чем перейти к рассмотрению поэтических региолектов, разграничим употребление терминов *региолект* и *регионализм*.

В англоязычной научной традиции терминосочетание *poetic regionalism* относится, прежде всего, к локальной литературной традиции, а также к использованию в поэтических текстах региональной лексики и фразеологии [26, с. 215; 29].

С. Бизли включает в понятие регионализма «географическую привязанность к месту на протяжении пяти или более лет; использование конкретного ландшафта, городского или сельского, в творческой работе; взаимодействие с местным сообществом авторов вне академических обязательств», акцентируя при этом внимание на роли «места» в формировании «культурного ландшафта» [25]. Регион в ее понимании – это линза, сквозь которую поэт смотрит, отбирая те реалии, которые значимы для его мира и становятся движущей силой его текста. В целом соглашаясь с этим, М.М. Мутана

подчеркивает, что регионализмы в литературном произведении транслируют читателю точку зрения автора [27, с. 14–15]

А. Рамирес-Понсе различает «осязаемые» (эксплицитные) и «неосязаемые» (имплицитные) регионализмы [28, с. 141] и не видит противоречий между регионализмом и интернационализмом [28, с. 144].

В отечественной филологии отметим работы А.И. Семенова, уточняющего: *поэтические регионализмы* являются одним из средств выражения поэтической функции в текстах, отражающих региональные реалии, одновременно выполняя номинативную (именование реалий, предметов и явлений), этнографическую (представление местного колорита), стилистическую (изменение регистра речи), идентифицирующую (формирование противопоставления «свой» – «чужой») и когнитивную (знакомство «чужого» читателя с местными реалиями) функции [19, с. 64]. А.И. Семенов предлагает и алгоритм исследовательской работы с регионализмами: выбор слова с «общерусской» семантикой, уточнение его значения в словаре региональной лексики, отделение «истинного» регионализма от «ложных», изучение контекстов употребления и определение на этой основе поэтической семантики, поэтического приема и функций регионализма [19, с. 65]. При этом, кажется, исследователь не чужд и теории «неосязаемых» регионализмов – об этом говорит проведенный им анализ использования в «колымских» стихах В. Гольдовской общеязыковой лексемы *пурга* как «тревожного» символа жизни на Колыме [19, с. 66–69].

Региолект, в классическом определении А.С. Герда, представляет собой промежуточное языковое образование, возникающее в связи с взаимодействием литературного языка, просторечия и местных говоров и постепенно заменяющее последние [5, с. 23]. Как уточняет Е.В. Ерофеева, региолект представляет собой языковой континуум, формирующийся на пересечении территориальной и социальной осей и, следовательно, зависящий как от территориальных, так и социальных факторов, среди которых особую роль играют тип образования и специальности, отношение к языку [6, с. 600].

Поэтический региолект, функциональная разновидность регионального словоупотребления, которая используется в литературных текстах и формирует эстетические переживания, основанные на знании местных реалий и слов, их обозначающих [10; 19], имеет свои особенности и характеристики, которые отличают его от других региолектов и стандартных языков.

Во-первых, поэтический региолект обычно содержит множество метафор, аллегорий и символов, которые могут быть непонятными для людей, не знакомых с регионом или культурой. Это делает его более сложным для понимания и интерпретации, чем другие региолекты или стандартные языки.

Во-вторых, поэтический региолект может использовать уникальные слова и выражения, которые не встречаются в других региолектах или стандартных языках. Эти слова и выражения могут быть связаны с местными традициями, обычаями или природными особенностями региона.

В-третьих, поэтический региолект часто имеет свою собственную ритмическую структуру и мелодию, которая может быть отличной от других региолектов или стандартных языков.

Наконец, поэтический региолект может иметь свои собственные стилистические особенности, такие как использование сложных образов, необычных сравнений и оригинальных метафор.

Региолект и поэтическая школа при этом могут быть связаны различными способами.

Во-первых, региолект может становиться основой для формирования поэтической школы. Например, в некоторых регионах существуют традиционные формы поэзии, которые могут использоваться как канон или стартовая площадка для развития новаторских тенденций.

Во-вторых, региолект может влиять на стиль и тематику произведений поэтической школы.

В-третьих, региолект может служить источником вдохновения для поэтов из разных регионов. Например, поэты из других регионов могут изучать «чужой» региолект и связанный с ним культурный ландшафт, а затем использовать полученные знания в своих произведениях.

Таким образом, региолект и поэтическая школа связаны друг с другом через язык, культуру и историю региона, но не совпадают, а образуют пересекающиеся групповые языковые множества.

Поэтические региолекты пока выделяются в основном интуитивно, но задача такая поставлена – например, проектом «Новая карта русской литературы» [30], где тексты и авторы представлены по регионам, с целью выявления как можно большего числа социопоэтических тенденций. Уже есть и первые попытки описания региолектов русской поэзии.

Например, С. Баталов [3], Ю. Подлубнова [12] и некоторые другие выделяют уральскую поэтическую школу (В. Дрожащих, А. Застырец, Ю. Казарин, В. Кальпиди, Е. Туренко, А. Санников, Е. Ройзман, Р. Тягунов и др.). Основные черты ее поэтики, выделенные исследователями, – богоискательство; особое внимание к мотивам смерти и воскресения, оживления неживого; «ерничество» как единственный достойный способ разговора о смерти; деструктивность, уравновешенная «брутальной нежностью»; игровые формы, «лирический авангардизм».

К. Корчагин [7] обращается к ферганской школе (Ш. Абдуллаев, Х. Закиров, Х. Исмайлов), отмечая общие для входящих в нее поэтов изобретение нового типа субъективности, «самоэкзотизацию», особый режим визуальности и поиск новой языковой, более космополитичной, идентичности.

Наконец, А. Тумольский пишет в статье «Русские европейцы с Украины» [22] о южнорусской школе, включая в нее начавших свой творческий путь на украинской земле, а затем переехавших в Ленинград или Москву А. Драгомощенко (жил в Виннице и учился на филфаке Винницкого пединститута), И. Кутика (родился и окончил школу во Львове), А. Парщикова (школу окончил в Донецке, жил некоторое время в Полтаве, проучился два года в Киевской сельскохозяйственной академии), к которым можно еще добавить родившегося и некоторое время жившего в Виннице Е. Даенина и киевлянина С. Соловьева, а также Л. Березуцкую, И. Винаина, И. Лапинского, В. Летцева, отмечая у всех «некую трудноуловимую общность», объясняемую «единым для всех поэтов "южнорусским" эмоционально-психологическим стереотипом». На структурно-поэтическом уровне, по мнению А. Тумольского, южнорусских поэтов объединяет метареализм как творческий метод, что с необходимостью предполагает разграничение «южнорусского» поэтического региолекта и его присутствия в языковом континууме метареализма как поэтической школы.

Метареализм и региолект южнорусской школы. Поэты-метареалисты украинского происхождения используют регионализмы в узком смысле термина – прежде всего, топонимы своего региона.

И. Кутик строит философию Времени и Пространства, находящихся в состоянии перманентных преобразований, на мифопоэтической версии рождения *Белосарайской косы* из огромной рыбы («Ода на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море»), при этом, по меткому выражению А.Е. Масалова, сама «Ода» – это «своеобразная пересборка "Метаморфоз" Овидия через одический канон и метаболический язык метареализма» [11, с. 86]. Автор же дает в тексте «Оды» ключ к ее интерпретации:

*Тот отзовется в связке дробной,
кто сразу – с первого витка –
смог зачерпнуть воды утробной,
став кукловодом языка,
и сам вошел в контакт тактильный...*

(И. Кутик. Ода на посещение Белосарайской косы)

С. Соловьев упоминает купол киевской Оперы («Когда я шпиль крепил на крыше нашей оперы...»), рассуждая о творчестве, его божественной природе и о «параллелях в мирах». *Гурзуф, Аю-Даг* («Гурзуф»), *Крым* («Тоскана»), *Херсон* («Твоя походка неплохо смотрится...») ассоциируются у него с раем земным, с которым он прямо связывает «дисциплинарную матрицу южной школы».

Больше всего регионализмов у А. Парщикова, в разные периоды жившего и учившегося в Полтаве, Донецке и Киеве. Это и *страна под названием «У»*, *Полтавское поле*, *Гадяч, мостик над Воркслою* («Я жил на поле Полтавской битвы»), *Днепр* («Как бережно отпаривают марку...»), *левый берег Днепра* («Выбор места»), *бледные холмы Азовья* («Землетрясение в бухте Цэ»), *Крым* («Крым»), и *Донбасс* (*напряжен Донбасс всей глубиной колодца* – «Мемуарный реквием»), *шахтеры, горняки, штольня, черное чудо – уголь* («Угольная элегия»), *жужелка* («по-донецки», как следует из авторского примечания, так называется фрагмент шлака), в мироздании обнаруживаемая поэтом *на любых путях пересмешницей перелива* («Жужелка»). *Славяногорск* (*Дважды шлях был повторен и время повторено дважды* – «Славяногорск»), *Волноваха* («Степь»), как и *Полтава*, символизируют исторические сражения России с татарами, турками и шведами, они упоминаются в контексте рассуждений о войнах и оружии, с неизменным, четко сформулированным в «Я жил на поле Полтавской битвы» выводом: *Будь поле чисто, как воздух! // Железо, брысь!*

Киев у А. Парщикова – символ *великого Города, что был, но иссяк*, построенного на земле рая, в его декорациях разворачиваются события в стихотворении «Из города»:

*Раньше, чем выйти из города, я бы хотел
выбрать в округе не хмелем рогатую точку,
но чтобы разом увидеть дворец и костел,
взлет на Андреевском спуске, и поодиночке –
всех, чтоб гостиница свежая глазу была,
дух мой на время к себе, как пинцетом, брала.*

Киев А. Парщиков описывает подробно и со вкусом – не только в поэзии, но и в прозе, например, в эссе, посвященном другу, художнику-гиперреалисту Сергею

Шерстюку: «Атмосферные киевляне считают, что *городская карта состоит из заколдованных уголков, мест, автоматически придающих смысл всякому их посетителю, готовому к встрече с таинственным: Поскотинка, Андреевский спуск, Черторой, зона Киево-Могилянской академии на Подоле или ансамбль Выдубецкого монастыря, печерский дом Городецкого со слонами и русалками на крыше, с легендой об утопленнице-дочери архитектора, хотя проект рекламировал всего-навсего использование цемента в начале столетия. Собственно, и в Москве киевлянин появляется конфигурированным суммой этих тайных знаний, которая на деле не систематизирована и представляет инфантильную метафизику (курсив мой – О. С.)».*

Днепр А. Парщиков упоминает чаще всего (кроме уже приведенных текстов, река «течет» в «Львах», *днепровские кручи* присутствуют в «Свинке»), он может не называться прямо, но отчетливо проступать в подтексте – именно на Днепре *легким правым и левым Киев основан, / выдохнув Лавру и сварной мост*. С впечатлившими поэта «байками Остапа Вишни о циклопических днепровских сомах, пожирающих речной транспорт» можно связать образ *Царь-рыбы* в стихотворении «Сом»: *Нам кажется: в воде он вырыт, как траншея. / Всплывая, над собой он выпятит волну*. Кроме биографических причин такого внимания А. Парщикова к этой реке можно усмотреть и философские: Днепр своим течением связывает воедино три восточнославянских государства и народа, прежде всего – Украину и Россию, сформировавшие его творческий почерк.

«Киевляне, – замечает А. Парщиков в эссе «Сергей Шерстюк (Киев – Москва)», – гордятся статистической зеленой массой, и она впрямь выступает могучей и стихийной, т.к. никто в этом городе не стрижет газонов и деревьев». В его стихах достаточно ботанических регионализмов, появляющихся в значимых контекстах: *группа каштанов* («Дачная элегия»), *крона каштана* («Экскурсия»: *С кроной каштана я стал обучаться взаимности*), *тень кипариса* («Автостоп в горах»), *падающий кипарис* («Сила»), есть и пейзажные украинизмы: *тыквы на тыне* («Бегство-3»).

Встречаются у А. Парщикова и регионализмы-антропонимы – имена не только исторических деятелей (*гетман Мазепа*) и литераторов и литературных героев (*Гоголь* и *Хома Брут*), но и друзей. Например, упоминается *Василий Чубарь – соученик, предвестник смуглых киевских бессонниц* («Как впечатленный светом хлорофилл...»).

В творчестве А. Драгомощенко регионализмов в узком смысле почти нет, однако украинские реалии угадываются, прежде всего, в пейзажах: *Хоть уголь ешь или пой под забором, / или же гимны возноси холмам, где кукурузы / стволы дымны от сырости на закате* («Буквы»), и в интонации, по мнению некоторых критиков, «по-украински мягкой, смысловой, музыкальной» [8].

Особое место в поэтике метареалистов «южной школы» занимают культурные регионализмы – языковые и литературные.

В некоторых случаях в их текстах присутствует украинский язык, с которого поэты легко переходят на другие языки: «*Я вижу пролив, изрезанный облаками. / <...> А там де вітер грає – шуляк стогне. / All difference will get in the stone*» (А. Драгомощенко, «Острова сирен»); «*Цедишь ли ты, дорогая, отвар из кореньев ревеня? (Парма – Равенне) // <...> // Кумонько, як ти гадаєш, ми дівчинки гарні? (Равенна – Парме)*» (С. Соловьев, «Тоскана»).

Что касается литературных традиций, то метареалисты эксплицируют свою связь с Григорием Сковородой.

О славянском барокко и поэтике Сковороды как о корнях метареализма говорил А. Парщиков. И исследователи и коллеги по поэтическому цеху, в частности, А. Тавров, видят в его поэзии раскрытие сути тезиса Сковороды: «Видишь, что не такова природа, как ты рассуждаешь. В ней то сильней, что непоказнее» («Наркисс»), особенно проявившееся в

концепте *силы*, отразившем «сочетание сокровенной неподвижности и движения на ее формопорождающем фоне, тем более сильном, чем он "непоказнее"», «отсутствия, покоя, пустотности, способной вобрать в себя все, обладающее формой» [21].

В диалог с философом XVIII в. вступает и А. Драгомощенко в одном из ранних стихотворений, в образах и семантике которого воплощены идеи Сковороды о глубине невещественного образа, который «пребывает в сокровищах ума»:

*И только слушал, как дух Григория,
сжигая клочья муки,
печать печали совлекая,
как бы ветвями детскими тянулся,
дабы припасть к живительному жалу в руке жнеца,
блистающей, как утро.*

Припасть и боле ни о чем не знать.

(А. Драгомощенко. Григория Сковороды возвращение)

Поэзия А. Драгомощенко, отмечают исследователи [22], связана с философией языка Сковороды, в рамках которой рассматривается идея символического мыслеобраза как путь формирования метаязыка для преодоления поэзией вещественной плоти реальности и выхода к метареальности абсолюта.

А. Гумольский называет черты, общие для всех «южных» поэтик [22]:

– *рефлексивность без исповедальности* (можно согласиться, уточнив, что рефлексивность метареалистов часто автобиографична, в частности, в поэзии А. Драгомощенко, И. Кутика, А. Парщикова, С. Соловьева много эксплицированных лично-событийных черт);

– *сверхплотная ткань предметных деталей* (заметим, что грамматика образных высказываний метареалистов отсылает к принципам «Риторике образа» Р. Барта: поэт складывает целостное изображение из дискретных чувственно-визуальных знаков, связывая их семантически силой собственного видения [15]);

– *образы напряженного размышления о сущности вещей без абстрактного философствования* (уточним: метареалисты рассматривают природу вещей через идею взаимопричастности и взаимопроникновения реальностей, обнаруживая универсалии, проявляющиеся в разных контекстах под разными «именами» (знаками) вещей и явлений; при этом они используют метатропы, близкие к метаморфозе: одна вещь не просто уподобляется или соответствует другой, а становится ею);

– *особое течение времени*: «лирика – "медленная", тягучая, в связи с чем сама ткань стиха становится предельно детализированной, орнаментальной»; время в поэтике южной школы есть «длительность поэтической реальности – мира иной природы».

«Замедление» передает, в частности, сверхдлинная строка:

*Амфитеатр печатной машинки – античность.
Пять на пять мы играем – актеры слепые.
Пядь на пядь с пустотой под небом притихшим.
Вот театр, где зрители есть, но их нет.
Будто вышли на время, но каждому оставлена маска
(С. Соловьев. «Амфитеатр печатной машинки...»),*

*ветер времени раскручивает меня и ставит поперек потока
с порога сознания я сбегая ловец в наглазной повязке
герои мои прячутся в час затмения и обмена ока за око
(А. Парщиков. Вступление).*

У А. Драгомощенко стих часто перетекает в прозу:

*Коршун лазурный объемлет землю,
опираясь крылами на пламя:*

псевдоповествование.

*Но потому, что тема вращения начала себя отнюдь не вчера.
Потому что, имея определенные навыки, иногда удается вызвать
состояние, которое услужливое воспоминание тотчас
обрамляет орнаментом необходимых подробностей...
(А. Драгомощенко. Острова сирен).*

Время у метареалистов не только замедляется, но и одновременно ускоряется, спрессовывая, смешивая разные временные и пространственные планы. И. Кутик подчеркивает это шрифтовыми выделениями: *Лампочка и вообще, то есть, свет – есть еще одно / приключение шара в направлении: в глубь поля... Это / постепенное набирание скорости, т.е. горение – настолько сильное, что: сам шар углубляется в полотно, / не зная, что он – уже лампочка там. И там – из глубины вообще света // до нас доносятся лишь обрывки свидетельств обычно, что же / на самом деле – произошло или происходит. / Даже пишущий эти строки, среди ночи – записывает по слову, по два в книжку, иногда – звуки какие-то... («Поле»).* И находит этому такое объяснение: *Язык пуце времени / ведь торопит («Urbi et скорби»).* У И. Кутика время антропометрично, часы ведь ходят, как человек: *Циферблат кем-то доеден наподобие пирога, / я не знаю времени, а вечность – она на кой? / Я сам ведь ходики, доходяга без тела, бред... («Нога»),* и вместе с тем стремится к абсолюту: *В воздухе толка нет, / любимая, нет здравого смысла; ничего нет, / кроме мысли о пересчете воздуха на абсолютное время («Влюбленный Шекспир»).* В его поэтике история <...> время и есть, а время, как прядь / золотая у Леонардо – вьётся себе по воздуху, выбившись из буклей, из их петли («Рама»).

Мысли И. Кутика: *время – искать уму / среди всех остальных времен / и должно («Влюбленный Шекспир»)* созвучно рассуждению об осмыслении времени в словесных образах Е. Даенина: *в нейронном смерче пылью скручиваешь время / в темя / своих небес, раскручиваешь в повесть слово / снова / и спотыкаешься всей плазмой средостений / о черепной клубок пути земного, / откуда бьется в жилах свет... («Стрелочник праха»).*

У А. Драгомощенко время задает различия слоев письма: один образуют письменна памяти, другой – ощущения, выносимые на поверхность восприятием; *круговорот времен* он сравнивает с *испарением ртути* или движением колесницы Гелиоса, извлекающего вещи из тьмы на свет («Фосфор»). По-своему рассматривает круговорот времен И. Кутик, то иронично замечаящий: *пора б время загнать в круг («Влюбленный Шекспир»),* то утверждая, что *время <...> круглое, как клетка у попугаев («Urbi et скорби»),* тем самым намекая на «дурную бесконечность».

Отметим также, что А. Тумольский называет три ситуации, в которых время может замедляться и которым находят соответствия в поэтике «южных» метареалистов: 1) в точке «начала», перед лицом поразительных новых возможностей

(метареализму свойственно рассуждать о том, что было «до слова», о Рождестве, о Рае – в Дантовском понимании [17; 18]); 2) в состояниях глубокой концентрации – всматривания, вслушивания, вдумывания в мир (*око за око / знак за знак / за глаз глас* – принцип А. Драгомощенко, у С. Соловьева *взгляд закавычен ушами; вещь у метареалистов вещает и ведает*, а слово превращает «вещь в себе» в «вещь для нас», как в «К молитве» Е. Даенина: *эпистолы железной голос вещей / прошил нейронный свиток, где, / скрипя / сквозным пером и сочетая вещи, / взял вещь в себе и вывел / из себя*), 3) когда человек приближается к вечности (ср. у А. Парщикова: *Но где остановка? В беспорядке / разбегается вечность. На чем / ни задержись – начинается заворот / в беспредельность («Ревность»); Всюду вечность мелькает, и от этой щекотки / задыхается время и выбранный мною тип. <...> Притормозись. Остановись. Поймай центр. / Зафиксируй его, и тогда тронешься с места. / Шоссе поблескивает, как мечтательный пинцет. / Вечность – только начало уже завершенного жеста («Дачная элегия»).*

Закключение. Как было показано на примере анализа произведений поэтов так называемой южнорусской поэтической школы, в частности, относимых к ней метареалистов Е. Даенина, А. Драгомощенко, И. Кутика, А. Парщикова, С. Соловьева, связанных рождением или годами жизни и учебы с Винницей, Львовом, Донецком и Киевом, действительно можно говорить о поэтическом региолекте, объединяющем их между собой и с другими представителями школы, о которых пишет А. Тумольский – Л. Березуцкой, И. Вининым, И. Лапинским, В. Летцевым, демонстрирующим сходные творческие принципы.

Сходство заключается в творческом использовании явных регионализмов: украинского языка и региональной лексики, включая топонимы и антропонимы, а также номинации региональных реалий. Эти элементы не только уточняют хронотоп произведений, но и символически значимы в контекстах, связанных с ключевыми темами метареализма. Особое внимание метареалисты уделяют соотношению языка, пространства и времени, воссозданию многомерности реальности в тексте и восприятию зрения и воображения как преобразующего действия, способного соединить абсолют и реальность окружающего мира. Эти идеи также находят отражение в произведениях с региональным акцентом.

Кроме того, в текстах всех поэтов южнорусской школы присутствуют «неосознанные» региональные особенности, такие как неспешная, словно сознательно замедленная, поэтическая интонация, обстоятельность повествования и предельная предметная насыщенность. Эти черты придают произведениям уникальный колорит и глубину.

Однако Л. Березуцкая, И. Винин, И. Лапинский, В. Летцев, при всем сходстве поэтик и констант поэтического мира, при строгом интердиолектном анализе не могут быть отнесены к школе метареализма, социолект которой имеет четкую структуру доминант: «оппозиции реального мира как лингвистические», «переосмысление знаковой ситуации: символизация реалии и реализация символического значения», «референтная прозрачность номинации», «денотативная связь как семантическая, реализующаяся в сходных означающих», «фонетическая связь как семантическая (денотативная) связь означаемых», «фонетический облик слова как критерий реальности» [14, с. 80]. В свою очередь, метареалисты В. Аристов и И. Жданов не входят в южнорусскую поэтическую школу, не имея в своих поэтиках соответствующего регионального компонента.

Таким образом, поэтический региолект и язык поэтической школы это не тождественные, но способные как совпадать, так и частично пересекаться социопоэтические феномены.

Дальнейшие исследования поэтических региолектов будут способствовать более глубокому пониманию региональных литературных традиций, их роли в формировании культурного ландшафта и влияния на развитие литературы. Это может привести к новым открытиям и интерпретациям литературных произведений, а также способствовать выделению новых поэтических школ и творческих «малых групп».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст) / Н.М. Азарова. – М. : Логос / Гнозис, 2010. – 496 с.
2. Асонова Е.А. Поэзия в транзите: девять интервью о месте поэзии в жизни общества и в образовании / Е.А. Асонова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. – 2018. – № 3. – С. 191–206.
3. Баталов С.А. Уральская поэтическая школа: взгляд со стороны / С.А. Баталов // Вопросы литературы. – 2023. – № 6. – С. 49–163.
4. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1980. – 360 с.
5. Герд А.С. Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 488 с.
6. Ерофеева Е.В. Региолект как континуум / Е.В. Ерофеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (4). – С. 596–614. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>.
7. Корчагин К.М. «Когда мы заменим свой мир...»: ферганская поэтическая школа в поисках постколониального субъекта / К.М. Корчагин // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 2 (144). – С. 448–470.
8. Крушельницкий В. Несколько слов о поэзии Аркадия Драгомощенко [Электронный ресурс] / В. Крушельницкий // Яндекс.Дзен. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/XdtyILJ-YAGSIRNV> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии («круглый стол» «Нового литературного обозрения», 4 апреля 2006 года) // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 82. – С. 93–121.
10. Магерарова Ю.Ю. Лексико-семантическая классификация колымских регионализмов / Ю.Ю. Магерарова // Мир науки. Социология, филология, культурология [Электронный ресурс]. – 2022. – Т. 13. – №2. – Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/19FLSK222.pdf> (дата обращения: 14.01.2025).
11. Масалов А.Е. «Ода на посещение Белосарайской косы, что на Азовском море» Ильи Кутика: мифопоэтика, метаморфозы пространства и функция метабола / А.Е. Масалов // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 8. – С. 86–95. – DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-86-95.
12. Подлубнова Ю. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность / Ю. Подлубнова // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 5. – С. 1836–1851. – DOI 10.15826/qr.2022.5.764.
13. Прохорова И.Д. Новая антропология культуры: вступление на правах манифеста / И.Д. Прохорова // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 100. – С. 9–16.
14. Северская О.И. Язык поэтической школы: социолект, идиолект, идиостиль / О.И. Северская. – М.: Словари.ру, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007. – 126 с.
15. Северская О.И. Лингвистическая философия метареализма (поэзия и поэтическая метатеория) / О.И. Северская // Имидж – диалог – эксперимент: Поля современной русской поэзии. – München-Berlin-Washington D.C.: Otto Sagner Verlag, 2013. – С. 91–117.
16. Северская О.И. Социоллингвистическая поэтика: теория, диктуемая практикой / О.И. Северская // Język i metoda. – 2015. – Vol. 2. – С. 201–211.
17. Северская О.И. Образы рая в русской поэзии конца XX в. / О.И. Северская // Слово.Ру. Балтийский акцент. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 60–68.
18. Северская О.И. «Бог – Эдип – Отец»: лингвистическая «теософия» метареализма / О.И. Северская // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 2 (21). – С. 164–172.
19. Семенов А.И. Поэтический регионализм (к определению понятия) / А.И. Семенов // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 62–73. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-8-62-73.
20. Суханова С.Ю. Философско-поэтическое переживание мира как элемент славянского художественного сознания: Сковорода и Драгомощенко / С.Ю. Суханова, П.А. Цыпилева // Русин. – 2015. – №3 (41). – С. 144–152.

21. Тавров А. О категориях сильного и слабого в поэзии Парщикова / А. Тавров // Артикуляция: литературно-художественный альманах [Электронный ресурс]. – 2020. – Вып. 13. – Режим доступа: <https://articulationproject.net/9141> (дата обращения: 20.01.2025).
22. Тумольский А. Русские европейцы с Украины. Заметки политолога о «южнорусской» школе в поэзии России 80-90-х годов XX века / А. Тумольский // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 6 (46). – С. 294–315.
23. Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. 2-е изд. / Н.А. Фатеева. – М. : Языки славянской культуры, 2017. – 360 с.
24. Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 460 с.
25. Beasley S. Prioritizing Place. In defense of regionalism [Электронный ресурс] / S. Beasley. – 2014. – Режим доступа: <https://www.poetryfoundation.org/articles/70092/prioritizing-place> (дата обращения: 20.01.2025).
26. Brearton F. The Oxford Handbook of Modern Irish Poetry / F. Brearton, A. Gillis. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 723 p.
27. Muthana M.M. From Regionalism to Nationalism and Universalism: The Poetry of Robert Frost / M.M. Muthana // Journal of Ahlul Beit University. – 2015. – No. 18. – P. 6–19.
28. Ramirez Ponce A. Poetic, Musical and Architectural Regionalism / A. Ramirez Ponce // Nexus. – 2008. Vol. VII. – Architecture and mathematics. – P. 129-138.
29. Regionalism and Local Color Fiction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.encyclopedia.com/history/culture-magazines/regionalism-and-local-color-fiction> (дата обращения: 20.01.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

30. Новая карта русской литературы. Интернет-проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litkarta.ru/russia/> (дата обращения: 20.01.2025).
31. Даенин Е. Возведение в степень / Е. Даенин. – М.: Изд-во Е. Пахомовой, 2000. – 76 с.
32. Драгомощенко А. Небо соответствий. Стихи / А. Драгомощенко. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 69 с.
33. Драгомощенко А. Тавтология. Стихотворения, эссе / А. Драгомощенко. – М.: НЛЮ, 2011. – 456 с.
34. Кутик И. Эпос / И. Кутик. – М.: Русский Гулливер, 2010. – 416 с.
35. Парщиков А. Выбранное / А. Парщиков. – М.: Гарант, 1996. – 208 с.
36. Соловьев С. Пир: Тексты. Стихи. Беседы / С. Соловьев. – Николаев-Симферополь : Академия-Таврия, 1993. – 320 с.
37. Соловьев С. В стороне. Избранные стихи и эссе / С. Соловьев. – М. : НЛЮ, 2010. – 144 с.

REFERENCES

1. Azarova N.M. (2010). Yazyk filosofii i yazyk poezii – dvizheniye navstrechu (grammatika, leksika, tekst) [The Language of Philosophy and the Language of Poetry – Moving Towards (grammar, vocabulary, text)]. Moscow: Logos. Gnozis (In Russian).
2. Asonova Ye.A. (2018). Poeziya v tranzite: devyat' interv'yu o meste poezii v zhizni obshchestva i v obrazovanii [Poetry in Transit: Nine Interviews on the Place of Poetry in the Life of Society and in Education] in Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya [Ural Philological Bulletin. Series: Russian Literature of the 20th-21st Centuries: Directions and Currents], 3, pp. 191–206 (In Russian).
3. Batalov S.A. (2023). Ural'skaya poeticheskaya shkola: vzglyad so storony [The Ural Poetic School: A View from the Outside] in Voprosy literatury [Questions of Literature], 6, pp. 49-163 (In Russian).
4. Vinogradov V.V. (1980). O yazyke khudozhestvennoy prozy [On the Language of Fiction]. Moscow: Nauka (In Russian).
5. Gerd A.S. (2001). Vvedeniye v etnolingvistiku [Introduction to Ethnolinguistics]. Sankt-Petersburg : Izd-vo SPbGU (In Russian).
6. Yerofeyeva Ye.V. (2020). Regiolekt kak kontinuum [Regiolect as a Continuum] in Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature], 17 (4), pp. 596–614 (In Russian).
7. Korchagin K.M. (2017). «Kogda my zamenim svoy mir...»: ferganskaya poeticheskaya shkola v poiskakh postkolonial'nogo sub'yekta [“When We Replace Our World...”: The Fergana Poetic School in Search of a Postcolonial Subject] in Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 2 (144), pp. 448-470 (In Russian).
8. Krushelnitskiy V. (2025) Neskol'ko slov o poezii Arkadiya Dragomoshchenko [A Few Words about the Poetry of Arkady Dragomoshchenko]. <https://dzen.ru/a/XdtyILJ-YAGSIRNV> (In Russian).

9. Kul'turnyye kody, sotsial'nyye strategii i literaturnyye stsenarii («kruglyy stol» «Novogo literaturnogo obozreniya», 4 aprelya 2006 goda) [Cultural Codes, Social Strategies, and Literary Scenarios (Round Table of the New Literary Review, April 4, 2006)] (2006) in Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 82, pp. 93–121 (In Russian).
10. Mageramova Yu.Yu. (2022). Leksiko-semanticheskaya klassifikatsiya kolym'skikh regionalizmov [Lexical and Semantic Classification of Kolyma Regionalisms] in Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies], vol. 13, 2 (In Russian).
11. Masalov A.Ye. (2021). «Oda na poseshcheniye Belosarayskoy kosy, chto na Azovskom more» Il'i Kutika: mifopoetika, metamorfozy prostranstva i funktsiya metaboly ["Ode on a Visit to the Belosaray Spit on the Sea of Azov" by Ilya Kutik: Mythopoeitics, Metamorphoses of Space and the Function of Metabola] in Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniiye. Kul'turologiya [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies"], 8, pp. 86–95 (In Russian).
12. Podlubnova Yu. (2022). Ural'skaya poeticheskaya shkola: fantom ili real'nost' [Ural Poetic School: Phantom or Reality] in Quaestio Rossica. Vol. 10, no. 5, pp. 1836–1851 (In Russian).
13. Prokhorova I.D. (2009). Novaya antropologiya kul'tury: vstupleniye na pravakh manifesta [New Anthropology of Culture: Introduction as a Manifesto] in Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 100, pp. 9–16 (In Russian).
14. Severskaya O.I. (2007). Yazyk poeticheskoy shkoly: sotsiolekt, idiolekt, idioshtil' [Language of the Poetic School: Sociolect, Idiolect, Idiostyle]. Moscow: Slovare.ru, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN (In Russian).
15. Severskaya O.I. (2013). Lingvisticheskaya filosofiya metarealizma (poeziya i poeticheskaya metateoriya) [Linguistic Philosophy of Metarealism (Poetry and Poetic Metatheory)] in Imidzh – dialog – eksperiment: Polya sovremennoy russkoy poezii [Image – Dialogue – Experiment: Fields of Contemporary Russian Poetry]. München-Berlin-Washington D.C.: Otto Sagner Verlag, pp. 91–117 (In Russian).
16. Severskaya O.I. (2015). Sotsiolingvisticheskaya poetika: teoriya, diktuyemaya praktikoy [Sociolinguistic Poetics: Theory Dictated by Practice] in Język i metoda, 2, pp. 201–211 (In Russian).
17. Severskaya O.I. (2018). Obrazy raya v russkoy poezii kontsa XX v. [Images of Paradise in Russian Poetry of the Late Twentieth Century] in Slovo.Ru. Baltiyskiy akcent [Slovo.Ru. Baltic Accent], vol. 9, 2, pp. 60–68 (In Russian).
18. Severskaya O.I. (2020). «Bog – Edip – Otets»: lingvisticheskaya «teosofiya» metarealizma ["God – Oedipus – Father": Linguistic "Theosophy" of Metarealism] in Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik [Upper Volga Philological Bulletin], 2 (21), pp. 164–172 (In Russian).
19. Semenov A.I. (2018). Poeticheskii regionalizm (k opredeleniyu ponyatiya) [Poetic regionalism (towards the definition of the concept)] in Nauchnyy dialog [Scientific dialogue], 8, pp. 62–73 (In Russian).
20. Sukhanova S.Yu., Tsybilova P.A. (2015). Filosofsko-poeticheskoye perezhivaniye mira kak element slavyanskogo khudozhestvennogo soznaniya: Skovoroda i Dragomoshchenko [Philosophical and poetic experience of the world as an element of Slavic artistic consciousness: Skovoroda and Dragomoshchenko] in Rusin, 3 (41), pp. 144–152 (In Russian).
21. Tavrov A. (2020). O kategoriyakh sil'nogo i slabogo v poezii Parshchikova [On the Categories of Strong and Weak in Parshchikov's Poetry] in Artikulyatsiya: literaturno-khudozhestvennyy al'manakh [Articulation: Literary and Artistic Almanac], 13, <https://articulationproject.net/9141> (In Russian).
22. Tumol'skiy A. (2000). Russkiye yevropeytsy s Ukrainy. Zametki politologa o «yuzhnorusskoy» shkole v poezii Rossii 80-90-kh godov XX veka [Russian Europeans from Ukraine. Notes of a Political Scientist on the "South Russian" School in Russian Poetry in the 80-90s of the 20th Century] in Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 6 (46), pp. 294–315 (In Russian).
23. Fateyeva N.A. (2017). Poeziya kak filologicheskii diskurs [Poetry as a Philological Discourse]. 2-ye izd. [2nd ed.]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (In Russian).
24. Jakobson R. (1987). Raboty po poetike [Works on poetics]. Moscow: Progress (In Russian).
25. Beasley S. (2014). Prioritizing Place. In defense of regionalism, <https://www.poetryfoundation.org/articles/70092/prioritizing-place> (in English).
26. Brearton F., Gillis A. (eds.) (2012). The Oxford Handbook of Modern Irish Poetry. Oxford: Oxford University Press (in English).
27. Muthana M.M. (2015). From Regionalism to Nationalism and Universalism: The Poetry of Robert Frost in Journal of Ahlul Beit University, 18, pp. 6-19 (in English).
28. Ramirez Ponce A. (2008). Poetic, Musical and Architectural Regionalism in Nexus, VII, Architecture and mathematics, pp. 129-138 (in English).
29. Regionalism and Local Color Fiction, <https://www.encyclopedia.com/history/culture-magazines/regionalism-and-local-color-fiction> (in English).

Поступила в редакцию 22.01.2025 г.

POETIC REGIOLECT

O.I. Severskaya

The paper examines poetic regiolect as a dialect of a small poetic social group, a functional variety of regional word usage that is used in literary texts and forms aesthetic experiences based on knowledge of local realities and the words that denote them. The concepts of "regionalism" and "regiolect", "poetic regiolect" and "poetic school" are distinguished. The study, carried out with the application of the method of interidiolect and contextual analysis of the texts of metarealist poets E. Daenin, A. Dragomoshchenko, I. Kutik, A. Parshchikov, S. Solovyov, natives of Vinnitsa, Lvov, Donetsk and Kyiv, shows their proximity to the southern Russian poetic school and reveals the symbolic use of regional toponyms, anthroponyms, nominations of local realities, as well as a special sometimes deliberately slow poetic intonation, and reflexivity, super-dense objectivity of details, attention to metamorphoses of space and time, relevance and poetic reality, common with other natives of the region. The author comes to the conclusion that the poetic regiolect and the language of the poetic school are not identical sociopoetic phenomena, which can both coincide and partially intersect.

Keywords: sociolinguistic poetics, poetic regiolect, South Russian school, regionalism, regional cultural landscape, metarealism, interidiolect analysis, creative "small groups".

Северская Ольга Игоревна.

Кандидат филологических наук.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ведущий научный сотрудник отдела корпусной
лингвистики и лингвистической поэтики.

ORCID: 0000-0002-6277-9756.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru.

Severskaya Olga Igorevna.

Candidate of Philology.

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian
Federation.

Leading Researcher at Department of Corpus
Linguistics and Linguistic Poetics.

ORCID: 0000-0002-6277-9756.

E-mail: oseverskaya@yandex.ru.

Научная статья

УДК 070.316.77

DOI: 10.5281/zenodo.14928609

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТЕНТ СОВРЕМЕННОГО PR-ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ БЭКГРАУНДЕРОВ КУЗБАССКИХ ПРЕСС-СЛУЖБ)

© 2025 А.С. Тельманова ¹, Е.А. Тельманова ²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры»

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

ORCID¹: 0000-0003-1487-7957

ORCID²: 0009-0007-3470-4128

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья исследует проблему визуализации информации в PR-текстах, а также анализирует способы поликодового создания коммуникативного фона в современной практике пиарологии в условиях конвергенции медиасистем и клиповизации мышления. Тенденция к визуализации медиатекстов и ее доминантность в современном информационном пространстве являются переломным фактором в развитии СМИ и Public Relations. В данном исследовании с помощью контент-анализа были изучены бэкграундеры пресс-служб компаний и учреждений Кузбасса с целью выделения основных способов визуализации контента в региональной PR-среде. Сделаны выводы о том, что и бэкграундер, и визуализация в настоящее время находятся на этапе оформления способов практического применения, о чем свидетельствуют проблемы анализа особенностей современного регионального PR-текста, обусловленные несоответствием реального медиапродукта с разработанными теоретическими положениями пиарологии.

Ключевые слова: бэкграундер, визуализация, визуальный компонент, визуальный поворот, Кузбасс, медиатекст, пиарология, пресс-служба, PR-текст.

Для цитирования: Тельманова А.С. Визуальный контент современного PR-текста (на примере бэкграундеров кузбасских пресс-служб) / А.С. Тельманова, Е.А. Тельманова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 71–85. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10.5281/zenodo.14928609>.

Введение. На сегодняшний день в науке и повседневной жизни человека укоренились такие понятия, как информационные технологии, конвергенция средств массовой информации, глобализация культуры в целом, клиповое мышление и визуализация. А журналисты и PR-менеджеры стремятся организовать информацию таким образом, чтобы она представляла собой единый синтезированный поток вербальных и визуальных изображений для увеличения привлекательности текста в постоянно обновляющемся потоке информации. Тенденция к визуализации данных имеет множество исторических, культурных и социальных предпосылок и меняет не только жизнь человека, но и привычный уклад журналистики и пиарологии: ученые вынуждены «улучшать» уже существующие классификации и типологии медиа текстов, а работники редакций СМИ и пресс-служб отвечать на запрос аудитории в «клипах». Исследование новых явлений и феноменов современной реальности помогает не только оценить уровень внедрения визуализации информации в

медиасреду региона, но и выявить способы адаптации Public Relations к новым условиям.

Объектом исследования являлся бэкграундер как жанр PR-текста. Жанры PR-коммуникации – это особые типы текстов в сфере публичной коммуникации, функционирующие в процессе обмена информацией между основным субъектом PR (государственными, коммерческими или иными общественными структурами) и его целевой аудиторией. Жанры PR-документов обладают особой формой построения текста и характеризуются единством содержания, структуры и языковых особенностей. Предметом исследования стали основные способы визуализации в бэкграундере.

Исследование было проведено с целью анализа основных способов визуализации информации в бэкграундере. Для этого было изучено понятие *визуализация* и установлена ее роль в современном медиaprостранстве; выявлена жанровая специфика бэкграундера как PR-документа; определены способы и средства визуализации в региональной PR-среде.

Материалами исследования стали медиакиты и пресс-релизы региональных учреждений культуры, организаций здравоохранения, промышленных предприятий, финансовых корпорации и администрации Кузбасса. В ходе практической части исследования были проанализированы 217 пресс-релизов и 47 бэкграундеров кузбасских учреждений культуры и образования (Государственная научная библиотека Кузбасса им. В.Д. Федорова, Музей изобразительных искусств, Кемеровский государственный цирк, Кемеровский государственный университет), организаций здравоохранения (Областная клиническая больница им. С.В. Беляева), промышленных предприятий (группа компаний «Азот», «СДС-Уголь»), энергетических компаний (Северо-Кузбасская энергетическая компания (СКЭК), «Энергосбыт»), финансовых организаций («Россельхозбанк»), провайдера телекоммуникационных и цифровых услуг («Ростелеком»), франшизы фермерских продуктов («Калина-Малина») и администрации Кузбасса (Администрация Правительства Кузбасса, Министерство культуры и национальной политики Кузбасса).

Были проанализированы тексты, опубликованные пресс-службами региона в период с апреля по октябрь 2024 года. Территориальные ограничения в поиске источников материалов связаны с интересом к современному состоянию PR-среды и уровню PR-коммуникации в Кемеровской области – Кузбассе.

Методами исследования явились:

- 1) жанрово-типологический метод (использовался при описании и анализе бэкграундера как жанра PR);
- 2) контент-анализ и дискурс-анализ.

Для анализа с целью определения основных способов визуализации информации в бэкграундерах, взятых в качестве материалов практической части исследования, нами был разработан алгоритм анализа текстов.

На первом этапе необходимо было изучить содержание текстов, отмеченных как справочная информация, в отобранных пресс-релизах с целью выявления соответствия выполняемой задачи текста – предоставление дополнительной информации.

На следующем этапе работы с бэкграундерами стояла задача выделить те, в которых есть визуальные компоненты, и разделить их на условные группы по способам и инструментам визуализации (иллюстрация, фотография, видеоматериал, инфографика, смешанные визуальные компоненты).

Визуализация информации мультидисциплинарна, так как базируется на знаниях разных предметных областей, включает в себя многообразие форм и технологий и

применяется почти во всех сферах работы с данными, поэтому в науке не существует единого метода изучения этого процесса. В основу данного исследования был положен подход А.А. Бузиновой, выделяющий графический дизайн основным инструментом создания визуального контента.

Основные средства графического дизайна принято разделять на три категории: графику (рисунок), фотографику (синтез фотографий и рисунка) и типографику (шрифт, соразмерность частей текста, форматы).

В соответствии с данной классификацией каждый бэкграундер был проанализирован с точки зрения выявления средств визуализации, использованных в нем, и их синтеза в рамках одного медиатекста. По каждому изученному документу было составлено краткое резюме-описание, какие визуальные компоненты графического дизайна в нем содержатся, для дальнейшей эффективной работы при анализе основных способов визуализации и ориентирования в большом количестве практических материалов.

На последнем этапе выявленные способы визуализации информации были классифицированы. Чтобы систематизировать визуальный контент в ходе анализа, мы опирались на типологию А.А. Бузиновой, которая построена на степени интеграции графического дизайна и его роли в медиатексте. Автор выделяет следующие PR-тексты.

1. «Элементарные» – такие PR-тексты, которые минимально наполнены визуальными сообщениями и образами. Как правило, это вербальное сообщение, визуализированное с помощью средств типографики, то есть выделение текста шрифтовым решением, в то время как цвет и иллюстрация отсутствуют. Исследователи считают, что в данном случае сам текст можно считать визуальным контентом, так как он выражен с помощью определенного шрифта, кегля, а также верстки и оформления с определенным интерльязем.

2. «Комбинаторные» – PR-тексты, в основе которых заложена комбинация не более двух разных инструментов/способов визуализации. Так как текст является константным элементом для всех PR-документов, он может быть дополнен одним из продуктов визуальной коммуникации: например, только фотографией, только графиком, только видео и т.п.

3. «Интегративные» PR-тексты представляют комплексную систему визуальных объектов, которые взаимодействуют между собой, что позволяет одновременно и наиболее эффективно передавать потребителю информации максимальное количество сообщений.

4. «Альтернативные». Как отмечают ученые, такой вид PR-текстов встречается редко в современной пиарологии. Это обусловлено тем, что для его создания не должны быть использованы уже оформленные и утвержденные шаблоны передачи информации или традиционный канал коммуникации, а в содержании материалов приветствуются нестандартные/небанальные знания [3].

Таким образом, анализ материалов состоял из пяти этапов: сопоставления найденных примеров бэкграундеров с теорией пиарологии (их ролью и целью); разделение текстов на группы по признаку наличия визуальных компонентов в их структуре; детальный анализ графических средств и визуальных образов каждого текста; сравнение и объединение наиболее частотных и ярких способов визуализации; их классификация и определение как научного понятия.

Основная часть. Для того чтобы сформулировать определение понятия *визуализация* и актуализировать его значение в современной журналистике и пиарологии,

были изучены научные труды, посвященные анализу и описанию этапов развития и использования визуальных образов в текстах, культуре и жизни человека в целом.

К сегодняшнему дню оформился целый пласт исследований теории и истории визуализации как феномена, связывающего сразу несколько направлений научной мысли: философия, культурология, психология, социология. Однако, несмотря на общий характер многих работ, прослеживается увеличение интереса к процессам кодирования информации с помощью изображений, что продиктовано непосредственным устройством современной культуры, то есть в настоящее время невозможно игнорировать значимость этого явления. А.В. Дроздова отмечает, что визуальный контент перестает быть дополнением к вербальным формам отражения реальности, а становится основным способом и принципом структурирования и конструирования знаний о ней [7, с. 32].

Сегодня для описания предельно качественных социокультурных трансформаций, повлекших развитие той или иной отрасли или всей цивилизации, используется термин *поворот*, возникновение которого в мировой науке приходится на прошлое столетие. Этим понятием определяется переломный момент или цепь событий в истории человечества, повлекшие резкое ускорение существующих научных, технических, культурных процессов, в том числе в новом направлении. Так в гуманитарных науках рост роли и популярности изображений как инструмента передачи информации получил название «визуальный поворот». С.И. Симакова в своих исследованиях обозначает его как переход от «эпохи Гуттенберга» к «эпохе Цукерберга» [15, с. 213].

Первые попытки визуализировать информацию были предприняты еще за 30 тысяч лет до н.э. С тех пор различные изображения использовались как для передачи информации, так и для дополнения смыслов. И помимо очевидных технических предпосылок – научных достижений, расширяющих возможности людей создавать и распространять визуальные образы, – исследователи выделяют следующие причины смены «эпох» и «эмансипации» изображений.

Одной из них стало появление и оформление публичной сферы, то есть открытой площадки обсуждений актуальных вопросов, формулирования общественного мнения, создания «имиджа». С ней связано и развитие капиталистических отношений, которые способствовали усилению роли визуального. Новые экономические процессы требовали постоянного поддержания и усиления конкурентоспособности, что выразилось в увеличении визуальной привлекательности как одном из способов активизации потребительского интереса.

Также ученые Челябинского государственного университета связывают утверждение визуальности в XX веке с развитием постмодернистских идей [4]. Они отмечают тот факт, что первые проявления постмодернизма можно найти в изобразительном искусстве, скульптуре или архитектуре, а также экспериментах в рекламе и дизайне, и только после укореняются в литературе и философии. Более того, постмодернистской модели мира свойственно сомнение в объективности реальности, чем только актуализируется процесс постоянной и широкой визуализации окружающей действительности.

Человек всегда стремится к эффективности, то есть к достижению результата, удовлетворяющего его потребности, интересы и амбиции, с затратой наименьших усилий и/или времени. На наш взгляд, это тоже является одной из причин «визуального поворота». В подтверждение этой точки зрения можно привести результаты исследований, проведенных Visual Teaching Alliance, объединением норвежских

преподавателей и ученых, изучающих влияние визуальных образов на восприятие мира молодыми поколениями [16, с. 120].

Наш мозг способен обработать 36 000 визуальных сообщений за 60 минут без целенаправленного сигнала, в то время как декодирование вербального текста занимает больше времени и требует большей концентрации. Журналист и теоретик СМИ Джон Бергер в книге «Видеть – значит верить» обращается к психологии развития человека и пишет, что «восприятие предшествует словам» [2, с. 57]. Визуальный контент оказывает влияние как на психоэмоциональное состояние человека, так и на его когнитивные способности со скоростью 1/10 секунды. Из этого следует, что графика не только оптимизирует процессы понимания и запоминания сообщений с помощью привлечения внимания к тексту, создания ассоциаций, иллюстрации знаний, она также стимулирует разные области нашего мозга, влияя на эмоциональный фон, тем самым позволяет усилить творческое мышление и глубину осмысления материала.

Более того из-за лавинного потока визуального контента в XXI веке изменилось и мышление современного человека, которое получило название «клиповое». Степень изученности это феномена высока, однако в большинстве научных трудов его наделяют негативными характеристиками, такими как: неумение индивида анализировать большие объемы информации, сохранять концентрацию, замечать детали, то есть его приравнивают к фактору деградации личности. Однако в данном исследовании клиповое мышление рассматривается как один из способов адаптации к новым условиям жизни и трансформации культуры, актуальная форма восприятия мира, соответствующая требованиям времени [9, с. 158].

С.И. Симакова описывает клиповизацию мышления у поколения «эпохи Цукерберга» как уникальный талант, ссылаясь на то, что оно меняет сам процесс декодирования информации. Под этим автор имеет в виду набирающий обороты подход к «сканированию» символов и композиционных частей текста. Это снижает уровень «погружения» в материал, превращая потенциально новые знания в поверхностные. Вместе с тем становится «фильтром», защищающим наш мозг от воздействия большого количества регулярно появляющихся в публичной сфере сообщений, что свидетельствует о том, что «клиповое мышление» справедливо рассматривать как форму адаптации человеческого организма в век информационных технологий.

В связи с современными изменениями в восприятии текста в науке появляется ряд новых дефиниций. Я. Галло вводит целый ряд терминов, обозначающих изменение привычных журналистских и PR-материалов и подчеркивающих, что ядром коммуникации может служить не только вербальный текст: «креолизованный текст, супертекст, бимедиальный, полимедиальный, мультимедиальный текст, вербально-визуальный текст, поликодовый текст, <...> семиотически осложненный текст» и многие другие [5]. Таким образом, расширение подходов к изучению и выделению «стандартов» медиатекста свидетельствует о росте значения образа и его роли в современных средствах массовой коммуникации.

Одной из главных причин качественных изменений и трансформации самого понятия *текст* является процесс глобализации и конвергенции СМИ, способствующий развитию новых характерных черт медиа и изменению языка.

Парадоксально то, что ситуация «мутации» массмедиа является и ведущей предпосылкой визуального поворота, на что указывают приведенные нами тенденции к изменению системы СМИ, и одновременно его важнейшим следствием. С.Н. Оводова

объяснила эту взаимосвязь так: «Визуальный поворот в культуре связан с переходом от накопления визуальных образов к их трансляции» [10, с. 25].

В результате исследований связи медиа и визуального поворота ученые приходят к выводу, что сегодня образ становится точкой отсчета журналистики нового времени, а его доминантность обусловлена самими процессами развития СМК, глобализацией, расширением баз данных, повышением планки «достаточности информации» для создания полноценного, объективного и конкурентоспособного текста. Вследствие чего перед современными СМИ стоит задача расширения и качественного улучшения визуального языка, используемого при общении с аудиторией.

Под визуальным контентом принято понимать информацию, закодированную в визуальные образы: фотографии, иллюстрации, графики и диаграммы, видеоролики, логотипы и другое. Однако в теоретической части исследования выделены традиционные типы визуального контента в соответствии с исследованиями С.И. Симаковой [14, с. 136].

Первым является такой инструмент визуализации как иллюстрация. При широком подходе к пониманию этого термина его значение включает все виды наглядного изображения. Для данного же исследования более актуален подход к определению иллюстрации как образа, включающего в себя графические формы и обладающего эстетическим предназначением.

В настоящее время цифровые технологии не только способствуют увеличению роли иллюстрации в современном мире и журналистике, но и из-за вынужденных трансформаций выводят ее на новый уровень, делая полноценным оформительским комплексом текста, обретшим большую степень самостоятельности.

Больше чем за сто лет с момента появления фотографии и формирования фотожурналистики произошли процессы выделения и развития данного феномена как самостоятельной профессии и науки со своей системой жанров и законами, которые в настоящее время расширяются и интегрируются между собой. Благодаря новым технологиям процесс фотографии становится почти моментальным, и такая оперативность позволяет фотографии стать основным инструментом визуализации информации в условиях работы в непрерывном потоке медиасообщений.

Наиболее молодым инструментом визуализации является инфографика, популярность которой достигла высоких значений в пространстве сети Интернет. Данный способ визуализации включает в себя как изображения и графические элементы, так и текст, что позволяет эффективно и быстро передавать информацию аудитории, так как синтез двух форм отражения реальности способствует ее наиболее полному и целостному восприятию [13, с. 257].

Развитие «новых» медиа стали причиной развития мультимедийных инструментов визуализации текстов, интегрирующихся не только с письменной, но и аудио-культурой. В результате их конвергенции современные СМИ получили возможность дополнять свои материалы видеороликами, анимацией, интерактивными видеоколонками и другими комбинаторными способами визуализации данных.

Таким образом, в современном медиатексте используются четыре основных типа инструментов визуализации информации. Процессы увеличения интереса и спроса на визуальное представление информации требуют качественных изменений не только от текста, но и от привычных способов создания образов, что является причиной трансформации форм и целей иллюстрации и фотографии. Вместе с тем они считаются недостаточными и в медиа среде появляются новые мультимедийные формы визуальных сообщений.

На данный момент в Public Relations не сложилась система новых жанров или признаков PR-текстов, несмотря на выделение таких форм сообщений, как имиджевое видео, или видео-интервью, событийный сайт (как вид бэкграудера), видеозвоны и презентационные фильмы. Однако все приведенные примеры новых псевдожанров PR-документов относятся к мультимедийным текстам, созданных с использованием аудиовизуальных инструментов. Что касается исследований способов визуализации сообщения внутри уже существующего ядра жанров, то в пиарологии на данный момент нет особых подходов к изучению этого вопроса [1, с. 77].

Для проведения практической части исследования было необходимо изучить систему и жанровую типологию PR-документов и определить понятие *бэкграундер*.

PR-текст – это текст массовой коммуникации, написанный в печатном или электронном виде, предназначенный для внешней или внутренней аудитории компании, с анонимным авторством. Его целью является создание или увеличение публичного капитала организации. То есть, как отмечают исследователи, «публичный капитал» эквивалентен имиджевому капиталу, который указывает на степень известности компании и ее тональность [6, с. 43]. Предметом PR-текстов являются события, процессы и ситуации, отражающие деятельность социальных субъектов или субъектов коммуникации.

В современной науке существует различная типология PR-текстов.

Например, подход С.В. Пономарева в типологии PR-текстов основан на анализе аудитории, на которую они направлены. Согласно этой классификации, все материалы можно разделить на тексты для СМИ, тексты для корпоративной коммуникации и тексты для аудитории, то есть потенциальных потребителей товаров или услуг организации. Однако автор отмечает, что один и тот же документ может быть использован для распространения и одновременного взаимодействия с несколькими указанными группами [11].

А.Д. Кривонос делит PR-тексты на две неравные группы в зависимости от того, в какой степени они отвечают и соответствуют всем характеристикам и особенностям PR-коммуникации: базисные тексты и обладающие лишь некоторыми признаками – смежные (резюме, слоган). Базисные, в свою очередь, делятся на первичные тексты, которые аудитория воспринимает в их первичном, не переработанном виде, и журналистские тексты, основанные на фактах, предоставленных пресс-центром компании [8, с. 53].

Однако несмотря на неоднородность классификаций текстовых материалов в современной науке, ряд функций является обязательными для любого PR-документа независимо от его жанра и базисности. Функция конструирования публичного дискурса заключается в создании или изменении существующих представлений целевой аудитории о социальном субъекте. Таким образом, посредством PR-текста создается эффективная коммуникация между организациями/компаниями/учреждениями и их «потребителями».

Для построения успешной коммуникации PR-менеджеры предоставляют средства массовой информации комплект материалов для публикации. Медиаактивы, или пресс-киты включают различные типы материалов, которые могут быть полезны изданиям, ТВ- или радиоканалам. В них могут входить пресс-релизы, информационные справки, бэкграундеры, фотографии, интервью и другие тексты пиарологии, работающие на укрепление имиджа субъекта отношений.

Рассмотрим более подробно такой жанр PR-текста как бэкграундер.

По мнению А.Д. Кривоносова, бэкграундер – жанр пиарологии, направленный на расширение текущей информации о субъекте связей с общественностью и поддержание

его публичного капитала. Публицитный капитал – это нематериальный актив, которым обладает компания в результате рекламной деятельности и расширения знаний об этом субъекте в публичном пространстве [12, с. 69]. Другими словами, бэкграундер функционирует как инструмент укрепления имиджа и репутации организации.

Бэкграундеры предоставляют дополнительную справочную информацию по теме и являются фактическим, историческим или деловым справочным материалом. Они отвечают на вопросы о самой компании, ее истории, продукции, управлении и т.д. Этот материал используется журналистами в аналитических и новостных статьях, а также для составления подборки имен, должностей, персон и т.д. То есть его цель – представить дополнительные факты об основных событиях.

Для достижения этой цели его структура должна соответствовать строгим требованиям оформления. Как и пресс-релиз, бэкграундер как самостоятельный документ или часть медиакита пишется на отдельной странице с использованием фирменного стиля компании, статистики и таблиц. Справочная информация может занимать от одной до пяти страниц. Бэкграундер включает совершенно новые или глубинные дополнительные факты.

В современной пиарологии учеными зафиксированы несколько видов бэкграундера: факт-лист; бэкграундер, включенный в пресс-релиз; самостоятельный бэкграундер. Однако на этапе изучения эмпирических материалов была выявлена проблема – на практике в PR-среде Кузбасса такие бэкграундеры отсутствуют, то есть они трансформируются и перестают быть отдельным строгим документов медиакита. Основным способом написания бэкграунда в региональных реалиях стала «справка» – 1–3 абзаца с фоновой исторической или статистической информацией в конце материала, маркированные словом «Справка». В классификации бэкграундеров современной пиарологии ученые не выделяют «бэкграундер-справку», однако в ходе анализа текстов мы решили считать их комбинацией факт-листа и бэкграундера внутри пресс-релиза.

Некоторые ученые-пиарщики допускают возможным считать раздел «О компании» на сайте организации бэкграундером, а также указывают на то, что бэкграунд может иметь форму инфографики или ссылки на Интернет-ресурс, где журналист или пользователь сможет найти всю подробную информацию. Эта проблема перехода от стандартизированного PR-документа к более свободным формам представления информации с активным использованием визуальных образов и стала основой для проведения исследования.

Для формирования практической базы исследования были использованы открытые источники (сайты организаций или пресс-служб, на которых размещаются все материалы для СМИ или пользователей Интернет-платформ), а также пресс-релизы, полученные отделом рекламы газеты «Комсомольская Правда – Кемерово» напрямую от пресс-служб разных компаний.

На первом этапе были проанализированы 217 медиакитов с целью выделения из структуры пресс-релиза такого PR-текста как бэкграундер. Определяющими являлись слова-маркеры *Справка, Для справки, Справочно*, которые активно используются пресс-службами региона для выделения компонентов текстов, раскрывающих фоновые сообщения. Однако помимо вычленения «вербального бэкграундера» особое внимание уделялось визуальным образам и инструментам, которыми был дополнен документ.

Наряду с изучением пресс-китов и PR-документов был проведен поиск и анализ «новых» бэкграундеров, представленных на сайтах и Интернет-платформах организаций Кузбасса. Главным источников таких материалов стали разделы «О компании» или «О

нас», в которых размещается информация об истории, структуре, проектах, достижениях, коллективе и других аспектах деятельности той или иной компании.

В ходе исследования были проанализированы 47 бэкграундеров, опубликованных пресс-центрами Администрации Правительства Кузбасса (18), Министерства культуры и национальной политики Кузбасса (8), Государственной научной библиотеки Кузбасса им. В.Д. Федорова (11), «Ростелекома» (3), Областной клинической больницы им. С.В. Беляева (1), Кемеровского Цирка (1), компании «СДС-Уголь» (1), группы компаний «Азот» (1), СКЭЖ (1), «Кузбассэнергосбыта» (1), Кемеровского государственного университета (1).

Примеры бэкграундеров-справок были найдены только в текстах трех учреждений Кузбасса: Администрация Правительства Кузбасса, Министерство культуры и национальной политики Кузбасса, Государственная научная библиотека Кузбасса им. В.Д. Федорова.

Пресс-центр Администрации Правительства Кузбасса на данный момент является основным источником официальной информации и новостей, связанных с деятельностью губернатора, органов власти, министерств Кемеровской области. Ежедневно на сайте Администрации Правительства региона публикуются в среднем по 7 пресс-релизов и анонсов, сопровождающихся фотографиями и комментариями губернатора или организаторов события, программы или проекта.

Министерство культуры и национальной политики Кузбасса – исполнительный орган государственной власти Кемеровской области. Реализует государственную политику в сфере культуры и искусства, включая библиотечное и музейное дело, культурно-досуговую деятельность, профессиональное искусство, народное творчество, кинематографию и художественное образование. В разделе «Пресс-служба» на официальном сайте министерства публикуются пресс-релизы, афиша культурных мероприятий и медиаматериалы (фотоотчеты). Средняя частота обновления информации – 2 пресс-релиза в день, однако большинство из них дублируются с сайта Администрации Правительства Кузбасса с полным сохранением стиля и содержания.

Государственная научная библиотека Кузбасса им. В.Д. Федорова, образованная в 1920 году, на сегодняшний день является крупнейшей библиотекой региона по объему фондов и разнообразию доступных услуг. В сравнении с деятельностью пресс-центров других учреждений культуры Кемеровской области, публикации которых были нами изучены, пресс-служба библиотеки ведет наиболее активную работу по созданию имиджа и укреплению эффективной коммуникации с потенциальными читателями через разные каналы распространения информации. На официальном сайте Областной библиотеки в разделе «Пресс-центр» доступна информация о сотрудничестве учреждения со СМИ и контакты для журналистов. В общем доступе находятся документы «Реестр официальных групп в социальных медиа», «Деятельность библиотеки по продвижению в социальных медиа», а также файлы с символикой, фотографии библиотеки и ее директора для размещения в СМИ. Пресс-релизы, новости и анонсы публикуются регулярно, в среднем по 4 материала в день. Также сотрудники пресс-службы публикуют авторские видео о мероприятиях и проектах, организованных библиотекой или реализуемых с ее участием, книжных подборках. Представлены циклы авторских передач.

Однако с расширением предмета исследования и рамок определения бэкграундера увеличилось и число источников для поиска материалов (не только медиаконтент стал интересен для анализа с целью выделения бэкграундеров, но и платформы в сети Интернет). Было найдено 6 текстов на сайтах разных организаций, которые не соответствовали научным требованиям написания и представления бэкграундеров,

однако выполняли основную цель, соответствующую правилам PR, – предоставить дополнительную информацию о компании/событии. Все они являются поликодовыми текстами с активным включением визуальных образов в свою структуру, поэтому были использованы в исследовании. Платформой для поиска мультимедийных бэкграундеров стали сайты следующих организаций: ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», угольная компания «СДС-Уголь», франшиза фермерских продуктов из Сибири «Калина-Малина», группа компаний азотной промышленности «Азот».

Выбор источников для выполнения практической части исследования обусловлен частотой публикации пресс-релизов с содержанием бэкграундера и использованием этого жанра PR-текста в «представлении» компании на официальном сайте.

Таким образом, в качестве материалов для работы выступили представленные в региональных реалиях PR-среды бэкграундеры: справка, представляющая собой небольшой текст до трех абзацев, включенный в сам пресс-релиз, и медиатексты с фоновой информацией об организации, размещенные на сайтах компаний.

В ходе анализа был выявлен самый частотный вид PR-текста из классификации А.А. Бузиновой – комбинаторный, которому соответствовали 28 из 47 проанализированных нами бэкграундеров. Среди них были найдены только три используемые вариации совмещения текста с визуальными компонентами: включение гиперссылок и ссылок на другие материалы, документы и сайты для более полного ознакомления с темой и предметом бэкграундера; использование фотографий как иллюстративного материала; презентация информации о компании с помощью видеоряда.

В одном из пресс-релизов Областной научной библиотеки им. В.Д. Федорова использовались гиперссылки в качестве осложнения медиатекста: в бэкграундере под маркером «Справка» приводилась короткая информация об акции, приуроченной ко Дню Победы, и ссылка на отдельный ресурс из архива библиотеки, где размещена информация о героях Великой отечественной войны, памяти которых будет посвящена серия мероприятий в стенах учреждения.

Также гиперссылки активно используются в пресс-релизах и бэкграундерах провайдера телекоммуникационных и цифровых услуг – «Ростелеком». Пресс-релизы, внутри которых в несколько абзацев выделены бэкграундеры под специальной чертой, представлены обычными документами Microsoft World Office в электронном формате, что позволяет журналистам использовать активные гиперссылки, включенные в файл. В большинстве случаев переадресация происходит на сайт «Ростелекома» во вкладку «О компании» или на отдельные страницы специальных акций, где также можно получить более подробную информацию или же самостоятельно изучить другие страницы сайта для поиска нужной информации. PR-текстам организации свойственен определенный стиль оформления документов, в верхнем колонтитуле которых всегда расположены логотипы участников акции/события и т.д. Однако это не дает права отнести такие бэкграундеры к интегративным, даже несмотря на наличие и изображений, и гиперссылок как средств визуализации, так как наличие логотипа в пресс-релизах – формальное требование организации, которое не влияет на восприятие информации.

Более частотным видом комбинаторных текстов в региональной PR-среде стали бэкграундеры с фотоиллюстрациями. К ним относятся все проанализированные нами документы Администрации Правительства Кузбасса, четыре текста Министерства культуры и национальной политики Кузбасса и один бэкграундер компании «Энергосбыт».

Анализ фотографий указал на проблему: визуальные компоненты бэкграундера, как и его текст, должны создавать коммуникативный фон, иными словами, соответствовать информации и смыслу, раскрываемых этим жанром PR. На практике

же из-за включенности бэкграундера непосредственно в пресс-релиз, особенно ярко это видно на примере Администрации Правительства и Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, фотографии двух документов соединяются, то есть автоматически являются визуализацией обоих текстов. Это осложняет задачу анализа основных способов визуализации информации именно в бэкграундерах. Более того, в современной практике пресс-служб фотоальбомы и фотоархивы являются отдельной частью медиакитов и высылаются редакциям СМИ независимо от предоставляемых PR-текстов. Этот факт актуализирует визуализацию информации, являясь доказательством ее эффективности и важности для формирования впечатления о компании, и вместе с тем указывает на ее самостоятельность от вербалики.

Если говорить именно о предмете изображения на фотографиях PR-текстов, то нельзя выявить прямых взаимосвязей с фактами, точными данными и репликами героев. Их основная цель, как было описано выше, – создание приятного и надежного образа организации, а не столько передача полезной информации, которая помогла бы усвоить полученные знания, то есть они влияют на психоэмоциональное состояние потенциального клиента, а не на его когнитивные способности.

Вторыми по распространенности PR-документами стали элементарные тексты (17) с отсутствием цветового решения и каких-либо визуальных средств. К ним относятся почти все бэкграундеры Областной библиотеки им. В.Д. Федорова, половина проанализированных нами текстов Министерства культуры и национальной политики Кузбасса. Единственным инструментом выделения информации пресс-службы обоих учреждений используют изменение кегля для привлечения внимания к словам-маркерам «Для справки», «Справка».

В ходе анализа материалов практической части исследования были найдены только три примера интегративных текстов в PR-среде Кузбасса. К использованию сразу нескольких инструментов визуализации и их смешению при оформлении бэкграундеров прибегают пресс-службы Кемеровского государственного университета, угольной компании «СДС-Уголь» и СКЭК. Внешний вид их PR-документов наиболее полно использует возможности верстки и графического дизайна: специальные иллюстрации, игру с формой фотографий, выделение главного специальными иконками, цветом и размером. В бэкграундерах на сайтах компаний «СДС-Уголь» и СКЭК были использованы и мультимедийные инструменты: анимация и анимированные переходы между структурными частями текста; видео; интерактивность и необходимость листать, нажимать на разные кнопки на странице сайта.

Несмотря на то, что исследователи считают альтернативные тексты редкими и единичными случаями пиарологии, нами были найдены два примера: страница «Франшиза» на сайте «Калины-Малины» и главная страница сайта групп компаний «Азот», которые соответствуют целям и задачам бэкграундера и могут считаться таковыми. В бэкграундерах данных организаций присутствуют таймлайны, диаграммы и графики, картографические изображения, элементы инфографики, визуальное структурирование и разделение информации по блокам, фотографии, видео или gif-анимация, анимация переходов, гиперссылки.

Таким образом, интегративный вид PR-текста является наиболее популярным среди кузбасских пресс-служб, что указывает на средний уровень использования визуализации и ее степени включенности в современное PR-пространство региона. Однако на элементарные тексты приходится меньше половины проанализированных нами текстов, что говорит о росте интереса, актуальности и необходимости использования визуальных компонентов в PR. Более того в исследуемом материале

найжены примеры и наиболее сложных видов документов – интегративные и альтернативные, то есть в PR-среде региона прибегают к использованию практически всех способов визуализации информации.

Заключение. Сегодня среди журналистов и PR-менеджеров активно укрепляется необходимость использовать разные формы и способы кодирования информации, что связано с «визуальным поворотом» и развитием тенденции на визуализацию информации, которая соответствует современным запросам цивилизации и общества. Визуализация позволяет наиболее эффективно получать, понимать и обрабатывать данные медиасреды, влияя на эмоциональное восприятие информации.

Опираясь на работы Л.В. Балахонской, С.И. Симаковой о специфике и роли визуального контента в средствах массовой коммуникации было определено, что в настоящее время в науке феномен «визуализация» рассматривается как важный инструмент, повышающий эффективность восприятия и привлекательность информации для аудитории, что во многом обусловлено процессом диджитализации и конвергенции. А внедрение визуальных образов в медиасферу является логичным следствием изменения мышления новых поколений и объема визуальной информации.

Теоретико-методологической основой данной работы стали исследования А.А. Бузиновой, которая выделяет графический дизайн основным инструментом в процессе создания визуальных образов в PR-текстах.

В практической части исследования стояла задача выявить и проанализировать ключевые способы визуализации информации на примерах бэкграундеров региональных пресс-служб. Изучение материалов было осложнено трансформацией и конвергенцией современных PR-документов в контексте их интерпретации и классификации. Данный факт подчеркнул проблему конгруэнтности теории и практики PR.

Все бэкграундеры были разделены на четыре основные группы, оценена их частотность и выделены основные тенденции и проблемы визуализации.

В результате анализа 47 бэкграундеров, опубликованных пресс-центрами 12 учреждений/организаций/компаний Кузбасса в период с апреля по октябрь 2024 года, можно сделать следующие выводы о способах и тенденциях визуализации информации в PR-текстах.

1. На данный момент в PR-среде Кемеровской области на фоне общего упадка интереса к бэкграундеру как жанру PR-текста можно найти большое количество примеров визуализации разной степени и уровня реализации как в медиакитах, направляемых в редакции СМИ, так и на открытых площадках в сети Интернет.

2. Наиболее распространенными видами PR-текста являются комбинаторные, включающие в себя не более двух способов передачи информации, то есть соответствующие формуле: текст + любой визуальный образ. Большинство из них включают в себя фотографии, которые являются дополнением к основной вербальной информации и выполняют функцию эмоционального воздействия на сознание реципиента, при этом не помогая раскрыть, запомнить фактическую информацию и содержание бэкграундеров.

3. Тексты, опубликованные в сети Интернет, обладают большей включенностью и интеграцией визуальных компонентов и их смешением между собой, чем пресс-релизы и бэкграундеры, оформленные в формате печатного документа или его электронной версии (Word). Если элементарные и комбинаторные тексты передаются разными каналами коммуникации и встречаются как в медиа-китах, так и на мультимедийных платформах, то альтернативные можно встретить только на вебсайтах.

4. Визуализация информации более актуальна в условиях рыночных отношений и конкуренции, когда компания заинтересована в создании своего наиболее понятного и положительного образа, эффективным инструментом для чего и выступает визуальный контент, обладающий возможностью влиять на восприятие сообщения как на уровне рациона, так и эмоций.

5. PR-службы компаний Кузбасса в первую очередь используют визуализацию для создания и поддержания имиджа. Так на всех фотографиях изображены или главные достижения организации, или счастливые лица работников, посетителей/клиентов, участников акций/мероприятий, что работает на сближение с аудиторией и развитие доверительных отношений. Визуальные образы, подбираемые PR-менеджерами для публикации, соответствуют общему стилю компании, отражают ее политику, создают ассоциации в сознании аудитории.

Вместе с развитием информационных технологий и адаптацией журналистов и PR-менеджеров к условиям новой реальности меняется подход к использованию и пониманию бэкграундеров. «Визуальный поворот» способствовал активному внедрению визуализации информации на разных уровнях современной медиасистемы, утвердив ее как эффективный инструмент улучшения качества коммуникации, соответствующий требованиям и особенностям нового мышления и конвергенции гуманитарных практик. Визуальные компоненты PR-текстов влияют на когнитивные и эмоциональные способности целевой аудитории, а следовательно, на успешность процесса обмена информацией между субъектами массовой коммуникации. Данная тенденция актуализирует использование визуальных образов в кодировании PR-текстов, в частности бэкграундера, способствуя созданию коммуникативного фона – важнейшего элемента этого жанра пиарологии. Однако в настоящее время оба явления, и бэкграундер, и визуализация, находятся на этапе становления и оформления: бэкграундер перестал следовать жанрообразующим признакам, но не сформировал новые, так же как не нашла свое закрепленное применение в PR-среде и визуализация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балахонская Л.В. Средства визуализации современного PR-текста / Л.В. Балахонская // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2016. – №15. – С. 72–79.
2. Бергер А. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию / А. Бергер. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 288 с.
3. Бузинова А.А. Визуальный контент современного PR-текста / А.А. Бузинова // Медиаскоп [Электронный ресурс]. – 2013. – №4. – 17 с. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-kontent-sovremennogo-pr-teksta> (дата обращения: 09.01.2025).
4. Визуальный поворот в массовых коммуникациях: монография / С.И. Симакова, С.С. Распопова, Е.В. Выровцева / под ред. С.И. Симаковой. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. – 112 с.
5. Галло Я. Гетерогенность текста как лингвистическая проблема / Я. Галло // Jazyk a kultúra [Электронный ресурс]. – 2013. – № 15. – 7 с. – Режим доступа: https://ff.unipo.sk/jak/15_2013/gallo.pdf (дата обращения: 09.01.2025).
6. Гавра Д.П. Связи с общественностью в России: развитие нового рынка / Д.П. Гавра, Д.П. Шишкин, М.А. Шишкина. – СПб.: Роза мира, 2004. – 195 с.
7. Дроздова А.В. Визуальность как феномен современного медиаобщества / А.В. Дроздова // Дискуссия. – Екатеринбург, 2014. – № 10 (51). – С. 29–36.
8. Кривонос А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А.Д. Кривонос. – 2-е изд., доп. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
9. Медиаэстетический компонент современной коммуникации: монография / А.К. Киклевич, М.В. Загидуллина, Е.Ю. Панова [и др.] / под ред. М.В. Загидуллиной, А.К. Киклевич. – Челябинск: Челябин. Филиал РАНХиГС, 2020. – 293 с.
10. Оводова С.Н. Вербальная и визуально-образная репрезентация культуры / С.Н. Оводова // Человек в мире культуры. – 2015. – № 1. – С. 23–26.

11. Пономарев С.В. Вербальные коммуникации в системе публичных рилейшенз : дисс. канд. филол. наук : 10.01.10 Журналистика / Пономарев Сергей Викторович ; МГУ. – М., 2001. – 202 с.
12. Радченко И.А. Учебный словарь терминов рекламы и публичных рилейшенз / И.А. Радченко : под ред. Е.Е. Топильской. – Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007. – 114 с.
13. Симакова С.И. Инфографика как разновидность медиаязыка / С.И. Симакова // Медиачтения СКФУ : материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 23–25 мая 2019 г.) – Ставрополь : Сервисшкола, 2019. – С. 257–259.
14. Симакова С.И. Визуализация в СМИ: вынужденная необходимость или объективная реальность? / С.И. Симакова // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. – 2017. – № 1, 2. – С. 135–140.
15. Симакова С.И. Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ / С.И. Симакова // Вестник Северо-Осетинского государственного ун-та им. К.Л. Хетагурова. – 2015. – № 3. – С. 213–218.
16. Шумакова Е.А. Эстетика визуального контента в маркетинговых коммуникациях / Е.А. Шумакова // Медиасреда. – 2020. – №2. – С. 117–124. – <http://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10221>.

REFERENCES

1. Balakhonskaya L.V. (2016). Sredstva vizualizacii sovremennogo PR-teksta [Visualization tools for modern PR text]. PR i reklama v izmenyayushhemsya mire: regional'ny'j aspekt [PR and advertising in a changing world: regional aspect], 15, 72–79 (In Russian).
2. Berger A. (2005). Videt' – znachit verit'. Vvedeniye v zritel'nyuyu kommunikatsiyu [Seeing is Believing. Introduction to Visual Communication]. Moscow: Williams Publishing House (In Russian).
3. Buzinova A.A. (2013). Vizual'ny'j kontent sovremennogo PR-teksta [Visual content of modern PR-text]. Mediascope, 4 (In Russian).
4. Simakova S.I., Raspopova S.S., Vy'rovcezeva E.V. (2017). Vizual'ny'j povorot v massovy'kh kommunikaciyakh: monografiya [The Visual Turn in Mass Communications: monograph]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House. 112 p. (In Russian).
5. Gallo J. (2013). Geterogenost' teksta kak lingvisticheskaya problema [Text heterogeneity as a linguistic problem]. Jazyk a kultúra, 15 (In Russian).
6. Gravra D.P. (2004). Svyazi s obshhestvennost'yu v Rossii: razvitie novogo ry'nka [Public relations in Russia: development of a new market]. In D.P. Gravra, D.P. Shishkin, M.A. Shishkina. Saint Petersburg: Rose of the World (In Russian).
7. Drozdova A.V. (2014). Vizual'nost' kak fenomen sovremennogo mediaobshhestva [Visuality as a phenomenon of modern media society]. Discussion, 10 (51), 29–36 (In Russian).
8. Krivososov A.D. (2002). PR-tekst v sisteme publichny'kh kommunikacij [PR-text in the public communications system]. Saint Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies (In Russian).
9. Kiklevich A.K., Zagidullina M.V., Panova E.J. [et al.] (2020). Mediae'teticheskij komponent sovremennoj kommunikacii: monografiya [Media Aesthetic Component of Modern Communication: monograph]. Chelyabinsk: Chelyabinsk branch of RANEPА. 293 p. (In Russian).
10. Ovodova S.N. (2015). Verbal'naya i vizual'no-obraznaya reprezentaciya kul'tury' [Verbal and visual representations of culture]. Man in the world of culture, 1, 23–26 (In Russian).
11. Ponomarev S.V. (2001). Verbal'ny'e kommunikacii v sisteme pablik rileyshenz [Verbal communications in the public relations system] (PhD dissertation). Moscow State University, Moscow (In Russian).
12. Radchenko I.A. (2007). Uchebny'j slovar' terminov reklamy' i pablik rileyshenz [Educational Dictionary of Advertising and Public Relations Terms]. Voronezh: VI MHEU (In Russian).
13. Simakova S.I. (2019). Infografika kak raznovidnost' mediayazy'ka [Infographics as a form of media language]. Mediachteniya NCFU. Stavropol: Servischool, 257–259 (In Russian).
14. Simakova S.I. (2017). Vizualizaciya v SMI: vy'nuzhdennaya neobkhodimost' ili ob'ektivnaya real'nost'? [Visualisation in the media: forced necessity or objective reality?]. Bulletin of Samara University. History. Pedagogy. Philology, 1–2, 135–140 (In Russian).
15. Simakova S.I. (2015). Tendenczii vizualizacii zhurnalistskogo kontenta v sovremenny'kh SMI [Trends in the visualisation of journalistic content in modern mass media]. Bulletin of K.L. Khetagurov North Ossetian State University, 3, 213–218. (In Russian).
16. Shumakova E.A. (2020). E'tetika vizual'nogo kontenta v marketingovy'kh kommunikaciyakh [Aesthetics of visual content in marketing communications]. Mediascape, 2, 117–124 <http://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10221> (In Russian).

Поступила в редакцию 10.01.2025 г.

VISUAL CONTENT OF MODERN PR TEXT (BASED ON EXAMPLE OF BACKGROUNDERS OF KUZBASS PRESS OFFICES)

A.S. Telmanova, E.A. Telmanova

This article addresses the problem of information visualisation in PR texts. The methods of polycode communication in modern PR practices in the context of convergence of media and clipping of thinking are analysed. The trend towards the visualisation of media texts is becoming a key factor in the development of media and Public Relations. The research is based on the content analysis of press-offices backgrounders at companies and organisations in Kuzbass. Such an approach enabled to identify the main methods of content visualisation in the regional PR sphere. The results show that both the backgrounders themselves and their visual elements are at the stage of formation of practical methods of use, which is confirmed in the course of the analysis of regional PR materials. The problems observed are related to the inconsistency of actual texts with the existing theoretical provisions of PR.

Key words: backgrounder, visualization, visual component, visual turn, Kuzbass, media text, PR studies, press office, PR text.

Тельманова Анастасия Сергеевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
Кемеровский государственный институт культуры, Российская Федерация, г. Кемерово.
Заведующий кафедрой управления и экономики социально-культурной сферы.
ORCID: 0000-0003-1487-7957.
E-mail: astel-75@mail.ru.

Тельманова Елизавета Алексеевна.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация.
Студент.
ORCID: 0009-0007-3470-4128.
E-mail: etelmanova@gmail.com.

Telmanova Anastasia Sergeevna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation.
Head of Department of Management and Economics of Social and Cultural Sphere.
ORCID: 0000-0003-1487-7957.
E-mail: astel-75@mail.ru.

Telmanova Elizaveta Alekseevna.

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation.
Student.
ORCID: 0009-0007-3470-4128.
E-mail: etelmanova@gmail.com.

Научная статья

УДК 81'22

DOI: 10.5281/zenodo.14932482

**ТИПОЛОГИЯ АВТОРСКИХ МЕТАФОР Е.И. ЗАМЯТИНА,
ВЕРБАЛИЗОВАННЫХ В ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

© 2025 *Е.И. Асташина*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ORCID: 0009-0008-9172-1271

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье поднимается проблема дифференциации авторских метафор, метафор Е.И. Замятина. Работа основывается на принципах антропоцентрической научной парадигмы. Под метафорой понимается ментальная единица, возникающая в результате нелогичного общеутвердительного атрибутивного суждения – включения образа/концепта объекта метафоризации в класс концепта ее ориентира, и утверждается, что метафора вербализуется обозначением, нередко частичным, таким образом взаимодействующих ментальных компонентов метафоры, т.е. автор статьи заключает, что на языковом уровне проявляется только гибридность метафоры. Это подтверждается возможностью представить все метафорические знаки художественного дискурса Е.И. Замятина в аналитических таблицах, в которых эти знаки распределены на две группы языковых единиц, кодирующих только метафорические ментальные компоненты. Это демонстрирует также, что вербализация метафор определяется целью отразить их ментальные компоненты любыми средствами, в след за чем утверждается, что из-за ментальности метафор их таксономия должна осуществляться по глубинным признакам. В связи с этим, в результате анализа языкового проявления метафор Е.И. Замятина в его художественных произведениях, в данной статье дана классификация метафор писателя.

Ключевые слова: тип, метафора, метафорический, Е.И. Замятин, образ, знак, нарратив, художественный.

Для цитирования: Асташина Е.И. Типология авторских метафор, вербализованных в художественном дискурсе Е.И. Замятина / Е.И. Асташина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 86–103. – <https://doi.org/10.5281/zenodo/10.5281>.

Введение. В силу того, что классификация зиждется на сопоставлении существенных признаков понятий о реалиях из области изучаемых объектов, она «призвана решать две основные задачи: представлять в надежном и удобном для обозрения и распознавания виде всю эту область и заключать в себе максимально полную информацию об ее объектах» [7]. Несмотря на это, существуют универсальные классификации так называемых языковых метафор, в то время как классификациями авторских метафор лингвистика не располагает, они основываются на классических таксономических концепциях, и применительно 1) к разнородным дискурсам, например к политическому [2–4] или так называемому дискурсу COVID-19 [10; 25]); 2) к отдельным концептам и метафорическим моделям, как, например, в [4; 24; 26; 28]; 3) к тематике ориентиров метафоризации (см., например, о зооморфных, зоонимичных метафорах в [1; 23; 30]; о военных метафорах, метафорах «Войны» в [5; 12; 17; 27]; 4) стоит подчеркнуть, что метафорология последних лет выделяет также особый вид

поли-/мультимодальных метафор, см. [20; 35; 34]). Вероятно, априори невозможно составить общую классификацию авторских метафор.

В свою очередь, метафоры Е.И. Замятина отдельно не исследованы, хотя смысловая сторона текстов писателя давно вызывает научный интерес: замятиноведами-лингвистами не только изучено лексико-семантическое пространство замятинской прозы [18; 22; 33], но и описаны основные концепты, отраженные в художественном дискурсе писателя [2; 8; 19; 32]. Тем не менее 135 филологических исследований творчества Е.И. Замятина, проведенных с 1988 г. по 2019 г., включают только 18 работ, выполненных в области лингвистического замятиноведения (~ 13,3 %), из них 16 диссертационных исследований соответствуют программе 10.02.01 «Русский язык» (~ 11,9 %) и ни одно исследование не посвящено замятиноведческой метафорологии [40].

В данной статье метафоры Е.И. Замятина описываются через их классификацию, что определяет актуальность работы.

Методология исследования. Наше исследование метафорики Е.И. Замятина основывается на достижениях лингвистики, следующей принципам антропоцентрической научной парадигмы. Они устанавливают необходимость теоретически и эмпирически разводить лингвистическое и экстралингвистическое, потому – понятия метафорической ментальной единицы и метафорического языкового знака. На этом основании требует оговорки термин *языковая метафора* и деление так обозначаемых метафор на образные и не образные: как ментальные единицы, все метафоры представляют собой образ и потому они не принадлежат языку, стоит говорить, вероятно, о привычности, пассивности и оригинальности, активности метафорического образа, и при частой вербализации общеизвестных метафор «кристаллизуются» узуальные метафорические знаки, которые могут входить в языковую систему, а при вербализации оригинальных – окказиональные языковые единицы (здесь приняты традиционные и точные дихотомичные термины *узуальный* и *окказиональный* вместо логически неверных, относительно метафор, *языковой* и *образный*). Вслед за этим можно говорить об узуальных (с пассивной образностью) и окказиональных (с активной образностью) метафорах. Творцами метафор являются все люди, но для уточнения понятия окказиональных метафор их можно делить на анонимные и авторские. Последние, если они обнаружены, изучаются в том числе в области лингвистики. В такой терминологии далее рассматриваются метафорические знаки художественного дискурса Е.И. Замятина.

В свою очередь, так как ментальные признаки метафоры первичны, классификация метафор по их языковым проявлениям не всегда успешна и всегда недостаточна. По результатам анализа замятинского художественного дискурса можно заключить, что на языковом уровне проявляется только гибридность метафоры - языковой знак кодирует образ объекта метафоризации и концепт ориентира метафоризации (относительное соответствие нашей терминологии – выделено шрифтом – терминам некоторых общепризнанных концепций отражено ниже).

Таблица 1. Название компонентов метафоризации в разных лингвистических концепциях

Названия компонентов метафоры			Название взаимодействия компонентов метафоры	Источник данных
основной субъект	вспомогательный субъект	свойства каждого объекта / класса объектов		[3, с. 170–171]

topic (тема, предмет мысли)	vehicle (проводник, средство передачи, носитель ...)			[36, с. 3]
tenor (содержание)	vehicle (оболочка)			[21, с. 48]
target domain (целевой домен, область-цель)	source domain (исходный домен, область-источник)		cognitive mapping (когнитивное отображение)	[16, с. 9]
input spaces 1 (исходное пространство 1)	input spaces 2 (исходное пространство 2)	generic space (общее пространство)	blended space, blend (смешанное пространство, бленд)	Теория блендинга М. Тернера и Ж. Фоконье (по [9])
frame (окружение слов с буквальным значением)	focus (слово – фокус, средоточие мысли)			[6, с. 156]
образ объекта / концепт объекта метафоризации (ООб / КОб)	концепт ориентира метафоризации (КОр)	основания метафоризации	общеутвердительное атрибутивное суждение и включение ООба / КОБа в КОр	Е.И. Асташина

Языковой код метафоры состоит из имен метафорических образов, общие из которых, скорее всего, обозначают основания метафоризации, ассоциирования этих образов; процессуальные параметры метафоризации не отражаются на языковом уровне художественных текстов Е.И. Замятина. Это подтверждается возможностью представить все метафорические знаки художественного дискурса писателя (378 единиц) в аналитических таблицах, подобных следующей (для последовательной дифференциации метафоры и ее знака таблицы содержат не только метафорические знаки художественного дискурса Е.И. Замятина, но и гипотетические названия ментальных компонентов метафор, т.е. описание референтов метафоризации, которое расположено на нечетных строчках столбцов 3 и 4; общий компонент языковых знаков, выражающих ментальные компоненты метафоры, располагается в этих таблицах на границе столбцов 3 и 4 – в примере ниже выделено рамкой; для лаконичности изложения нумерация метафорических знаков – в примере выделено рамкой – используется далее заменителем контекстов иллюстративного материала):

№	<i>Знаки дескриптивных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина</i>	<i>Название ООба / КОБа Языковые единицы, вербализующие ООб/КОб</i>	<i>Название КОра Языковые единицы, вербализующие КОр</i>
1	2	3	4
1	<i>Молча молятся за людей старицы-сосны в клобуках белых [41, с. 320]</i>	заснеженные сосны в безветренную погоду	Монахини молятся за людей.
		<i>сосны</i>	<i>молча молятся за людей старицы в клобуках</i>
<i>белых</i>			

Е.И. Замятин нередко кодирует основания метафоризации полисемантами: в одних из их лексико-семантических вариантов узнаются образы / концепты объектов метафоризации, в других – концепты ее ориентиров. Так, ЛСВ лексемы *корявый* ‘об искривленном, узловатом дереве, пне и т.п.’ из следующего метафорического знака 2 соответствует метафорическому образу / концепту объекта, ЛСВ ‘о заскорузлых, загрубевших, с шероховатой кожей руках, пальцах и т.п.’ [44, т. 2, с. 110] – концепту ориентира метафоризации:

№	<i>Знаки дескриптивных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина</i>	<i>Название ООба / КОба Языковые единицы, вербализующие ООб/КОб</i>	<i>Название КОра Языковые единицы, вербализующие КОр</i>
1	2	3	4
2	<i>восковые свечи в корявых зеленых руках [42, с. 55]</i>	<i>цветы на ветках зеленых корявых</i>	<i>восковые свечи в руках восковые свечи в руках</i>

В замятинском дискурсе основания метафоризации кодируют также «двусторонние» синтаксические единицы, значения одних частей которых ассоциированы с образами / концептами объектов метафоризации, других – с концептами ориентиров метафоризации. Здесь мы имеем в виду 1) конструкции определяемого слова и приложения (см. метафорический знак 1), 2) однородные ряды (см. ниже метафорический знак 3, а также 5), 3) пояснительные конструкции (знак 4). Тесная связь частей таких синтаксических единиц подчеркивает близость определенных свойств ментальных компонентов метафоры, намекая на основания метафоризации:

№	<i>Знаки дескриптивных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина</i>	<i>Название ООба / КОба Языковые единицы, вербализующие ООб/КОб</i>	<i>Название КОра Языковые единицы, вербализующие КОр</i>
1	2	3	4
3	<i>Звуки дрожащие, обломанные [41, с. 33]</i>	<i>дрожащие звуки звуки дрожащие</i>	<i>что-либо обломанное обломанные</i>
4	<i>Узкие ущелья в мир – окна [41, с. 489]</i>	<i>окна окна узкие в мир</i>	<i>ущелья ущелья</i>

В соответствии с функциональным назначением имени ментальных компонентов метафоры из названных конструкций располагаются в разных столбцах – 3 и 4 (такие имена метафорических знаков 3 и 4 выделены шрифтом – см. выше), что проясняет принцип работы метафорических знаков и подтверждает целесообразность использования таких аналитических таблиц как для представления метафорических знаков, так и для их анализа, потому таблицы в тексте описания данного исследования являются значимой частью, не только иллюстрацией.

Анализ аналитических таблиц дает понять, что вербализация метафор определяется целью отразить их ментальные компоненты любыми средствами, поэтому метафорические знаки художественного дискурса Е.И. Замятина часто распространены и разнообразны настолько, насколько сложна сама языковая система. Из-за ментальности метафор их таксономия, с одной стороны, должна осуществляться по глубинным признакам, но, с другой – таксономия на таких основаниях в той или иной мере относительна. Тем не менее мы считаем самонаблюдение одним из возможных и, более того, основных методов интерпретации и изучения метафор: метафоризация эффективна, потому что концепт ее ориентира, выполняющий разъяснительную функцию, активизирует стереотипы, понятные аналогии, прецеденты и под., следовательно интерпретатор метафоры может анализировать, какие ассоциации вызывает у него метафорический знак.

Основная часть. Результаты исследования. Данные самонаблюдения за метафорами Е.И. Замятина показали, что они отличаются моделями, структурирующими образ объекта метафоризации, т.е. моделями концептов ориентиров. Можно говорить о *моделях-слепках* и *моделях-ситуациях* замятинских метафор. Под первыми мы

понимаем деревья имен концептов ориентиров метафоризации, их признаков (цвета, объема; стереотипных свойств, функций, принципов действия и под.), а также признаков этих признаков и т.д. Приведенные выше метафорические знаки 1-4 содержат названия внешних и процессуальных признаков (*в клубуках белых и молча молятся за людей* из метафорического знака 1), материала и привычного расположения (*восковые и в руках* из знака 2), объема (*узкие* из знака 4). Метафорические знаки редко в полном объеме вербализуют метафорический образ, чаще по ним можно лишь восстановить его.

Метафорическая модель-ситуация – событийный алгоритм, иными словами – фрейм (мы используем термин *модель*, чтобы не подключать данное исследование к определенной концепции). Знаки таких метафор похожи на ремарки в драматическом произведении. Так, имена метафорического знака 5 *поглядел по-ястребиному* вызывают ассоциацию с образом охоты ястреба; имена знака 6 *загремел тарантас брызнули из-под копыт* помогают представить, например, появление экипажа в захолустье, деревне или под., вызванное определенными причинами, имеющее последствия и т.д.:

№	Знаки дескриптивных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба	Название КОра
		Языковые единицы, вербализующие ООб/КОб	Языковые единицы, вербализующие КОр
1	2	3	4
5	<i>одноглазо, по-ястребиному поглядел</i> [42, с. 127]	Подозрительно, решительно взглянул.	В охоте ястреб заметил что-то.
		<i>одноглазо поглядел</i>	<i>по-ястребиному</i>
6	<i>... загремел тарантас в проулке. Ахнули куры, брызнули из-под копыт</i> [41, с. 260]	В грязном проулке спугнули кур шумом от приближавшегося тарантаса.	Брызжет грязь из-под копыт.
		<i>ахнули куры</i>	<i>загремел тарантас брызнули из-под копыт</i>

Такие события представляются чередой обстоятельств, создающих ситуации. Так же как метафоры-слепки, метафоры-ситуации нередко вербализуются частично, но, несмотря на это, в силу типичности их структуры, соответствующие им знаки остаются интерпретируемыми и способными напоминать, разворачивать в памяти событийные алгоритмы, поэтому мы считаем такие метафорические единицы знаками метафор-ситуаций.

Все знаки замятинских метафор, приведенные выше (1–6), – это примеры также знаков *дескриптивных метафор*, существование в дискурсе которых совершается единовременно и вербализация которых остается точечной, для того чтобы раскрыть суть художественной детали – портрета, пейзажа или натюрморта. Среди замятинских метафор, наряду с дескриптивными, по способности организовать художественное пространство выделяются *нарративные метафоры*. Последние вербализуются подетально и разноместно, поэтому метафорические компоненты напоминаются или проявляются постепенно, связываясь друг с другом ассоциативно. Разноместность вербализации считывается в художественном произведении как проявление реалии в разных хронологических точках художественного мира, а значит как события в ее нарративе (под нарративом, вслед за В. Шмидом, мы понимаем мельчайшие изменения, тем более хронологические, во внутренней структуре повествования – не столько события, которые несет сюжет, сколько внутреннюю динамику, «жизнь» самого сюжета [31, с. 13, 22–35]):

№	Знаки нарративных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба	Название КОра
		Языковые единицы, вербализующие ООб / КОб	Языковые единицы, вербализующие КОр
7	«Север»	ЗАРЯ	РУБЕЦ
1	Все ярче рубец от кнута в небе [41, с. 536]	Разгорается; в небе	Краснеет, наливается кровью; рубец от кнута ярче
		разгорается.	наливается кровью, она может прыснуть. рубец сейчас брызнет кровавеет

Очевидно, специфика нарративных метафор, их знаков заставила трансформировать аналитические таблицы их представления, что, в свою очередь, визуализировало особенности таких метафор, послужило их «измерителем»: четные строки аналитических таблиц размножились для размещения нарративных изменений художественных образов, появился указатель направления нарративного движения. Такие изменения мы назвали нарративными шагами (им соответствующие языковые единицы, их строчки пронумерованы – в примере 7 это выделено шрифтом). В таблицах представления нарративных метафор особенно значимыми оказывается обозначение страниц с метафорическими знаками. Так, знак 7 повторяется в своих частях, нарратив развивается только в силу появления образа в разных хронотопах изображаемого мира и воспринимается как стадии интенсификации признака, а нарративные шаги 1–2 метафоры 8 (см. ниже) – это разноместная вербализация одного сегмента метафорического образа, сообщающая о периодичности соответствующего нарратива:

№	Знаки нарративных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба	Название КОра
		Языковые единицы, вербализующие ООб / КОб	Языковые единицы, вербализующие КОр
8	«Север»	КОРТОМИХА	ПЕРЧАТКА
1	Кортома потряхнул с себя Кортомиху – и она отвалилась на прилавок – снятая с руки, запалая, пустая перчатка [41, с. 512]	Худая, ластится к Кортоме, он ее отталкивает к прилавку.	Небрежно снимают перчатку, оставляют на прилавке.
		Кортома Кортомиху запалая	стряхнул с себя отвалилась на прилавок снятая с руки пустая перчатка
2	Кортома сердито потряхнул рукой, Кортомиха отвалилась [41, с. 533]	Худая, ластится к Кортоме, он ее отталкивает.	Снова небрежно снимают перчатку.
		Кортома сердито Кортомиха	тряхнул рукой отвалилась
3	В розовой шляпке Кортомиха: пустая, запалая, вынута нутро [41, с. 534]	У Картомихи вид несчастной женщины.	Перчатка оставлена.
		в розовой шляпке Кортомиха запалая нутро	пустая вынута

Однако на нарративное движение могут указывать, например, глаголы с разными лексическими значениями и видовыми характеристиками:

№	Знаки нарративных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба	Название КОра
		Языковые единицы, вербализующие ООб / КОб	Языковые единицы, вербализующие КОр
9	«Север»	НЕПОЛНАЯ ЛУНА	ЗВЕРЕК
1	Месяц юркнул в темную норь, белая плешь погасла [41, с. 517]	Скрылась за деревьями, домами, под. во время движения человека, например;	Исчез в норе;
		месяц погасла белая	
2	Месяц нырлял из норы в норь [41, с. 518]	появлялась и скрывалась. месяц	перебегает из норы в норю. нырлял из норы в норь

(здесь значимо также, что элементы метафорического образа вербализуются в разных «декорациях»). О мене событий сообщают также однокоренные глаголы с разными видовыми значениями (см. метафорический знак 10, шаги 1–2):

№	Знаки нарративных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба	Название КОра
		Языковые единицы, вербализующие ООб / КОб	Языковые единицы, вербализующие КОр
10	«Детская»	БРОВИ КАПИТАНА КРУГА	ЧЕРТА
1	Брови сдвигаются в одну резкую, с размаху зачеркивающую прямую [41, с. 552]	движение бровей, говорящее о недовольстве	Черта резко проведена, и она что-то зачеркнула;
		брови сдвигаются	
2	Капитан Круг сдвинул брови, черная прямая черта резко разделила мир надвое [41, с. 554]	движение бровей, говорящее об амбивалентных чувствах	черта обозначает границу;
		капитан Круг сдвинул брови черная	
3	Черная черта бровей зачеркнула Семена Семеныча [41, с. 558]	движение бровей, говорящее о недовольстве Семеном Семенычем	черта зачеркнула что-то.
		бровей черная	

Разумеется, разноместная и последовательная вербализация в художественном произведении процессуальных стадий существования референтов, связанных с ментальными компонентами метафоры, тоже создают нарратив:

№	Знаки нарративных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба	Название КОра
		Языковые единицы, вербализующие ООб / КОб	Языковые единицы, вербализующие КОр

11	«На куличках»	Притворный смех сменяется на рыдание:	Треснувший сосуд распадается на осколки, выливается заполнявшая его жидкость:
1	<i>Засмеялась невесело, треснуто</i> [41, с. 141]	притворно смеется; <i>засмеялась невесело</i>	сосуд треснул; <i>треснуто</i>
2	<i>в ту же секунду раскололся ее смех,</i>	не может больше притворяться и смеяться, прекращает смех; <i>смех</i> <i>в секунду</i>	распался на осколки; <i>раскололся</i>
3	<i>покатились, задрезбуждали осколочки,</i>	смех превращается в плач;	посыпались осколки сосуда; <i>покатились задрезбуждали осколочки</i>
4	<i>хлынули слезы в три ручья</i> [41, с. 178]	плачет <i>слезы в три ручья</i>	растеклась жидкость, заполнявшая сосуд.

Вербализация нарративных метафор Е.И. Замятина дает понять, что нарратив также развивается, если разноместно вербализуются признаки ментальных компонентов метафоры или в метафорических знаках употребляются идентификаторы временного движения. Из-за ограниченности объема работы в жанре научной статьи невозможно подтвердить это примерами, к тому же здесь показаны знаки метафор с коротким нарративным развитием, остальные включают больше нарративных шагов, встречаются метафоры с 19-шаговым нарративом. Важно подчеркнуть, что нарративные метафоры могут быть замечены исследователем только с принятием антропоцентрических принципов научных изысканий, в ином случае знаки нарративных метафор рассматриваются как отдельные единицы разных метафорических образов, что искажает понимание предмета изучения.

По изучении художественного дискурса Е.И. Замятина удалось сгруппировать метафоры по объему их образа / концепта объекта на **фрагментарные** и **панорамные**. Первые из них (см. метафорические знаки 1–6, 9–11) являются отражением «макромира» художественного пространства, вторые дают общий план, часто жертвуя детализацией (знаки 7 и 8).

Если описанные типы метафорических образов узнаются на глубинном уровне интерпретации метафорического знака и наиболее зависят от инференциальных способностей интерпретатора, информационная специализация образа / концепта объекта метафоризации понятна на поверхностном уровне, к тому же она традиционна, и по тематике этих образов замятинские метафоры можно разделить на **метафоры обстановки (пейзажные** – см. метафорические знаки 1–4, 6, 7, 9 – и **натюрмортные**), отражающие материальную сторону художественного пространства замятинских произведений, а также **портретные метафоры** (5, 8, 10, 11). Натюрмортные метафоры самые малочисленные, их нет среди нарративных и панорамных – это объясняется природой натюрморта. Приведем пример дескриптивной фрагментарной натюрмортной метафоры-ситуации:

№	Знаки дескриптивных метафор художественного дискурса Е.И. Замятина	Название ООба / КОба Языковые единицы,	Название КОра Языковые единицы, вербализующие КОр
---	--	---	---

		вербализующие ООб/КОб	
1	2	3	4
12	<i>пригибается свечка и тусклые, испуганные взгляды бросает кругом [41, с. 52]</i>	Пламя свечи колеблется.	Испуганно пригибается и бросает взгляды вокруг.
		<i>свечка тусклые</i>	<i>пригибается испуганные взгляды бросает кругом</i>

Количественное соотношение замятинских метафор разных типов показано ниже на диаграмме «Количественное соотношение метафор Е.И. Замятина разных типов (по материалам метафорических знаков художественного дискурса писателя)». Из данной схемы ясно также, что нарративных метафор значительно меньше, чем дескриптивных, и что среди первых немного метафор-ситуаций.

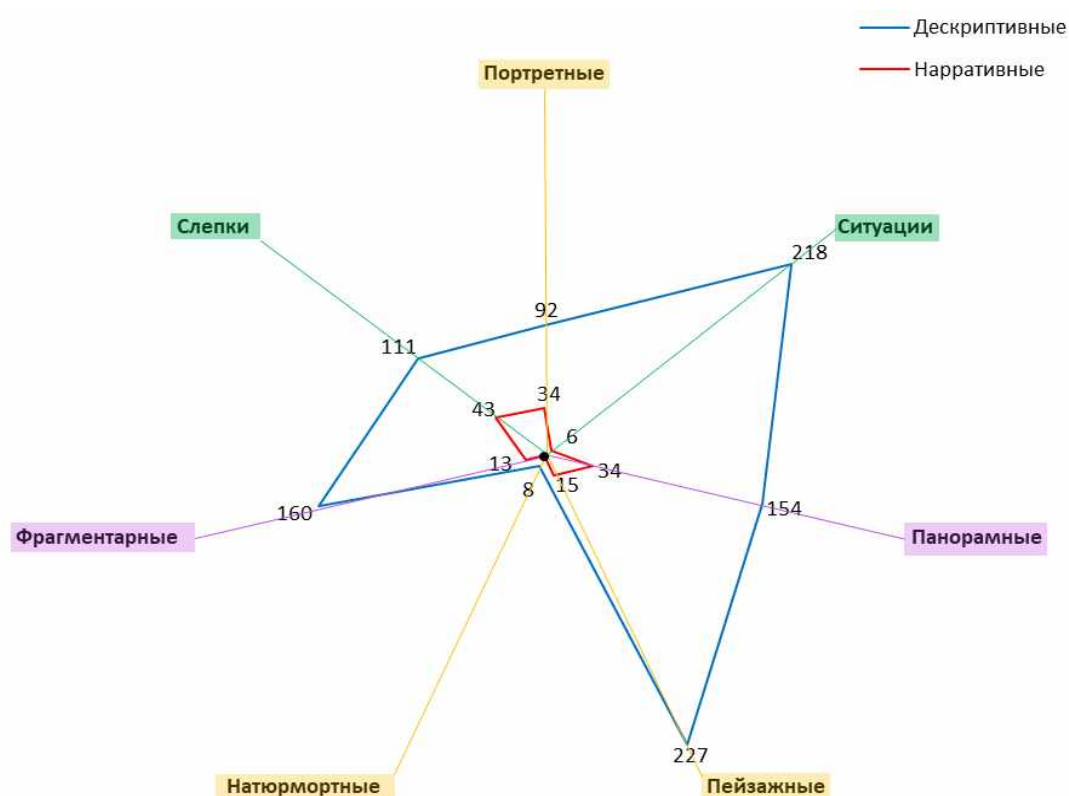

Схема 1. Количественное соотношение метафор Е.И. Замятина разных типов (по материалам метафорических знаков художественного дискурса писателя)

Для полноты исследования стоит отметить, что в художественном дискурсе есть единицы узуальных метафор, участвующих в языковой игре или трансформированных. Первая основывается на актуализации сразу нескольких лексико-семантических значений полисеманта, например значений лексемы *драма* рассказа «Десятиминутная драма» – прямого, о литературном произведении ‘серьезного, но не героического содержания’, и переносного, о ‘тяжелом событии, приносящем глубокие нравственные страдания’ [8, с. 282]. Эта языковая игра захватывает структуру и содержание рассказа. Диегетический нарратор открыто заявляет о себе – делает себя очевидцем *десятиминутной трамвайной драмы*, развернувшейся в фиктивном мире произведения и почему-то вынужденной *разрешиться какой-нибудь катастрофой* [42, с. 140, 142], а также обозначает позицию создателя этого мира: *Кроме автора, никто из*

присутствующих не подозревал, что сейчас они станут действующими лицами в моем рассказе [42, с. 142]; кондуктора нельзя винить: не мог же он отправить вагон, пока там не появится второй элемент, необходимый для драматического конфликта (нарратор однозначно выступает демиургом, провидцем фиктивного мира драмы); очевидно, не случайно, волею судьбы и моей, они [главные персонажи] были посажены друг против друга [42, с. 141]) – и обозначает композиционные элементы драматического произведения (*пролог к драме, трагический / драматический конфликт* [42, с. 140], *трамвайная аудитория* [42, с. 141], *с волнением ожидающаяся развязка* [42, с. 142]).

Таким же образом полисеманты функционируют в следующих контекстах.

Контекст *Долго, медленно умирает в тоске лампа* [41, с. 89] ярко отражает языковую чуткость писателя, который увидел целостным образ описанной ситуации и предельно точно и прозрачно, но художественно вербализовал его. Распространенная узуальная метафора *лампа умирает*, т.е. ‘прекращает свою деятельность, пропадает (о явлении)’ [38, с. 1386] в дистрибуции с признаками *долго* и *медленно* и *в тоске* читается и в значении ‘перестает жить (о человеке)’ [44, т. 4, с. 491]. Более того, данный контекст активизирует синонимичность глагола *умирать* глаголу *угасать* и его значения ‘прекращать (прекратить) свечение, горение, погаснуть’ и ‘выходить (выйти) из состояния жизни; умереть’ [37].

Следуя филологическому чутью, для создания контекста *Сундучок ... окован морозным узорочным железом* [41, с. 335] писатель «вытянул» через сильное управление *оковать железом* ряд неоднородных определений, намекающих на метафорические значения глагола *оковать* ‘2. Устар. То же, что заковать (во 2 знач.)’, т.е. ‘2. || перен. Заморозить, покрыв льдом, сделав неподвижным’ [44, т. 1, с. 529], и ‘4. перен. Заморозив, сделать твердым (землю, грязь и т.д.) или покрыть льдом (реку, озеро и т.п.)’ [44, т. 2, с. 607]. Эта, казалось бы, незамысловатая языковая игра запутывает интерпретатора на пути декодирования ее содержащего контекста. В отличие от него в высказывании *Фелицата – с четками, вся в клубок и мантию от мира закована* [42, с. 49] более привычная вербализация метафорического образа в противоречащее узусу управление *заковать в клубок и мантию* снижает степень экспрессивности (*заковать* ‘2. Надеть на кого-л. кандалы, цепи и т.п., скрепив их ковкой. || во что. Одеть в броню, латы’ [44, т. 1, с. 529]). Также метафорический образ, вербализованный в словосочетании *пестрое узорочье присловий* [42, с. 47], осложнен народно-поэтической стилизацией (Узо'ро'чье ср. дорогія, узо'рочныя, разукрашенныя вещи всякаго рода; кованное, чеканное, обро'нное серебро и золото; паволоки, ткани шолковыя и парчовыя, цвѣтныя камки', шитыя ширинки, рѣзныя, сканыя вещи и пр., болѣе о тканяхъ [39, с. 492]).

В контексте *По пути к пяткам душа остановилась в ногах, ноги стали самостоятельным, логически мыслящим существом, в секунду все решили, потихоньку подняли дьякона – и под музыку, пятясь, как все, он пошел к двери* [42, с. 106] обыгрывается основанный на метафоре фразеологизм *душа ушла в пятки* в качестве апограммы. В результате таких преобразований фразеологизм трансформировался во фрагментарные дескриптивные метафоры-ситуации.

Метафора, выраженная в контексте *Значит – что же? – значит, она с кем-нибудь... Дьякон ставит внутри себя именно это, только что здесь изображенное графически многоточие и, ежеминутно спотыкаясь на него, идет к улице Розы Люксембург* [42, с. 106] основана на трансформации метафорического значения продуктивной конструкции *(по)ставить знак препинания*. Ее содержание проявляется в знаниевой

области о ментальном пространстве, в результате чего осуществляется метафорический «таксономический сдвиг» в содержании знака ставить, вызывающий в сознании интерпретатора попеременные переходы от образов о конкретном материальном (*ставит здесь изображенное графически многоточие* →) к образам об идеальном (*внутри себя* →), а также мысль об апограмме – образ многоточия «застревает» в материальном мире и, более того, превращается в твердое тело, о которое ежеминутно спотыкается, в буквальном смысле слова, персонаж, идущий по городской улице, как если бы многоточия стали бульжниками, выбоинами или под.

Однако в прозе писателя встречаются художественные **узуальные метафоры, трансформированные** Е.И. Замятиным, т.е. узуальные метафоры, своим существованием подтверждающие, что метафора появилась из прагматических потребностей человека, и «поэты уже потом извлекают из нее пользу в своем творчестве, превращая «необходимость в добродетель» [11, с. 12]. Вербализованные трансформированные метафоры приведены и проанализированы далее.

В контексте *С белой подушки приникли к ней неподвижно глаза – точно щупают скелет под живым еще телом* [41, с. 71] неожиданна координация лексем *приникнуть* и *глаза*. Языковое сознание автоматически читает этот контекст в форме управления творительным падежом с объектным орудийным значением – скорее, можно приникнуть, т.е. приблизиться, припасть, глазами, например, к замочной скважине. Но здесь глагол-полисемант употреблен в другом, метафорическом значении о прижимании к чему-нибудь и таким образом метафорически персонифицирован, что подтверждается сравнением. На эффекте обманутого ожидания основано восприятие контекста *Песок злобно скрипит – будто зубами* [41, с. 73], при интерпретации которого встает выбор между координацией *песок скрипит на зубах* о звуке и метафорическим сильным управлением *скрипеть зубами* об озлобленности (данные Национального корпуса русского языка доказывают распространенность этого словосочетания – оно употребляется 413 раз в 340 документах, и в протяженном временном промежутке 1814–2004 гг. [43]) и внезапно «срывается» снова в сравнение, совместно с лексемой *злобно* подтверждающее персонификацию образа / концепта песка. Метафорический знак *рот был растворен ... покорной от века, улыбкой* [41, с. 262] вербализует метафору с помощью окказионального управления, из-за которого прямое значение глагола *растворить* ‘1. Раскрыть что-л. затворенное’ заражается метафорическим значением ‘2. Спец. Раздвинуть, развести в разные стороны концы чего-л. (ножки циркуля, лезвия ножниц и т.п.)’ [44, т. 3, с. 672].

Фраза *Бьет сердце в набат* [41, с. 307] вызывает из языковой памяти синтагму *бьется сердце* и сразу заменяет эту ассоциацию другой – о фразеологизме *бить в набат* и контаминирует устойчивое словосочетание и управление глагола-полисеманта в генерализирующем метафорическом значении ‘быть в ритмическом движении (о сердце, крови и т.п.); пульсировать’ [44, т. 1, с. 92]. Метафоричность данного значения лексикографически не отмечается, что говорит о завершении когнитивной метафоры в генерализирующую и появлении логического полисеманта. Можно говорить здесь о факте паронимии. Интересно предположить, что интерпретатор, не обладающий необходимой языковой компетенцией, позволяющей декодировать данную контаминацию, после дословного перевода воспримет анализируемое предложение как знак предельно экспрессивной образной метафоры. То же можно сказать о прочтении контекста [*Федор Волков*] *коротал ночи, со своими снами с глазу на глаз* [41, с. 328], в то время как носитель русского языка видит в нем еще и фразеологизм *с глазу на глаз*, употребленный в буквальном смысле. Подобно этой апограмме, в контексте [*Генерал*]

засыпал, в землю вбил забористой руганью [41, с. 139] переносное значение глагола *засыпать* → вопросами, жалобами, подарками и др., т.е. в избытке наделять чем-либо и чаще абстрактным, заменено его прямым значением о падении материального, физического и часто сыпучего, дистрибутивно превращенного здесь, например, в камни, которые еще давят и вдавливают в землю, ведь забористая ругань тверда, крепка; метафорическая образность данного контекста создается окказиональным управлением этого глагола на основе апограммы.

Носителю русского языка привычно говорить, что птицы поют, хотя при этом используется узуальный метафорический знак ‘5. *перех.* и *без доп.* Издавать свист, щелканье и другие характерные звуки (о певчих и некоторых других птицах)’ [44, т. 3, с. 117], но фраза *вдали пели волки* [42, с. 373] из-за окказиональной синтаксической координации воспринимается уже незуально метафорически.

На рекурсии эффекта обманутого ожидания основано «недоумение» при интерпретации словосочетания *шелудивый тулуп (собаки)* [41, с. 469]. Применительно к животным привычно согласование *шелудивая шуба*, в котором узуально-метафорично существительное, или согласование данного прилагательного с названием самого животного (*шелудивый пес*). Но это не означает, что замятинское словосочетание – авторский метафорический знак, функционирующий на основе нарушения лексической сочетаемости, ведь тулуп – разновидность шубы (не крытой сукном) и его образ даже больше подходит для употребления в данном контексте. Скорее можно констатировать метонимичность данного словосочетания. Следовательно, оно синонимично более известному и узуально. Заслуга и авторство Е.И. Замятина в том, что он вводит читателя в описанный обман. Однако фраза *Глаза разинула* [41, с. 444] действительно метафорична – узуальное метафорическое значение лексемы *разинуть* ‘прийти в изумление, недоумение’ [38, с. 1070] воздействует на значение замятинского предложения в силу совпадений образа разинутого рта и широко открытых глаз и причины этих мимических изменений – удивления.

Контекстная синонимия финала повести «На куличках» *завихрило Андрея Ивановича пьяным, пропащим весельем, тем самым последним весельем, каким нынче веселится загнанная на кулички Русь* [41, с. 211] обогащает метафорические значения лексем *пропащий* ‘1. || Неудавшийся, безнадежный’, ‘3. || Дурной, неисправимый, ни к чему не пригодный’ и *последний* ‘8. Разг. Очень плохой, самый худший’ [44, т. 3, с. 316] настолько, чтобы они стали ключевыми в финале повести.

Заключение. Изучение метафорических знаков авторских дискурсов, в частности замятинского, показывает, что такой языковой материал почти не измерим лингвистическим инструментарием, формальные средства помогают, скорее, представить сам предмет исследования. Анализ образов, активируемых метафорическими знаками художественного дискурса Е.И. Замятина, позволил выделить типы замятинских метафор, которые схематично представлены далее в ряду с общепринятой классификацией узуальных метафор (с некоторыми изменениями в этой классификации).

Схема 2. Типы метафор, вербализованных в художественном дискурсе Е.И. Замятина

Переходными типами метафор художественного дискурса Е.И. Замятина являются узуальные метафоры, тем или иным образом переосмысленные писателем. Можно заключить, что замятинская вербализация и трансформация узуальных метафор основана 1) на использовании потенциала многозначности для вербализации многокомпонентного метафорического образа; 2) на замене одного значения, предполагаемого в данном контексте, другим значением одного и того же полисеманта, что нарушает его синтагматические нормы употребления, но расширяет его валентность;

3) на контаминации переносных значений; 4) на апограмме; 5) на расширении применения полисеманта, т.е. на увеличении его экстенционала.

Представленный анализ метафорических знаков Е.И. Замятина, их классификация могут быть примером работы с языковыми единицами на основе выдвинутых в результате самонаблюдения предположений о смысле этих единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М.Л. Сопоставительно-переводческий анализ зооморфных метафор (на примере переводов произведения А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки) / М.Л. Алексеева, В.Э. Сало // Политическая лингвистика. – 2024. – №4. – С. 260–267.
2. Алтабаева Е.В. Замятинский текст как явление русской культуры и духовности / Е.В. Алтабаева, Е.А. Лебедева, В.Е. Маясов, Ю.Ю. Фотинова; под ред. Е.В. Алтабаевой. – Тамбов, 2011. – 384 с.
3. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика : сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. ; [отв. ред. В.П. Григорьев]. – Москва: Наука, 1979. – С. 147–173.
4. Бабенко Л.Г. Чувство любви в метафорическом пространстве русского языка: основные проекции и модели / Л.Г. Бабенко, М.А. Романова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2024. – Вып. 1. – С. 17–28.
5. Балашова Л.В. Идеологема «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале выступлений С. В. Лаврова после начала специальной военной операции 24.02.2022) / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2022. – №5. – С. 24–39. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_02.
6. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
7. Бочаров В.А. Классификация / В.А. Бочаров // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. – М. : Мысль, 2000–2001.
8. Бревнова С.В. Системно-функциональное описание орнаментального поля художественного текста : На материале произведений Е. Замятина и Б. Пильняка : дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 145 с.
9. Будаев Э.В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции / Э.В. Будаев // Культура и текст. – 2016. – № 4 (27). – С. 6–13.
10. Будаев Э.В. Неживая природа как сфера-источник метафорической концептуализации пандемии COVID-19 в СМИ Франции / Э.В. Будаев, Т.В. Аникина // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2 (104). – С. 27–34.
11. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
12. Золотайко А.И. Критерии определения новизны метафор со сферой-источником «Война» на постсоветском пространстве в неинституциональном полицейском интернет-дискурсе / А.И. Золотайко, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2022. – №6. – С. 53–58. – DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_06.
13. Иванова И.Е. Политическая метафора в английском и французском языках: сравнительно-сопоставительный анализ / И.Е. Иванова, Ю.Н. Карыпкина // Политическая лингвистика. – 2023. – №4. – С. 42–50.
14. Кан Синьюнь. Транскультурная модификация метафорических образов в русско-китайском политическом дискурсе / Синьюнь Кан // Политическая лингвистика. – 2023. – № 2 (98). – С. 201–207. – DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_22.
15. Кошкарова Н.Н. Метафорическая репрезентация палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе / Н.Н. Кошкарова, Ю.В. Полякова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 197–204.
16. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
17. Лю Лифэнь. Анализ концептуальной метафоры «война» в политическом дискурсе (на примере «Послания Президента РФ Федеральному собранию» 2021 г.) / Лифэнь Лю, Хуан Чжунлянь // Политическая лингвистика. – 2022. – №1. – С. 126–134. – DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_14.
18. Меньчева С.И. Цветообозначение в произведениях Е.И. Замятина: семантика, грамматика, функция : дис. ... канд. филол. наук / С.И. Меньчева. – Тамбов, 2004. – 248 с.

19. Можнова Ж.И. Концептуальное значение слова в художественной прозе и публицистике: На материале творчества Е. Замятина : дис. ... канд. филол. наук / Ж.И. Можнова. – Нижний Новгород, 1999. – 201 с.
20. Мэн Жу. Полимодальная метафора в российской карикатуре в контексте теории концептуальной интеграции (на примере темы эпидемии COVID-19) / Жу Мэн // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 230–236. – DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_25.
21. Ричардс А.А. Философия риторики А.А. Ричардс // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–67.
22. Рыжков И.А. Функции глаголов со значением ощущения и эмоционального процесса в художественном тексте: На материале романа Е. Замятина «Мы» : дис. ... канд. филол. наук / И.А. Рыжков. – Тамбов, 2000. – 244 с.
23. Сегал Н.А. Зоонимичная метафора как средство моделирования современных политических реалий (на примере образа обезьяны) / Н.А. Сегал // Политическая лингвистика. – 2024. – № 1 (103). – С. 12–20.
24. Сергеев С.А. Особенности репрезентации метафорической модели «Спорт – это Театр» в современном спортивном дискурсе / С.А. Сергеев, Е.П. Бондарева, Г.В. Чистякова. // Политическая лингвистика. – 2024. – №3. – С. 183–190.
25. Сизых М.М. Природная метафора как средство концептуализации пандемии COVID-19 в русскоязычных СМИ / М.М. Сизых // Политическая лингвистика. – 2023. – №1. – С. 105–112. – DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_12.
26. Солопова О.А. Метафорический образ России в медиадискурсе Индии / О.А. Солопова, Г. Кашияп, Н.С. Нагаев // Политическая лингвистика. – 2024. – №4. – С. 89–97.
27. Цзя Минсю. Концептуальная метафора «война» в современном китайском политическом дискурсе (на материале первой части книги «Си Цзиньпин о государственном управлении») / Минсю Цзя // Политическая лингвистика. – 2023. – №3. – С. 202–208.
28. Чудинов А.П. Метафорический образ России в украинских каналах Telegram 2022–2024 гг. / А.П. Чудинов, Н.А. Сегал // Политическая лингвистика. – 2024. – № 3 (105). – С. 42–48.
29. Чэнь Сыци. Анализ метафорического фрейминга в политическом дискурсе России (на материале текстов выступлений Владимира Путина в Международном дискуссионном клубе «Валдай») / Сыци Чэнь // Политическая лингвистика. – 2023. – №3. – С. 214–224.
30. Чэнь Шулин. Зоонимичные образы как основа моделирования медиапортрета А. Г. Лукашенко / Шулин Чэнь // Политическая лингвистика. – 2024. – №2. – С. 243–250.
31. Шмид В. Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
32. Шпилева Ю.В. Образные поля в орнаментальной прозе : на материале произведений русской литературы первой трети XX века : дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Шпилева. – Краснодар, 2014. – 188 с.
33. Яковенко Е.Н. Глагольная лексика как средство создания авторской языковой картины мира: функционально-семантический аспект : на материале языка романа Е. Замятина «Мы» : дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Яковенко. – Краснодар, 2008. – 146 с.
34. Янь Цюцзюй. Исследование мультимодальных метафор сельских языковых ландшафтов в рамках стратегии возрождения сельской местности Китая / Цюцзюй Янь, Цзяо Минь // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 157–167. – DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_17.
35. Янь Цюцзюй. Мультимодальные метафоры ядерных ценностей китайского социализма в языковом ландшафте / Цюцзюй Янь, Лю Лифэнь, Цзяо Минь // Политическая лингвистика. – 2022. – № 3 (93). – С. 152–159.
36. Ritchie L. David. Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics) / L. David Ritchie. – Cambridge University Press, 2013. – 242 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

37. Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты [Электронный ресурс] / [авт.-сост.: Л.Г. Бабенко и др.] ; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М., 2007. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovyy-slovar-russkikh-glagolov> (дата обращения: 13.01.2025).
38. Большой толковый словарь русского языка / Составитель и главный редактор С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
39. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка. В 4-х т. Том четвертый. [Электронный ресурс]. – СПб. – М. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – Режим доступа:

40. Единый электронный каталог. Диссертации // Российская государственная библиотека. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.rsl.ru/ru/search#s=pbyeardesc&vc=10.00.00&d=xdis&q=еизамятин> (дата обращения: 13.01.2025).
41. Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Уездное / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – М. : Русская книга, 2002. – 608 с.
42. Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 5 т. Т.2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А.Н. Тюрина. – М. : Русская книга, 2003. – 592 с.
43. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2025).
44. Словарь русского языка: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А.П. Евгеньева ; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – М. : Русский язык, 1985–1988.

REFERENCES

1. Alekseeva M.L. (2024). Sopotavitel'no-perevodcheskij analiz zoomorfny'x metafor (na primere perevodov proizvedeniya A.I. Solzhenitsyna «Arhipelag GULAG» na anglijskij i nemeckij yazy'ki) [Comparative translation analysis of zoomorphic metaphors (based on the example of translations of A.I. Solzhenitsyn's work "The Gulag Archipelago" into English and German)] in *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 4, pp. 260–267 (In Russian).
2. Altabaeva E.V., Lebedeva E.A., Mayasov V.E., Fotinova Yu.Yu. (2011) Zamyatinskij tekst kak yavlenie russkoj kul'tury i duxovnosti [Zamyatinsky text as a phenomenon of Russian culture and spirituality]. Tambov, 384 p. (In Russian).
3. Arutyunova N.D. (1979). Yazy'kovaya metafora (sintaksis i leksika) [Linguistic metaphor (syntax and vocabulary)] in *Lingvistika i poe'tika* [Linguistics and poetics] (pp. 147–173). Moskva: Nauka (In Russian).
4. Babenko L.G., Romanova M.A. (2024). Chuvstvo lyubvi v metaforicheskom prostranstve russkogo yazy'ka: osnovny'e proekcii i modeli [The feeling of love in the metaphorical space of the Russian language: basic projections and models] in *Voprosy' kognitivnoj lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], 1, pp. 17–28 (In Russian).
5. Balashova L.V. (2022). Ideologema «kollektivny'j Zapad» skvoz' prizmu antropomorfnoj metafory' (na materiale vy'stupenij S. V. Lavrova posle nachala special'noj voennoj operacii 24.02.2022) [The ideology of the "collective West" through the prism of an anthropomorphic metaphor (based on the material of S.V. Lavrov's speeches after the start of a special military operation on 02/24/2022)] in *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 5, pp. 24–39. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_02 (In Russian).
6. Ble'k M. (1990). Metafora [Metaphor] in *Teoriya metafory'* [Theory of metaphor] (pp.153–172). Moskva: Progress (In Russian).
7. Bocharov V.A. Klassifikaciya [Classification] in *Novaya filosofskaya e'nciklopediya* [New Philosophical Encyclopedia] (In Russian).
8. Brevnova S.V. (2002). Sistemno-funktional'noe opisanie ornamental'nogo polya xudozhestvennogo teksta : Na materiale proizvedenij E. Zamyatina i B. Pil'nyaka [System-functional description of the ornamental field of a literary text : Based on the works of E. Zamyatin and B. Pilnyak] (Doctoral dissertation). (145 p.). Krasnodar. (In Russian).
9. Budaev E'.V. (2016). Kognitivnaya metafora v rakurse teorii konceptual'noj integracii [Cognitive metaphor in the perspective of the theory of conceptual integration] in *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 4 (27), pp. 6–13 (In Russian).
10. Budaev E'.V. (2024). Nezhivaya priroda kak sfera-istochnik metaforicheskoj konceptualizacii pandemii COVID-19 v SMI Francii [Inanimate nature as a sphere-a source of metaphorical conceptualization of the COVID-19 pandemic in the French media] in *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2 (104), pp. 27–34 (In Russian).
11. Gak V.G. (1988). Metafora: universal'noe i specificheskoe [Metaphor: universal and specific] in *Metafora v yazy'ke i tekste* [Metaphor in Language and Text] (pp. 11–26). Moskva: Nauka (In Russian).
12. Zolotajko A.I. (2022). Kriterii opredeleniya novizny' metafor so sferoj-istochnikom «Vojna» na postsovet'skom prostranstve v neinstitutional'nom policejskom internet-diskurse [Criteria for determining the novelty of metaphors with the source sphere "War" in the post-Soviet space in the non-institutional police Internet discourse] in *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 6, pp. 53–58. DOI 10.26170/1999-2629_2022_06_06 (In Russian).
13. Ivanova I.E. (2023). Politicheskaya metafora v anglijskom i francuzskom yazy'kax: sravnitel'no-sopotavitel'ny'j analiz [Political metaphor in English and French: comparative analysis] in *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 4, pp. 42–50 (In Russian).

14. Kan Sin`yun`. (2023). Transkul`turnaya modifikaciya metaforicheskix obrazov v russko-kitajskom politicheskom diskurse [Transcultural modification of metaphorical Images in Russian-Chinese Political Discourse] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 2 (98), pp. 201–207. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_22 (In Russian).
15. Koshkarova N.N. (2024). Metaforicheskaya reprezentaciya palestino-izrail'skogo konflikta v oficial`nom politicheskom diskurse [Metaphorical representation of the Palestinian-Israeli conflict in official political discourse] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 4 (106), pp. 297–204 (In Russian).
16. Lakoff Dzh. (2004). Metafory`, kotory`mi my` zhivem [The metaphors we live by]. Moskva: URSS E`ditorial, 256 p. (In Russian).
17. Lyu Life`n`. (2022). Analiz konceptual`noj metafory` «vojna» v politicheskom diskurse (na primere «Poslaniya Prezidenta RF Federal`nomu sobraniyu» 2021 g.) [Analysis of the conceptual metaphor "war" in political discourse (on the example of the "Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly" 2021)] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 1, pp. 126–134. DOI 10.26170/1999-2629_2022_01_14 (In Russian).
18. Men`cheva S. I. (2004). Czvetooboznachenie v proizvedeniyax E.I. Zamyatina: semantika, grammatika, funkciya [Color designation in the works of E.I. Zamyatin: semantics, grammar, function]. (Doctoral dissertation). (248 p.). Tambov (In Russian).
19. Mozhnova Zh.I. (1999). Konceptual`noe znachenie slova v xudozhestvennoj proze i publicistike: Na materiale tvorchestva E. Zamyatina [The conceptual meaning of a word in fiction and journalism: Based on the creative work of E. Zamyatin]. (Doctoral dissertation). (201 p.). Nizhnij Novgorod (In Russian).
20. Me`n Zhu. (2022). Polimodal`naya metafora v rossijskoj karikature v kontekste teorii konceptual`noj integracii (na primere temy` e`pidemii COVID-19) [A polymodal metaphor in Russian caricature in the context of the theory of conceptual integration] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 5 (95), pp. 230–236. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_25 (In Russian).
21. Richards A.A. (1990). Filosofiya ritoriki [Philosophy of rhetoric] in Teoriya metafory` [The theory of metaphor] (pp. 44–67). Moskva: Progress (In Russian).
22. Ry`zhkov I.A. (2000). Funkcii glagolov so znacheniem oshhushheniya i e`mocional`nogo processa v xudozhestvennom tekste: Na materiale romana E. Zamyatina "My`" [The functions of verbs with the meaning of sensation and emotional process in a literary text: Based on the novel by E. Zamyatin "We"] (Doctoral dissertation). (244 p.). Tambov (In Russian).
23. Segal N.A. (2024). Zoonimichnaya metafora kak sredstvo modelirovaniya sovremenny`x politicheskix realij (na primere obraza obez`yany`) [Zoonymic metaphor as a means of modeling modern political realities (using the image of a monkey as an example)] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 1 (103), pp. 12–20 (In Russian).
24. Sergeev S.A. (2024). Osobennosti reprezentacii metaforicheskoy modeli «Sport – e`to Teatr» v sovremennom sportivnom diskurse [eatures of the representation of the metaphorical model "Sport is a Theater" in modern sports discourse] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 3, pp. 183–190 (In Russian).
25. Sizy`x M.M. (2023). Prirodnaya metafora kak sredstvo konceptualizacii pandemii COVID-19 v russkoyazy`chny`x SMI [Natural metaphor as a means of conceptualizing the COVID-19 pandemic in Russian-language media] in Politicheskaya lingvistika, 1, pp. 105–112. DOI 10.26170/1999-2629_2023_01_12 (In Russian).
26. Solopova O.A., Kashyap G., Nagaev N.S. (2024). Metaforicheskij obraz Rossii v mediadiskurse Indii [The Metaphorical image of Russia in Indian Media discourse] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 4, pp. 89–97 (In Russian).
27. Czzya Minsyu (2023). Konceptual`naya metafora «vojna» v sovremennom kitajskom politicheskom diskurse (na materiale pervoj chasti knigi «Si Czzin`pin o gosudarstvennom upravlenii») [The conceptual metaphor of "war" in modern Chinese Political Discourse (based on the material of the first part of the book "Xi Jinping on Public Administration")] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 3, pp. 202–208 (In Russian).
28. Chudinov A.P., Segal N.A. (2024). Metaforicheskij obraz Rossii v ukrainskix kanalax Telegram 2022–2024 gg. [The metaphorical image of Russia in the Ukrainian Telegram channels 2022-2024.] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 3 (105), pp. 42–48 (In Russian).
29. Che`n` Sy`ci (2023). Analiz metaforicheskogo frejminga v politicheskom diskurse Rossii (na materiale tekstov vy`stuplenij Vladimira Putina v Mezhdunarodnom diskussionnom klube «Valdaj») [An analysis of metaphorical framing in Russian Political Discourse (based on the texts of Vladimir Putin's speeches at the Valdai International Discussion Club)] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 3, pp. 214–224 (In Russian).

30. Che`n` Shulin. (2024). Zoonimichny`e obrazy` kak osnova modelirovaniya mediaportreta A.G. Lukashenko [Zoonymic images as the basis for modeling the media portrait of A.G. Lukashenko] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 2, pp. 243–250 (In Russian).

31. Schmid V. (2003). Narratologiya [Narratology]. Moskva: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 312 p. (In Russian).

32. Shpileva Yu.V. (2014). Obrazny`e polya v ornamental`noj proze : na materiale proizvedenij russkoj literatury` pervoj treti XX veka [Figurative fields in ornamental prose : based on the works of Russian literature of the first third of the 20th century] (Doctoral dissertation). (188 p.). Krasnodar. (In Russian).

33. Yakovenko E.N. (2008). Glagol`naya leksika kak sredstvo sozdaniya avtorskoj yazy`kovoj kartiny` mira: funkcional`no-semanticheskij aspekt : na materiale yazy`ka romana E. Zamyatina «Мы» [Verbal vocabulary as a means of creating the author's linguistic picture of the world: functional and semantic aspect : based on the language of E. Zamyatin's novel «We»] (Doctoral dissertation). (146 p.). Krasnodar (In Russian).

34. Yan` Czyuczzyuj, Czyyao Min`. (2023). Issledovanie mul`timodal`ny`x metafor sel`skix yazy`kovy`x landshaftov v ramkax strategii vozrozhdeniya sel`skoj mestnosti Kitaya [Multimodal metaphors of the core values of Chinese Socialism in the linguistic landscape] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 1 (97), pp. 157–167 (In Russian).

35. Yan` Czyuczzyuj, Lyu Life`n`, Czyyao Min`. (2022). Mul`timodal`ny`e metafory` yaderny`x cennostej kitajskogo socializma v yazy`kovom landshafte [Multimodal metaphors of the core values of Chinese Socialism in the linguistic landscape] in Politicheskaya lingvistika [Political linguistics], 3 (93), pp. 152–159 (In Russian).

36. Ritchie L. David. Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics.). Cambridge University Press, 2013, 242 p. (In English).

Поступила в редакцию 23.01.2025 г.

TYOLOGY OF AUTHOR'S METAPHORS IN ARTISTIC DISCOURSE BY E.I. ZAMYATIN

E.I. Astashina

The article raises the problem of differentiation of author's metaphors, i.e. metaphors created by E.I. Zamyatin. The work is based on the anthropocentric paradigm principles. A metaphor is treated as a mental unit that arises as a result of an illogical general affirmative attributive judgment, i.e. of the inclusion of an image / concept of an object of metaphORIZATION in the class of a concept of its reference. It is maintained that a metaphor is verbalized by designation, often partial, of interacting in such a way of mental components of a metaphor. Thus, the author concludes that it is the hybridity of a metaphor that manifests itself at the language level. This is confirmed by the analytical tables, in which all the metaphorical signs of E.I. Zamyatin's artistic discourse are presented. The metaphorical signs in question are divided into two groups of linguistic units encoding only metaphorical mental components. This also proves that the metaphors verbalization is determined by the goal of reflecting their mental components by any means. It is argued that due to the metaphors mentality, their taxonomy should be based on deep features. The analysis of E.I. Zamyatin's metaphors linguistic manifestation in his works of art resulted in a classification of the writer's metaphors, presented in this contribution.

Keywords: type, metaphor, metaphorical, E.I. Zamyatin, image, sign, narrative, artistic.

Асташина Евгения Игоревна.

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация.

Соискатель.

ORCID 0009-0008-9172-1271.

E-mail: unnamehuman@yandex.ru

Astashina Evgeniya Igorevna.

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation.

Academic degree applicant.

ORCID 0009-0008-9172-1271.

E-mail: unnamehuman@yandex.ru

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.14933187

СЛОЖНОПРОИЗВОДНЫЕ КВАЗИАББРЕВИАТУРЫ³

© 2024 К.Ю. Емельянова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

ORCID 0000-0002-3247-4724.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматриваются сложнопроизводные квазиаббревиатуры, под которыми понимаются лексемы, образованные от аббревиатур морфологическим способом без использования абброконструкта. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения некоторых положений теории квазиаббревиации и необходимостью методического обеспечения словарной работы. В процессе исследования применялись следующие методы: метод наблюдения, метод анализа словарных дефиниций, метод обобщения, хронологический метод, количественный метод, семантический метод, ономастологический метод. Источником фактического языкового материала является словарь Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка. Результатом исследования стал комплексный анализ сложнопроизводных существительных и прилагательных: определены характеристики сложнопроизводных слов, выделены их типология и модели образования, рассмотрены слова, имеющие вторичные текстовые эквиваленты, и слова, не имеющие их, то есть абброаффиксоидные единицы. Также в работе был поставлен вопрос множественной мотивации сложнопроизводных квазиаббревиатур.

Ключевые слова: теория аббревиации, сложносокращенные слова, аббревиатуры, квазиаббревиатуры, сложнопроизводные квазиаббревиатуры, абброконструкт, универбализация, квазиунивербализация, псевдоунивербализация, текстовые эквиваленты.

Для цитирования: Емельянова К.Ю. Сложнопроизводные квазиаббревиатуры / К.Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 104–118. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14933187>.

Введение. Традиционные словари сокращений составляются на основе диахронного подхода к аббревиации: в них обычно представлены аббревиатурные пары «производящее словосочетание – сокращение». При этом авторами словарей не учитывается возможность синхронной трактовки аббревиатуры, предполагающей наличие для нее множественной эквивалентности на актуальном срезе языка. Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого государственного университета совмещает диахронный и синхронный подходы при анализе аббревиатур, а значит, представляет совершенно новый взгляд на аббревиацию. Результатом работы Лаборатории является Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка (далее – Словарь), описывающий не аббревиатурные пары, а гнезда эквивалентности, под которыми понимается «совокупность единиц, прямо или опосредованно связанных деривационными отношениями с аббревиатурным словом» [12, с. 17]. Это позволяет

³ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

несколько расширить объем эквивалентного описания сложносокращенного слова. Так, например, в онлайн-словарях Sokr.Ru [19] и Словарь сокращений и аббревиатур [18] для слова *авиаколледж* обнаруживается только один текстовый эквивалент – *авиационный колледж*, в то время как в Словаре Лаборатории [20] представлено шесть эквивалентных словосочетаний *авиационный колледж*, *авиационный технический колледж*, *авиационно-технический колледж*, *колледж авиационного моторостроения*, *авиатехнический колледж*, *колледж авиационного приборостроения и автоматики*. Все перечисленные эквиваленты составляют гнездо эквивалентности аббревиатуры *авиаколледж*, а само аббревиатурное слово определяется как вершина этого гнезда.

Цель синхронного подхода сводится к анализу мотивационных отношений между аббревиатурой и ее текстовыми эквивалентами, в то время как цель диахронного анализа заключается в определении действительной производности между аббревиатурой и словосочетанием.

В основе исследований большинства ученых лежит именно диахронный подход. Так, Д.И. Алексеев отмечает: 1) «прежде всего аббревиация – это способ создания номинаций для тех понятий и реалий, которые были первоначально обозначены описательно, с помощью атрибутивных словосочетаний» [3, с. 307]; 2) «полное обозначение всегда воспринимается как мотивирующее наименование, а сокращенное – как производное от него, мотивированное» [3, с. 309]. Е.С. Кубрякова пишет о том, что «развернутое несколькословное наименование дает точное представление о деталях и характеристиках обозначаемого; аббревиатура же воспринимается скорее как условный знак-заместитель этого наименования» [8, с. 70]. М.А. Ярмашевич утверждает, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания, а затем может приобрести характеристики самостоятельного слова и часто переходит в разряд обычных, независимых от контекста слов» [14, с. 4] и т. д.

Однако многие исследователи придерживались иного взгляда на способ образования сокращенных единиц. Так, А.Н. Гвоздев «выступил против безальтернативной формулы "производящее слово (основа) – производное слово". По наблюдениям ученого, при словообразовании далеко не всегда используется реальный "прототип", т.е. реальное исходное слово как исходный пункт образования нового слова: первого в языке может попросту не быть» [7, с. 29]. Исследователь отмечает, что «нередки случаи, когда сложные слова не находят соответствующего словосочетания, которое могло бы служить прототипом для образования первого: *водоворот* (нет *ворочается вода*, только *вода вращается*), *глинозем* (нет *глиняная земля*), *землесос* (нет *сосет землю*), *ледостав* (нет *лед становится*), *просовод*, *кукурузовод* (нет *водит просо*, *кукурузу*), и образцом для последних существительных, очевидно, послужили такие сложные слова, как *садовод*, *свиновод*, *лесовод*, *куровод*; по образцу *чернозем*, *краснозем* создано *глинозем...*» [6, с. 203].

Д.И. Алексеев, утверждая первичность словосочетания, также говорил и о коррелятивной аббревиации, при которой «хронология нарушается: сначала создается аббревиатура <...>, а затем подбирается расшифровка к ней. Но и в подобных случаях полное наименование воспринимается как базовая, "оправдательная", а не вторичная номинация» [3, с. 308].

Коррелятивная аббревиация описана в работе В.В. Борисова «Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках». Ученый отмечает: «Рассмотрение процесса аббревиации было бы неполным без учета явления, встречающегося в разных языках, но получившего в последнее время особенно широкое распространение в английском языке, когда сокращенная единица образуется не от уже существовавшей ранее в языке полной, несокращенной единицы, а одновременно,

параллельно с нею, причем обе единицы оказывают влияние одна на другую как в структурном, так и в семантическом плане» [5, с. 85]. В.В. Борисов предполагает, что использования только диахронного принципа при определении аббревиатур недостаточно. В результате сопоставления английского сокращения *lord* (< англосаксонского *hlafweard*), не имеющего на актуальном срезе языка развернутого эквивалента, и *USA* (< *United States of America*), активно употребляющегося параллельно с аббревиатурой, ученый приходит к выводу о том, что «об аббревиации мы говорим тогда, когда в системе языка, в данный период его развития, сосуществуют полные и сокращенные формы» [5, с. 62]. Иными словами, по мнению исследователя, диахронный фактор выделения аббревиатур следует дополнить синхронным: необходима констатация сосуществования производящей и производной единиц на актуальном срезе языка. Только одновременное наличие обеих этих характеристик при рассмотрении тех или иных сокращенных с точки зрения диахронии единиц позволяет утверждать, что перед нами на актуальном срезе языка именно аббревиатура.

В теории Лаборатории разграничиваются диахронный и синхронный подходы к определению и описанию аббревиатур. При диахронном подходе устанавливается следующее: 1) является ли словосочетание первичной единицей, от которой образуется аббревиатура (**универбализация** – «процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [12, с. 21]), или же сложносокращенное слово образовано не от словосочетания, но выступает «производящим» для него (**квазиунивербализация** – «образование единиц, имитирующих структуру универбатов» [12, с. 18]; квазиаббревиатуры образуются не от словосочетаний, а от слов); 2) какие вторичные эквиваленты обнаруживаются у сложносокращенного слова, образованного в результате квазиунивербализации (**псевдоунивербализация** – «развертывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [12, с. 20]).

Диахронный анализ позволяет определить тип сложносокращенного слова, под которым понимают «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктором (абброконструктором)» [13, с. 74]. Изначально в теории Лаборатории выделялось три типа абброконструкторов: 1) **абброэквивалентная аббревиатура** (появляется в результате универбализации и содержит такой тип абброконструктора – сокращенного компонента, – как **абброэквивалент**); 2) **абброморфемная квазиаббревиатура** (появляется в результате квазиунивербализации и содержит такой тип абброконструктора, как **абброморфема**); 3) **абброаффиксидная квазиаббревиатура** (появляется в результате квазиунивербализации и содержит такой тип абброконструктора, как **абброаффиксид**. Абброэквивалентные аббревиатуры образуются от словосочетаний (*авиационное колесо* > *авиаколесо*). Абброморфемные и абброаффиксидные квазиаббревиатуры появляются вследствие присоединения абброконструктора к слову (*авиа-* + *кружок* > *авиакружок*, *авиа-* + *фобия* > *авиафобия*). Иначе говоря, на диахронном срезе языка абброэквивалентные аббревиатуры противопоставляются абброморфемным и абброаффиксидным квазиаббревиатурам. Различия между абброморфемными квазиаббревиатурами и абброаффиксидными квазиаббревиатурами обнаруживаются только на синхронном срезе языка: у абброморфемных квазиаббревиатур в результате псевдоунивербализации появляются вторичные текстовые эквиваленты (*авиа-* + *кружок* > *авиакружок* > *авиационный кружок*), в то время как абброаффиксидные квазиаббревиатуры не разворачиваются во вторичные

словосочетания (*авиа- + фобия > авиафобия*, которая не трансформируется в узуальное словосочетание *авиационная фобия*). Таким образом, в синхронии абброэквивалентные аббревиатуры и абброморфемные квазиаббревиатуры противопоставляются абброаффиксоидным квазиаббревиатурам. Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры являются «упрощенными» вариантами абброморфемных квазиаббревиатур, поскольку на синхронном срезе языка, реализующем отношения не производности, а эквивалентности, они не разворачиваются во вторичные атрибуты (в отличие от абброморфемных квазиаббревиатур).

Работа со словарными статьями Словаря позволила предположить, что эту типологию можно расширить, выделив еще несколько типов квазиаббревиатур. Критерием для обоснования необходимости расширения типологии служит фактор непосредственного использования или неиспользования абброконструкта при образовании квазиаббревиатур. Так, абброморфемные и абброаффиксоидные квазиаббревиатуры имеют вычленимый в диахронии сокращенный компонент. Однако были обнаружены слова, при образовании которых наличествующий в их составе абброконструкт не использовался при деривации: эти единицы были либо заимствованы, либо образованы от других сокращений. Учет этого позволяет расширить диахронную типологию квазиаббревиатур и включить в нее: 1) **абброморфемные квазиаббревиатуры** (абброконструкт + слово > квазиаббревиатура > вторичный эквивалент): *авиа- + база > авиабаза > авиационная база*, *авиа- + билет > авиабилет > авиационный билет*, *авто- + абзац > автоабзац > автоматический абзац*, *авто- + азбука > автоазбука > автомобильная азбука*, *агит- + автомобиль > агитаавтомобиль > агитационный автомобиль*, *агит- + бригада > агитбригада > агитационная бригада* и т.д.; 2) **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры** (абброконструкт + слово > квазиаббревиатура): *авиа- + путешественник > авиапутешественник > 0*, *авиа- + фобия > авиафобия > 0*, *авто- + арендатор > автоарендатор > 0*, *авто- + любительство > автолюбительство > 0*, *агро- + банкир > агробанкир > 0*, *арома- + дизайнер > аромадизайнер > 0* и т.д.; 3) **квазиаббревиатуры иноязычного происхождения / заимствованные квазиаббревиатуры** (иностранный язык > квазиаббревиатура в русском языке): *авиалиния (airline)*, *авиасимулятор (flight simulator)*, *автоавария (car accident)*, *автоаренда (car rental)*, *аромамассаж (aroma massage)*, *ароматерапия (aromatherapy)* и т.д.; 4) **сложнопроизводные квазиаббревиатуры** (аббревиатура / квазиаббревиатура > сложнопроизводная квазиаббревиатура; абброконструкт + производное слово > сложнопроизводная квазиаббревиатура; словосочетание > сложнопроизводная квазиаббревиатура): *авиакассир (авиакасса + -ир- > авиакассир / авиа- + кассир > авиакассир / авиационный кассир > авиакассир)*, *авиаразведчик (авиаразведка + -чик- > авиаразведчик / авиа- + разведчик > авиаразведчик / авиационный разведчик > авиаразведчик)*, *автогонщик (автогонка + -щик- > автогонщик / авто- + гонщик > автогонщик / автомобильный гонщик > автогонщик)*, *агроработник (агроработа + -ник- > агроработник / агро- + работник > агроработник / аграрный работник > агроработник)*.

Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения некоторых положений теории квазиаббревиации и необходимостью методического обеспечения проводимой Лабораторией словарной работы.

Цель исследования заключается в комплексном анализе одной из разновидностей квазиаббревиатур – сложнопроизводных единиц. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) дать определение и общую характеристику сложнопроизводных квазиаббревиатур; 2) рассмотреть явление множественной мотивации сложнопроизводных квазиаббревиатур; 3) описать модели формирования сложнопроизводности.

Материалы и методы исследования. Источником фактического языкового материала является картотека Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка [20]. С помощью метода наблюдения были выбраны сокращения для анализа и определены их свойства и признаки. Для подтверждения отношений текстовой эквивалентности был задействован метод анализа словарных дефиниций и разработанный Лабораторией метод поиска в эквивалентных текстах. Путем метода обобщения установлены общие характеристики сложнопроизводных квазиаббревиатур. Для определения направления деривации (диахронный анализ) использованы разработанные Лабораторией хронологический, количественный, семантический и ономазиологический методы аббревиатурной верификации.

Основная часть. Сложнопроизводные аббревиатуры мало исследовались учеными. Результаты отдельных наблюдений представлены в статьях М.Д. Агарковой [1; 2] и С.В. Тахмазовой [10; 11]. В работах М.Д. Агарковой рассматриваются сложнопроизводные отаббревиатурные прилагательные, особенности аббревиатурных и квазиаббревиатурных прилагательных, их типология и дешифровки. В работах С.В. Тахмазовой описываются сложнопроизводные отаббревиатурные существительные, их лексико-семантические группы, формальные и ономазиологические модели. Однако комплексного анализа сложнопроизводных единиц пока еще проведено не было. В данной статье на материале картотеки Словаря (словарные статьи на букву А) [20] осуществляется попытка такого исследования.

Сложнопроизводные квазиаббревиатуры – лексемы, образованные от аббревиатур морфологическим способом без использования аббревиатурного конструкта, например *авиакассир*, *авиаразведчик*, *автогонщик*, *авторемонтник*, *агитбригадчик*, *агроработник*, *агроэкспортер*, *алкотестер*, *артнаводчик* и др. Данные лексемы появились не в результате трансформации словосочетания в слово (универбализации) или прямого присоединения аббревиатурного конструкта к слову (квазиунивербализации), а в результате добавления суффикса к производящему слову с уже имеющимся аббревиатурным конструктом: *авиакасса* > *авиакасс-[ир]*, *авиаразведка* > *авиаразвед-[чик]*, *автогонка* > *автогон-[щик]*, *авторемонт* > *авторемонт-[ник]*, *агитбригада* > *агитбригад-[чик]*, *агроработа* > *агроработ-[ник]*, *агроэкспорт* > *агроэкспорт-[ер]*, *алкотест* > *алкотест-[ер]*, *артнаводка* > *артнавод-[чик]*. При псевдоунивербализации аббревиатурный конструкт, который изначально не участвовал в образовании слова, может интерпретироваться носителями языка как сокращенный компонент и разворачиваться во вторичный атрибут: *авиакассир* > *авиационный кассир*, *авиаразведчик* > *авиационный разведчик*, *автогонщик* > *автомобильный гонщик*, *агроработник* > *аграрный работник*, *агроэкспортер* > *аграрный экспортер*, *алкотестер* > *алкогольный тестер*, *артнаводчик* > *артиллерийский наводчик*. Сложнопроизводные слова, имеющие на актуальном срезе языка синонимичные текстовые эквиваленты, трактуются как синхронные аббревиатуры / собственно аббревиатуры.

Важной проблемой в изучении сложнопроизводных слов является вопрос о двойной (множественной) мотивации, под которой обычно понимается «тип мотивации, при которой дериват мотивируется двумя или более мотивирующими словами» [17]. Так, слово *авиакассир* может быть образовано как от слова *авиакасса*, так и от слова *кассир* при помощи аббревиатурной морфемы *авиа-*. Если в качестве мотивирующей базы выступает лексема *авиакасса*, то можно предположить, что в сознании носителя языка существует представление не просто о работнике какой-то кассы, а именно о работнике *авиакассы*. Если в качестве производящей единицы выступает слово *кассир*, к которому прибавляется аббревиатурный конструкт *авиа-*, то речь уже идет о стандартном образовании аббревиатурных квазиаббревиатур. При этом слово *авиакассир* трактуется уже как

«кассир, работающий в авиации». В первом случае сложнопроизводными квазиаббревиатурами будут считаться лексемы, образованные от аббревиатур морфологическим способом без использования абброконструкта. Во втором же случае сложнопроизводные квазиаббревиатуры будут выступать «стандартными» абброморфемными квазиаббревиатурами. На это указывает и баланс индексов («частное от деления индекса употребления аббревиатурного слова на индекс употребления словосочетания» [12, с. 18]) пары *авиакассир* / *авиационный кассир* – 293,68.

Л.А. Араева отмечает, что «...континуумный характер мысли реализуется в производном слове через полимотивацию, представленную в языке тремя видами: (1) грамматическим; (2) семантическим и (3) грамматико-семантическим» [4, с. 16].

- Семантическая полимотивация представлена в разных перифразах, то есть в разных словообразовательных трактовках значения используется одно объясняющее слово: *булочница* – та, что печет *булки*, и та, что продает *булки* (обе мотивации – от *булки*).

- Грамматическая полимотивация представлена разными словами: *грешник* – тот, кто *грешит* (от *грешить*), и *грешный* человек.

- Грамматико-семантическая полимотивация сочетает в себе первые две разновидности: *оценщик* – тот, кто *оценивает* что-либо, кого-либо / тот, кто делает *оценку* чего-либо, кого-либо.

Поскольку сложнопроизводные слова отличаются от традиционных дериватов, наше исследование показало, что полимотивация аббревиатур существует в несколько иной плоскости. В ее основании лежат:

- морфологическая мотивация, при которой сложнопроизводная лексема трактуется на синхронном срезе языка как образованная в результате присоединения к производящему сложному слову форманта: *авиакасса* + *-ир-* > *авиакассир*, *автогонка* + *-щик-* > *автогонщик*, *агроработа* + *-ник-* > *агроработник*;

- абброморфемная / абброаффиксоидная мотивация, при которой на синхронном срезе языка сложнопроизводная единица определяется как образованная путем прямого присоединения абброконструкта к производному слову: *авиа-* + *кассир* > *авиакассир*, *авто-* + *гонщик* > *автогонщик*, *агро-* + *работник* > *агроработник*;

- псевдоунивербализационная мотивация, в результате которой сложнопроизводное слово трактуется на синхронном срезе языка как образованная путем «свертывания» словосочетания единица: *авиационный кассир* > *авиакассир*, *автомобильный гонщик* > *автогонщик*, *аграрный работник* > *агроработник*.

Сложнопроизводными квазиаббревиатурами могут быть также прилагательные: *авиабензиновый*, *авиабилетный*, *автобазарный*, *автоклубный*, *агрозгородской*, *агроуниверситетский*, *админресурсный*, *акустомагнитный*, *алкозаводской*, *алюмогелевый*, *армогрунтовой*, *асбестоцементный* и др. Данные единицы появились в результате присоединения суффиксального форманта к основе производящего слова с абброконструктом: *авиабензин* > *авиабензин*-[ов-ый], *авиабилет* > *авиабилет*-[н-ый], *автобазар* > *автобазар*-[н-ый], *автоклуб* > *автоклуб*-[н-ый], *агрозгород* > *агрозгород*-[ск-ой], *агроуниверситет* > *агроуниверситет*-[ск-ий], *админресурс* > *админресурс*-[н-ый], *акустомагнит* > *акустомагнит*-[н-ый], *алкозавод* > *алкозавод*-[ск-ой], *алюмогель* > *алюмогел*-[ев-ый], *армогрунт* > *армогрунт*-[ов-ой], *асбестоцемент* > *асбестоцемент*-[н-ый]. М.Д. Агаркова отмечает, что «большинство адъективных аббревиатур образуются на базе имен существительных суффиксальным способом: *автодилер* > *автодилер*-[ск-ий], *авиатурист* > *авиатурист*-[ическ-ий], *бандподполье* > *бандподполье*-[н-ый], *гидропосев* > *гидропосев*-[оч-н-ый] и др. и могут иметь до двух эквивалентов...» [2, с. 7]. На основании этого исследователь разделяет адъективные аббревиатуры на следующие типы:

1) имеющие одну дешифровку (*авиабензиновый* > *авиационный бензиновый*, *авиаиндустриальный* > *авиационный индустриальный*, *авиамоделный* > *авиационный модельный*, *авиапассажирский* > *авиационный пассажирский*, *авиапочтовый* > *авиационный почтовый*, *автоаксессуары* > *автомобильный аксессуары*, *автобензиновый* > *автомобильный бензиновый*, *автоблокировочный* > *автомобильный блокировочный* и др.);

2) имеющие несколько дешифровок (*авиабомбовый* > *авиационный бомбовый*, *авиационно-бомбовый*; *авиадесантный* > *авиационный десантный*, *авиационно-десантный*; *авиадиспетчерский* > *авиационный диспетчерский*, *авиационно-диспетчерский*; *авиаинженерный* > *авиационный инженерный*, *авиационно-инженерный*; *авиаконструкторский* > *авиационный конструкторский*, *авиационно-конструкторский*; *автовыставочный* > *автомобильный выставочный*, *автомобильно-выставочный*; *автогаражный* > *автомобильный гаражный*, *автомобильно-гаражный*; *автодорожный* > *автомобильный дорожный*, *автомобильно-дорожный* и др.).

Однако ранее не рассматривалась субстантивная трактовка сложнопроизводных прилагательных. Так, *авиаинститут* можно трактовать не только как *авиационный институт*, *авиатехнический институт*, *авиакосмический институт*, но и как *институт авиации*, *институт авиационной промышленности*; *авиакорпорация* – это не только *авиационная корпорация*, *авиакосмическая корпорация*, *авиапромышленная корпорация*, *авиационно-промышленная корпорация*, но и *корпорация авиационной промышленности*.

Обнаруживаются также адекативные аббревиатуры, которые не имеют дешифровок: *абброморфемный*, *аваркомовский*, *авиаагентский*, *авиабилетный*, *авиадвигательный*, *авиазаводской*, *авиакеросиновый*, *автобазарный*, *автобатальонный*, *автобензовозный*, *автовокзальный*, *автоклубный*, *агиобиографический*, *аглопроизводственный*, *аглорудный*, *агроавиационный*, *агроаналитический*, *агрозащитный*, *агроинтеграционный*, *агропарковый* и др.

К сложнопроизводным прилагательным также применима предложенная Лабораторией классификация. Для них отмечается:

- морфологическая мотивация, при которой сложнопроизводная лексема трактуется на синхронном срезе языка как образованная в результате присоединения к производящему сложному слову форманта: *авиабензин* + *-ов-* + *-ый* > *авиабензиновый*, *автогараж* + *-н-* + *-ый* > *автогаражный*;

- абброморфемная / абброаффиксоидная мотивация, при которой на синхронном срезе языка сложнопроизводное слово определяется как образованная путем прямого присоединения абброконструкта к производному слову: *авиа-* + *бензиновый* > *авиабензиновый*, *авто-* + *гаражный* > *автогаражный*;

- псевдоунивербализационная мотивация, в результате которой сложнопроизводное слово трактуется на синхронном срезе языка как образованная путем «свертывания» словосочетания единица: *авиационный бензиновый* > *авиабензиновый*, *автомобильный гаражный* > *автогаражный*. Нами определены лексико-семантические группы и словообразовательные модели сложнопроизводных существительных и прилагательных.

Интересные результаты дает анализ лексико-семантических групп, которые формируются сложнопроизводными аббревиатурами. Под лексико-семантической группой (далее – ЛСГ) понимается «объединение слов одной части речи с общим основным компонентом значения» [15]. Э.В. Кузнецова отмечает, что ЛСГ «объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум ещё одна общая сема – категориально-лексическая архисема, классема»

[9, с. 73], которая «составляет семантическую основу группы и в каждом отдельном слове уточняется с помощью дифференциальных сем» [9, с. 75].

Под словообразовательной моделью понимается «схема построения производных слов, относящихся к одному словообразовательному типу. Она включает: 1) производящую базу; 2) формант; 3) деривационное значение» [17].

Выделяются следующие ЛГС и словообразовательные модели сложнопроизводных имен существительных.

• **Организация, предприятие** (архисема – ‘область деятельности’: *авиа, авто, агро*; дифференциальные семы – ‘организация, занимающаяся авиаперевозками’, ‘организация, занимающаяся автоэкспортом’, ‘предприятие, занимающееся сельскохозяйственной продукцией’): *авиаагентство, автоэкспортёр, агропроизводитель*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ств-* + *-о*: *авиаагент* > *авиаагент-ств-о*;

б) основа существительного + *-ер* + парадигма 1-го склонения: *автоэкспорт* > *автоэкспортёр*.

2. Усечение части основы существительного + суффикс + суффикс + флективная парадигма:

а) усечение части основы существительного + *-и-* + *-тель* + парадигма 1-го склонения: *агропроизводство* > *агропроизвод-и-тель*.

• **Подразделение** (архисема – ‘область деятельности’: *авиа*; дифференциальная сема – ‘предназначенное для решения военных задач’): *авиагруппировка*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффиксальный комплекс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ировк-* + *-а*: *авиагруппа* > *авиагрупп-ировк-а*.

• **Действие, процесс** (архисема – ‘сфера’: *авиа, авто, алерго, астро*; дифференциальные семы – ‘высадка войск’, ‘приведение в действие чего-то’, ‘определение местонахождения по звездам’, ‘определение индивидуальной переносимости организмом определенных алергенов’): *авиадесантирование, автовключение, астроориентация, алерготестирование*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффиксальный комплекс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ированиј-* + *-е*: *авиадесант* > *авиадесант-ир-ова-ни-е*.

2. Процесс универбализации (словосочетание > сложносокращенное слово):

а) словосочетание > слово: *автоматическое включение* > *автовключение*.

3. Усечение части основы существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) усечение части основы существительного + *-ациј-* + *-а*: *астроориентир* > *астроориент-аци-я*.

4. Основа существительного + суффикс + суффикс + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ир-* + *-ова-* + *-ниј-* + *-е*: *алерготест* > *алерготест-ир-ова-ни-е*.

• **Деятельность** (архисема – ‘область деятельности’: *авиа, авто, агро*; дифференциальная сема – ‘проектирование и конструирование авиатехники’, ‘увлечение автомобилями’, ‘экономическая деятельность в области сельского хозяйства’, ‘изготовление астрономических приборов’): *авиаинженерия, автолюбительство, агропредпринимательство, астроприборострение*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-иј-* + *-а*: *авиаинженер* > *авиаинженер-и-я*;

б) основа существительного + *-ств-* + *-о*: *автолюбитель* > *автолюбитель-ств-о*, *агропредприниматель* > *агропредприниматель-ств-о*.

2. Основа существительного + интерфикс + аффиксоид + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-о-* + *-строениј-* + *-е*: *астроприбор* > *астроприбор-о-строени-е*.

• **Наука, учение** (архисема – ‘направление’: *астро*; дифференциальная сема – ‘направление астрологии’): *астродиетология*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + интерфикс + аффиксоид + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-о-* + *-логиј-* + *-а*: *астродиета* > *астродиет-о-лог-и-я*.

• **Лицо** (архисема – ‘область деятельности’: *авиа*, *авто*, *агит*, *агро*, *анархо*, *арома*, *арт*, *астро*, *аэрофото*; дифференциальная сема – ‘должностное лицо в области авиации’, ‘специалист по строительству и эксплуатации дорог’, ‘член агитбригады’, ‘работник в области сельского хозяйства’, ‘сторонник анархо-пацифизма’, ‘специалист, подбирающий ароматы’, ‘разведчик, осуществляющий наблюдение’, ‘специалист по астроархеологии’, ‘человек, осуществляющий воздушную разведку’): *авиаинспектор*, *автоторожник*, *агитбригадчик*, *агроработник*, *анархо-пацифист*, *аромадизайнер*, *артнаводчик*, *астроархеолог*, *аэрофоторазведчик*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ор* + парадигма 1-го склонения: *авиаинспекция* > *авиаинспект-ор*;

б) основа существительного + *-ник* + парадигма 1-го склонения: *автоторога* > *автоторож-ник*;

в) основа существительного + *-чик* + парадигма 1-го склонения: *агитбригада* > *агитбригад-чик*;

г) основа существительного + *-ник* + парадигма 1-го склонения: *агроработа* > *агроработ-ник*;

д) основа существительного + *-ист* + парадигма 1-го склонения: *анархо-пацифизм* > *анархо-пациф-ист*;

е) основа существительного + *-ер* + парадигма 1-го склонения: *аромадизайн* > *аромадизайн-ер*;

е) основа существительного + *-чик* + парадигма 1-го склонения: *артнаводка* > *артнавод-чик*;

2. Усечение производящей основы:

а) усечение суффикса: *астроархеолог-иј-а* > *астроархеолог*;

б) основа существительного + *-чик*: *аэрофоторазведка* > *аэрофоторазвед-чик*.

• **Транспорт** (архисема – ‘область применения’: *авиа*; дифференциальная сема – ‘самолет для авиаразведки’, ‘автомобиль, предназначенный для заправки транспортных средств’): *авиаразведчик*, *автозаправщик*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-чик* + парадигма 1-го склонения: *авиаразведка* > *авиаразвед-чик*;

б) основа существительного + *-цик* + парадигма 1-го склонения: *автозаправка* > *автозаправ-цик*.

• **Устройства, приборы, программы** (архисема – ‘область применения’: *авто, алко*; дифференциальная сема – ‘устройство, самостоятельно определяющее уникальный признак объекта’, ‘прибор, позволяющий узнать содержание алкоголя в выдыхаемом человеком воздухе’): *автоидентификатор, алкотестер*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) часть основы существительного + *-атор* + парадигма 1-го склонения: *автоидентификация* > *автоидентифик-атор*;

б) основа существительного + *-ер* + парадигма 1-го склонения: *алкотест* > *алкотест-ер*.

• **Место** (архисема – ‘сфера’: *агро*; дифференциальная сема – ‘тип сельских населенных пунктов с развитой инфраструктурой в Белоруссии’): *агροгородок*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ок* + парадигма 1-го склонения: *агροгород* > *агροгород-ок*.

• **Бьюти-индустрия** (архисема – ‘направление’: *арома, афро*; дифференциальная сема – ‘маленькая декоративная подушечка, надушенная или наполненная твердыми ароматическими веществами’, ‘вид афронаращивания’): *аромаподушечка, афрокосичка*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-к-* + *-а*: *аромаподушка* > *аромаподушеч-к-а*.

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ич-* + *-к-* + *-а*: *афрокоса* > *афрокос-ич-к-а*.

• **Учреждение** (архисема – ‘направление’: *аллерго, апарт*; дифференциальная сема – ‘специализированный детский сад для детей, страдающих аллергозаболеваниями’, ‘гостиница, номера которой оборудованы как квартиры’): *аллергосадик, апарт-домик*.

Словообразовательная модель:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ик* + парадигма 1-го склонения: *аллергосад* > *аллергосад-ик, апарт-дом* > *апарт-дом-ик*.

Обнаруженные сложнопроизводные прилагательные объединяются в следующие ЛСГ:

• **Связанные с наукой, искусством, религией** (архисема – ‘направление’: *аббро, агио, агро, админ, акусто, астро, афро, аэрофото*; дифференциальная сема – ‘связанный с абброморфемой’, ‘связанный с агиобиографией’, ‘связанный с агроклиматом’, ‘связанный с админправом’, ‘связанный с акустоэлектроникой’, ‘связанный с астроархеологией’, ‘связанный с афроджазом’, ‘связанный с аэрофотопанорамой’): *абброморфемный, агиобиографический, агроклиматический, админправовой, акустоэлектронный, астроархеологический, афроджазовый, аэрофотопанорамный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *абброморфема* > *абброморфем-н-ый, акустоэлектроника* > *акустоэлектрон-н-ый, аэрофотопанорама* > *аэрофотопанорам-н-ый*;

б) основа существительного + *-ическ-* + *-ий*: *агиобиография* > *агиобиограф-ическ-ий*, *агроклимат* > *агроклимат-ическ-ий*, *астроархеология* > *астроархеолог-ическ-ий*;

в) основа существительного + *-ов-* + *-ой*: *админправо* > *админправ-ов-ой*;

г) основа существительного + *-ов-* + *-ый*: *афроджаз* > *афроджаз-ов-ый*.

• **Связанные с лицом, объединением людей** (архисема – ‘область деятельности’: *авиа*, *авто*, *агит*, *агро*, *арт*, *афро*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиаагентом’, ‘связанный с автоводителем’, ‘связанный с агитбригадой’, ‘связанный с агроменеджером’, ‘связанный с артбригадой’, ‘связанный с афроамериканцем’): *авиаагентский*, *автоводительский*, *агитбригадный*, *агроменеджерский*, *артбригадный*, *афроамериканский*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ск-* + *-ий*: *авиаагент* > *авиаагент-ск-ий*, *автоводитель* > *автоводитель-ск-ий*, *агроменеджер* > *агроменеджер-ск-ий*, *афроамериканец* > *афроамерикан-ск-ий*;

б) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *агитбригада* > *агитбригад-н-ый*, *артбригада* > *артбригад-н-ый*.

• **Связанные с веществом, материалом, препаратом** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*, *агло*, *алко*, *алюмо*, *армо*, *арома*, *асбесто*, *асбо*, *асфальто*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиабензином’, ‘связанный с автотопливом’, ‘связанный с алкоядом’, ‘связанный с алюмогелем’, ‘связанный с аглорудой’, ‘связанный с армогрунтом’, ‘связанный с аромасолью’, ‘связанный с асбестоцементом’, ‘связанный с асбобумагой’, ‘связанный с асфальтобетоном’): *авиабензиновый*, *автотопливный*, *алкоядовый*, *алюмогелевый*, *аглорудный*, *армогрунтовой*, *аромасолевой*, *асбестоцементный*, *асбобумажный*, *асфальтобетонный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ов-* + *-ый*: *авиабензин* > *авиабензин-ов-ый*, *алкояд* > *алкояд-ов-ый*;

б) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *авиакеросин* > *авиакеросин-н-ый*, *авиатопливо* > *авиатоплив-н-ый*, *аглоруда* > *аглоруд-н-ый*, *асбестоцемент* > *асбестоцент-н-ый*, *асбобумага* > *асбобумаж-н-ый*, *асфальтобетон* > *асфальтобетон-н-ый*;

в) основа существительного + *-ев-* + *-ый*: *алюмогель* > *алюмогел-ев-ый*;

г) основа существительного + *-ов-* + *-ой*: *армогрунт* > *армогрунт-ов-ой*;

д) основа существительного + *-ев-* + *-ой*: *аромасоль* > *аромасол-ев-ой*.

• **Связанные с предметом** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*, *армо*, *асбо*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиабилетом’, ‘связанный с автоаксесуарами’, ‘связанный с армокаркасом’, ‘связанный с асботрубой’): *авиабилетный*, *автоаксесуарный*, *армокаркасный*, *асботрубный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *авиабилет* > *авиабилет-н-ый*, *автоаксесуары* > *автоаксесуар-н-ый*, *армокаркас* > *армокаркас-н-ый*, *асботруба* > *асботруб-н-ый*.

• **Связанные с устройством, прибором** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*, *акусто*, *алко*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиадвигателем’, ‘связанный с автогенератором’, ‘связанный с акустомагнитом’, ‘связанный с алкотестером’): *авиадвигательный*, *автогенераторный*, *акустомагнитный*, *алкотестерный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *авиадвигатель* > *авиадвигатель-н-ый*, *автогенератор* > *автогенератор-н-ый*, *акустомагнит* > *акустомагнит-н-ый*, *алкотестер* > *алкотестер-н-ый*.

• **Связанный с транспортом** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиалайнером’, ‘связанный с автобензовозом’): *авиалайнерный*, *автобензовозный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *авиалайнер* > *авиалайнер-н-ый*, *автобензовоз* > *автобензовоз-н-ый*.

• **Связанные с предприятием, отраслью промышленности, организацией, подразделением, объединением** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*, *агло*, *агро*, *алко*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиазаводом’, ‘связанный с автозаводом’, ‘связанный с агропроизводством’, ‘связанный с агроиндустрией’, ‘связанный с алкозаводом’): *авиазаводской*, *автозаводской*, *аглопроизводственный*, *агроиндустриальный*, *алкозаводской*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ск-* + *-ой*: *авиазавод* > *авиазавод-ск-ой*, *автозавод-ск-ой*, *алкозавод* > *алкозавод-ск-ой*;

б) основа существительного + *-енн-* + *-ый*: *аглопроизводство* > *аглопроизводств-енн-ый*;

в) основа существительного + *-альн-* + *-ый*: *агроиндустрия* > *агроиндустри-альн-ый*.

• **Связанные с событием, комплексом мероприятий, действием, процессом** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*, *агро*, *админ*, *акусто*, *аллерго*, *аэрофото*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиаремонтом’, ‘связанный с автосервисом’, ‘связанный с агрозащитой’, ‘связанный с админресурсом’, ‘связанный с акустоэмиссией’, ‘связанный с аллергодиагностикой’, ‘связанный с аэрофотосъемкой’): *авиаремонтный*, *автосервисный*, *агрозащитный*, *админресурсный*, *акустоэмиссионный*, *аллергодиагностический*, *аэрофотосъемочный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *авиаремонт* > *авиаремонт-н-ый*, *автосервис* > *автосервис-н-ый*, *агрозащита* > *агрозащит-н-ый*, *админресурс* > *админресурс-н-ый*;

б) основа существительного + *-онн-* + *-ый*: *акустоэмиссия* > *акустоэмиси-онн-ый*;

в) основа существительного + *-еск-* + *-ий*: *аллергодиагностика* > *аллергодиагностич-еск-ий*.

2. Основа существительного + суффикс + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-оч-* + *-н-* + *-ый*: *аэрофотосъемка* > *аэрофотосъем-оч-н-ый*.

• **Связанные с местом, направлением** (архисема – ‘сфера’: *авиа*, *авто*, *агро*, *академ*; дифференциальная сема – ‘связанный с авиамаршрутом’, ‘связанный с автовокзалом’, ‘связанный с агроземлей’, ‘связанный с академгородом’): *авиамаршрутный*, *автовокзальный*, *агроземельный*, *академгородской*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *авиамаршрут* > *авиамаршрут-н-ый*, *автовокзал* > *автовокзал-н-ый*, *агроземля* > *агроземель-н-ый*;

б) основа существительного + *-ск-* + *-ой*: *аэрогород* > *аэрогород-ск-ой*, *академгород* > *академгород-ск-ой*.

• **Связанные с состоянием, здоровьем** (архисема – ‘сфера’: *алко*, *аллерго*; дифференциальная сема – ‘связанный с алкодепрессией’, ‘связанный с аллергодерматитом’): *алкодепрессивный*, *аллергодерматитный*.

Словообразовательные модели:

1. Основа существительного + суффикс + флективная парадигма:

а) основа существительного + *-ивн-* + *-ый*: *алкодепрессия* > *алкодепресс-ивн-ый*;

б) основа существительного + *-н-* + *-ый*: *аллергодерматит* > *аллергодерматит-н-ый*.

Многие сложнопроизводные существительные разворачиваются в общеупотребительные вторичные текстовые эквиваленты, то есть имеют псевдоунивербаты. Это позволяет включать их в словник Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка. Например, к таким единицам относятся слова *авиаагентство* (*авиационное агентство*, *агентство по авиационной безопасности*, *агентство по авиабезопасности*, *агентство авиаперевозок*, *агентство авиации*), *авиабомбардировка* (*авиационная бомбардировка*, *бомбардировка авиации*), *авиагруппировка* (*авиационная группировка*), *авиадесантирование* (*авиационное десантирование*), *автоактиватор* (*автоматический активатор*) и др.

Однако обнаруживаются и такие сложнопроизводные единицы, которые синхронно не разворачиваются в словосочетания, то есть сохраняют статус квазиаббревиатур в синхронии (например, *авиакассириша*, *автозаводец*). Такие слова трактуются как абброаффиксоидные квазиаббревиатуры.

Одной из причин «неразворачиваемости» сложносокращенных слов является наличие пейоративной стилистической окраски у лексемы. Например, в слове *авиакассириша* суффикс *-иш-* несет оттенок разговорности; в слове *автозаводец* суффикс *-ец-* указывает на лицо, то есть это работник автомобильного завода, однако он омонимичен суффиксу слова *заводец*, а котором *-ец-* заключает в себе уничижительный оттенок (от лексемы *завод*).

Заключение. Таким образом, необходимость выделения сложнопроизводных квазиаббревиатур в разряд самостоятельных аббревиатурных единиц зависит от того, какой способ образования считать единственно верным. Данная работа является попыткой комплексного рассмотрения анализируемых единиц. В результате исследования определены характеристики сложнопроизводных слов, выделены их типология и модели образования, рассмотрены слова, имеющие псевдоунивербаты, то есть вторичные текстовые эквиваленты, и не имеющие их, то есть слова, которые определяются как абброаффиксоидные единицы. Также в статье был поставлен вопрос множественной мотивации сложнопроизводных квазиаббревиатур. В дальнейших исследованиях предполагается анализ не затронутых в данной работе словарных статей Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаркова М.Д. Сложнопроизводные слова в аббревиатурной группе «авто» / М.Д. Агаркова // Новые горизонты русистики. – 2021. – №14. – С. 4–9.
2. Агаркова М.Д. Сложнопроизводные отаббревиатурные прилагательные в синхронном аспекте / М.Д. Агаркова // Новые горизонты русистики. – 2022. – №18. – С. 4–8.
3. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1979. – 327 с.

4. Араева Л.А. Эволюция теории полимотивации в русистике / Л.А. Араева // Современные наукоёмкие технологии. – 2005. – №3. – С. 13–19.
5. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
6. Гвоздев А.Н. Современный русский язык: В 2 ч. – Ч. 1: Фонетика и морфология / А.Н. Гвоздев. М., 1958. – 405 с.
7. Кадькалова Э.П. Из истории русской дериватологии. О научном наследии лингвистов Поволжья (советский период) / Э.П. Кадькалова, Ю.Г. Кадькалов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – 160 с.
8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
9. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.
10. Тахмазова С.В. Типология эквивалентов отаббревиатурных существительных / С.В. Тахмазова // Новые горизонты русистики. – 2021. – №14. – С. 63–68.
11. Тахмазова С.В. Сложнопроизводные обозначения устройств в формальном и ономазиологическом аспектах / С.В. Тахмазова // Новые горизонты русистики. – 2022. – №18. – С. 54–57.
12. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология. – 2016. – №3. – С. 13–25.
13. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология: Научный журнал. – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Издательский Дом). – 2017. – №6. – С. 73–97.
14. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / М.А. Ярмашевич / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2004. – 40 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Картаслов.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 13.09.2024).
16. РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 05.10.2024).
17. Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru (дата обращения: 12.08.2024).
18. Словарь сокращений и аббревиатур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sokrasheniya.academic.ru/> (дата обращения: 06.08.2024).
19. Словарь сокращений русского языка Sokr.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sokr.ru> (дата обращения: 06.08.2024).
20. Толковый словарь сложносокращенных слов русского языка / В.И. Теркулов, А.И. Бровец, В.А. Рязанова, К.Ю. Емельянова и др.; под ред. В.И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». – Донецк, 2024.

REFERENCES

1. Agarkova M.D. (2021). Slozhnoproizvodnye slova v abbreviaturnoj gruppe «avto» [Compound words in the abbreviation group "auto"] in Novye gorizonty rusistiki [New horizons of Russian studies] (14, pp. 4–9) (In Russian).
2. Agarkova M.D. (2021). Slozhnoproizvodnye otabbreviaturnye prilagatelnye v sinxronnom aspekte [Compound derivatives of abbreviated adjectives in the synchronous aspect] in Novye gorizonty rusistiki [New horizons of Russian studies] (14, pp. 4–9) (In Russian).
3. Alekseev D.I. (1979). Sokrashhyonnye slova v russkom yazyke [Abbreviated words in Russian] (327 p.). Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta (In Russian).
4. Araeva L.A. (2005). Evolyuciya teorii polimotivacii v rusistike [The evolution of the theory of polymotivation in Russian studies] in Sovremennye naukoemkie texnologii [Modern high-tech technologies] (3, pp. 13–19) (In Russian).
5. Borisov V.V. (1972). Abbreviaciya i akronimiya. Voennye i nauchno-tehnicheskie sokrashheniya v inostrannyh yazykah [Abbreviation and Acronymy. Military and Scientific and Technical Abbreviations in Foreign Languages] (320 p.). Moscow: Voenizdat (In Russian).
6. Gvozdev A.N. (1958). Sovremennij russkij yazyk [Modern Russian language] (1, 405 p.). Moscow (In Russian).

7. Kadkalova E.P., Kadkalov Yu.G. (2008). Iz istorii russkoj derivatologii. O nauchnom nasledii lingvistov Povolzhya (sovetskij period) [From the history of Russian derivatology. About the scientific heritage of linguists of the Volga region (Soviet period)] (160 p.). Saratov: Izdatelskij centr "Nauka" (In Russian).
8. Kubryakova E.S. (1981). Tipy yazykovyx znachenij. Semantika proizvodnogo slova [Types of linguistic meanings. Semantics of a derived word] (199 p.). Moscow: Nauka (In Russian).
9. Kuznecova E.V. (1989). Leksikologiya russkogo yazyka [Lexicology of the Russian language] (216 p.). Moscow: Vyssh. shk. (In Russian).
10. Taxmazova S.V. (2021). Tipologiya ekvivalentov otabbreviaturnyx sushhestvitelnyx [Typology of equivalents of abbreviated nouns] in Novye gorizonty rusistiki [New horizons of Russian studies] (14, pp. 63–68) (In Russian).
11. Taxmazova S.V. (2022). Slozhnoproizvodnye oboznacheniya ustrojstv v formalnom i onomasiologicheskom aspektax [Compound-derived designations of devices in formal and onomasiological aspects] in Novye gorizonty rusistiki [New horizons of Russian studies] (18, pp. 54–57) (In Russian).
12. Terkulov V.I. (2016). Materialy k slovarju terminov Eksperimentalnoj laboratorii issledovaniya tendencij abbreviacii [Materials for the dictionary of terms of the Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Trends] in Vostochnoslavjanskaya filologiya [East Slavic Philology] (3, pp. 13–25) (In Russian).
13. Terkulov V.I. (2017). Slozhnosokrashhyonnye slova: sinxronnyj i diaxronnyj aspekty opisaniya [Compound words: synchronous and diachronic aspects of the description] in Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya: Nauchnyj zhurnal [Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology: A Scientific Journal] (6, pp. 73–97) (In Russian).
14. Yarmashevich M.A. Abbreviaciya v sovremennyx evropejskix yazykax: strukturnyj, semanticheskij i funkcionalnyj aspekty: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskix nauk [Abbreviation in modern European languages: structural, semantic and functional aspects: abstract of the dissertation... Doctor of Philological Sciences] (40 p.). Saratov: Sarat. gos. un-t im. N.G. Chernyshevskogo (In Russian).

Поступила в редакцию 09.01.2025 г.

COMPLEX DERIVATIVE QUASI-ABBREVIATIONS

K.Yu. Emelyanova

The work deals with complex derivative quasi-abbreviations, which are treated as lexemes formed from abbreviations morphologically without using an abbroconstruct. The relevance of the study is accounted for by the need to clarify some provisions of the theory of quasi-abbreviation and the need for methodological support for dictionary work. The following methods have been applied in the study: observation, dictionary definitions analysis, generalization method, chronological method, quantitative analysis, semantic analysis, onomasiological analysis. The source of the empirical material is the Dictionary of Compound Abbreviated Words of the Russian Language. In the course of the comprehensive analysis of complex-derived nouns and adjectives the following results have been obtained: the characteristics of complex-derived words have been described, their typology and patterns of formation have been determined, words with secondary text equivalents and words without them, i. e. abbroaffixoid units, have been considered. The question of multiple motivations of complex-derived quasi-abbreviations is brought into the open.

Key words: abbreviation theory, complex abbreviated words, abbreviations, quasi-abbreviations, complex derivative quasi-abbreviations, abbroconstruct, univerbalization, quasi-univerbalization, pseudo-univerbalization, text equivalents.

Емельянова Ксения Юрьевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Аспирант кафедры русского языка.
Стажер-исследователь научно-исследовательской
части.
ORCID 0000-0002-3247-4724.
E-mail: kemelanova966@gmail.com.

Yemelyanova Ksenia Yurievna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Postgraduate student of the Russian Language
Department.
Intern Researcher of the Research Department.
ORCID 0000-0002-3247-4724.
E-mail: kemelanova966@gmail.com.

Научная статья

УДК 81-25

DOI: 10.5281/zenodo.14933245

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: НОВЫЕ ФОРМЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

© 2025 *Е.В. Руснакова*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет»

ORCID: 0000-0001-8269-6811

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассмотрено влияние интернета и цифровых технологий на английский язык. Проведен анализ основных процессов словообразования, таких как аффиксация, композиция, конверсия, сокращение и смешение. Изучены семантические изменения существующих слов под воздействием онлайн-коммуникаций. В ходе исследования социальных сетей, форумов, аналитических и информационных статей с оригинальных источников были выделены 40 лексических единиц, включая новые слова и выражения, сленг, аббревиатуры и термины. Особое внимание уделено таким явлениям, как Netspeak, использование аббревиатур (LOL, YOLO), новых слов (clickbait, selfie) и расширение значений. Материал был систематизирован по способам словообразования и введен в авторский контекст. Выводы подчеркивают важность изучения интернет-лексики для понимания глобализации и культурного обмена. Результаты работы актуальны для интернет-лингвистики и разработки учебных материалов.

Ключевые слова: Цифровая лингвистика, словообразование, Netspeak, цифровые технологии, семантические изменения, английский язык.

Для цитирования: Руснакова Е.В. Английский язык в цифровой среде: новые формы и лексические процессы / Е.В. Руснакова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 119–129. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14933245>.

Введение. С появлением интернета в начале 1990-х годов он стал очень важным компонентом процесса глобализации и широкого распространения английского языка. На сегодня использование технологий или интернета представляет собой новейшее, наиболее широкое и быстрое средство обмена информацией во всем мире. Как известно, английский является языком международного общения и, следовательно, одним из самых употребляемых для онлайн-общения. Современный мир позволяет людям коммуницировать из разных стран и континентов. Главными помощниками в этом являются социальные сети, месенджеры и английский язык.

Язык – постоянно изменяющаяся система, требующая тщательного изучения и анализа. Лингвистические изменения происходят по причине активного общения между людьми внутри одного языкового сообщества, а также благодаря внешним контактам. Как отмечает Т.С. Полунина, «лингвистические контакты между языками приводят к включению некоторых языковых единиц из других языков. Таким образом, процесс заимствования иностранных слов не является монолитным. Этот процесс затрагивает все языки, диалекты и жаргоны в разной степени и разными способами, поскольку сообщества, говорящие на этих языках, не функционируют изолированно» [11, с. 189].

Из этого следует, что язык может заимствовать слова для обозначения каких-либо новых явлений в жизни общества. В рамках нашего исследования особый интерес

представляет влияние интернета на английский язык. Появление онлайн-коммуникаций способствовало появлению огромного количества предметов, явлений и действий, для которых необходимы наименования. Актуальность нашего исследования определяет необходимость изучения особенностей появления и словообразования данных лексических единиц. Новизна исследования заключается в систематическом анализе современных лексических изменений под влиянием цифровых технологий, что позволяет выявить тенденции формирования новой интернет-лексики. Теоретическая значимость работы связана с возможностью углубленного понимания механизмов трансформации языка в условиях цифровой эпохи, что способствует развитию интернет-лингвистики. Практическая значимость состоит в применении результатов исследования для разработки учебных материалов и анализа интернет-коммуникации в официальном и разговорном стилях общения. Целью данной статьи является анализ влияния интернета и технологий на английский язык в части трансформации лексических единиц в онлайн-коммуникации.

Теоретические обоснования. Лингвистические исследования показывают, что проблема изучения специальной лексики является достаточно актуальной для отечественной и западной лингвистики. Это подтверждают многочисленные работы, посвященные общим проблемам терминологии и по отраслевым терминологиям в английском и иных языках [2, с. 223].

Влияние технологий и интернета на современный английский язык проявляется различными способами. Во-первых, добавляет большое количество «жаргонной лексики». Во-вторых, придает смысл существующим словам и терминам, таким как «мышь», «клавиатура» и так далее. В-третьих, позволяет создавать слова, объединяющие высказывания людей по всему миру, когда они знакомятся друг с другом через социальные сети. Кроме того, технологии позволяют создавать особые лингвистические «мемы» быстрее, чем когда-либо прежде. Далее рассмотрим лингвистические исследования, посвященные вопросу влияния интернета на английский язык. В процессе теоретического анализа нами была собрана обзорная информация о способах влияния онлайн-коммуникации на английский язык.

По мнению А. Джумашовой, влияние интернета выражается в добавлении сленгов и неологизмов, а также придании нового значения существующим словам и терминам [4, с. 160].

Иранский исследователь Дж.М. Аббас стремился проанализировать способы изменения английского языка по четырем критериям: а) использование новой лексики, б) использование аббревиатур, в) орфография и пунктуация и г) грамматика [14].

Ю.А. Нижельская выделяет следующие тенденции в изменениях английского языка в онлайн-коммуникации:

–расширение лексикона за счет появления новых терминов, выражений и аббревиатур, связанных с цифровыми технологиями и онлайн-коммуникациями (*selfie, hashtag, tweet, blog, vlog*);

–сокращения и упрощения в языке сообщений (как, например, *и* вместо *you* или *lol* вместо *laughing out loud*);

–слова приобретают новые значения или оттенки смысла под воздействием цифровых технологий (*like, meme*);

–изменения в структуре предложений (*Going to the store, need anything?* вместо полного предложения *I am going to the store, do you need anything?*) [10, с. 74–75].

В работе К.У. Исраиловой представлены особенности влияния интернета на английский язык:

- появляются новые слова;
- появляются новые аббревиатуры;
- появляются сокращения, не соответствующие литературным правилам, и намеренное искажение орфографии;
- нестандартное использование графических средств;
- выражение эмоций с помощью иконических знаков;
- неформальность при общении [5, с. 106].

В современных исследованиях прослеживается тенденция к наименованию влияния онлайн-коммуникаций на английский язык термином *Netspeak* или *Chatspeak*. Обратимся к определению М.В. Лазаревой: «Netspeak, известный и как Chatspeak, – это отдельная версия английского языка, включающая в себя все значительные изменения, которые внесены интернет-средой и ее пользователями» [8, с. 300]. Процессу появления и значения Netspeak посвящены работы И.И. Воронцовой [3], А.В. Кушаковой [15], М.А. Можейко [9]. Авторы сходятся во мнении, что это используемая в сети интернет речь, которая постоянная обновляется и пополняется новыми выражениями. И.И. Воронцова также отмечает изменчивость данной лексики, которая насколько стремительно появляется, настолько же стремительно и исчезает. Исследователь связывает это с трендами в социальных сетях, имеющими свойство быстро распространяться в интернете.

Влияние Netspeak на молодое поколение отмечено зарубежными учеными Р. Вахид [17] и Р. Мохсином [16]. Они сходятся во мнении, что молодежь все чаще использует сокращения и новую лексику в официальном стиле общения, не осознавая, что нарушают грамматические и стилистические правила письма.

Вышеперечисленные исследования указывают, что под влиянием Netspeak английский язык претерпевает изменения в лексической и грамматической структурах. Лексикон расширяется посредством неофициального общения и приобретает новые слова и фразы, которые образованы объединением уже имеющихся литературных слов. С целью сокращения речи интернет-пользователи используют аббревиатуры, под которыми понимаются выражения из повседневного общения. Более того, общепринятые лексические единицы расширяют свои значения, обозначая явления в интернет-коммуникации.

Материалы и методы исследования. Данное исследование направлено на изучение влияния информационных технологий на английский язык. В связи с этим основным методом исследования стал **лингвистический анализ**, направленный на рассмотрение формирования новых слов, аббревиатур, сокращений. Особое внимание уделено трансформации лексического значения уже имеющихся литературных слов.

Кроме того, используется **сравнительный метод**, позволяющий сопоставить традиционные значения слов с их новыми интерпретациями, возникшими под влиянием цифровых технологий и интернета. Этот подход помогает выявить ключевые изменения в значении и употреблении слов.

Для систематизации полученных данных был применен **описательный метод**, с целью документирования и классификации лексических изменений вследствие влияния интернета. Указанный метод позволил структурировать материал и определить основные тенденции в изменении языка.

Теоретический метод в данном исследовании был использован для анализа изученности проблемы и подбора релевантной литературы, связанной с употреблением Netspeak и цифровой лингвистикой. Данный метод позволил обеспечить научную основу для анализа материалов исследования.

Следует отметить, что в исследование так же внедрены **практические кейсы**, в рамках которых найденные материалы использованы в авторском контексте для полного понимания лексического значения слов, выражений и аббревиатур.

Материалами для исследования стали сайты, форумы, комментарии к статьям и видео, социальные сети. С целью этого были выбраны 40 лексических единиц, обозначающие явления, связанные с информационными технологиями, разговорной лексикой, используемой для онлайн коммуникации.

Основная часть. Процессы словообразования являются важной частью такой науки как лексикология. В английском языке выделяют следующие способы словообразования:

–аффиксация (процесс словообразования, при котором создание новых слов происходит посредством добавления одного или нескольких аффиксов к одной морфеме);

–конверсия (рассматривается как способ словообразования безаффиксным способом);

–композиция (тип словообразования, при котором новые слова создаются путем объединения двух или более основ, является одним из трех наиболее продуктивных типов в современном английском языке: *bedroom, sunflower*);

–сокращения (данный способ создается двумя способами. Первый способ – создание нового слова из слога (реже – двух) исходного слова. Во втором случае сокращение может происходить путем утраты начальной части слова (как в *phone* из *telephone, fence* из *defence*), конечной части (как в *hols* из *holidays, vac* из *vacation, props* из *properties, ad* из *advertisement*), или одновременно начальной и конечной частей (как в *flu* из *influenza, fridge* из *refrigerator*) [1, с. 53–76].

В ходе исследования влияния интернета на английский язык нами были выделены 40 лексических единиц, которые были распределены по 4 группам согласно способам их образования. Теоретический материал для категоризации был взят из учебника Г.Б. Антрушиной «Лексикология английского языка».

Слова в таблице 1 образованы путем композиции (*compounding*), что подразумевает объединение двух или более самостоятельных слов для создания новых лексем. Это позволяет описывать явления, связанные с цифровыми технологиями более лаконично и точно. Слова *clickbait* ‘клик-приманка’ и *cyberbullying* ‘киберзапугивание’ являются яркими примерами композиции. Остановимся подробнее на некоторых лексемах.

Например, *phishing* ‘интернет-мошенничество’ сочетает элементы слов *phone* ‘телефон’ и *fishing* ‘рыбалка’, создавая метафору обмана, аналогичную рыбалке, где мошенники «ловят» жертв с помощью поддельных электронных писем или ссылок. Способ словообразования обозначен как *blending*, однако в данном контексте он может рассматриваться как частный случай *compounding*. Как правило, словообразование смешением дает слову лексическое значение, схожее со словами оригиналами. Композиция представляет возможность как сохранять похожие значения (*compositional*), так и различия между ними (*noncompositional*). Схожее с предыдущим слово *catfish*, которое является примером метафорического переосмысления (*semantic shift*) и в то же время оно образовано путем соединения двух литературных слов *cat + fish*, образуя при этом совершенно новое значение. В рамках данного исследования *semantic shift* представлены в таблице 3, где собраны примеры слов, которые трансформировались не меняя словоформы. Следовательно, указанные выше слова были отнесены нами к способу композиции, потому как образованы несоставным объединением.

Материалы из таблицы 1 взяты из информационных и аналитических статей сети интернет. Примечательно, что все слова из указанной таблицы внесены в Oxford Dictionary и используются как в разговорной лексике, так и в официальном стиле. Этот способ словообразования демонстрирует гибкость английского языка и его способность адаптироваться к новым реалиям.

Таблица 1. Композиция (Compounding)

№	Слово	Тип словообразования	Перевод	Предложение на английском языке
1	Clickbait	Compound: <i>click + bait</i>	‘клик-приманка’	<i>This article title is pure clickbait to get more views.</i>
2	<i>Cyberbullying</i>	Compound: <i>cyber + bullying</i>	‘киберзапугивание’	<i>Schools are now addressing the issue of cyberbullying.</i>
3	<i>Keyboard warrior</i>	Compound: <i>keyboard + warrior</i>	‘клавиатурный воин’	<i>Don't feed the keyboard warrior in the comments.</i>
4	<i>Hashtag</i>	Compound: <i>hash + tag</i>	‘хештег’	<i>Use the hashtag #travel to join the discussion.</i>
5	<i>Selfie stick</i>	Compound: <i>selfie + stick</i>	‘селфи-палка’	<i>I forgot my selfie stick at home.</i>
6	<i>Phishing</i>	Blend: <i>phone + fishing</i>	‘интернет-мошенничество’	<i>The email turned out to be a phishing scam.</i>
7	<i>Catfish</i>	Metaphor (redefined existing word)	‘человек, притворяющийся другим’	<i>She realized she was being catfished online.</i>
8	<i>Cloud computing</i>	Compound: <i>cloud + computing</i>	‘облачные вычисления’	<i>Cloud computing makes data storage more efficient.</i>
9	<i>Netiquette</i>	Blend: <i>net + etiquette</i>	‘интернет-этикет’	<i>Following netiquette is important in online forums.</i>
10	<i>Crowdsourcing</i>	Compound: <i>crowd + outsourcing</i>	‘совместное создание контента’	<i>They used crowdsourcing to fund their new project.</i>

В таблице 2 представлены аббревиатуры, которые активно используют пользователи в сети интернет. Наиболее частое употребление наблюдается в социальных сетях (а именно в комментариях к постам, аудио- и видеоконтенту). Дж.М. Аббасом [14], Р. Вахид [17] отмечено, что сокращения также активно используются в смс-сообщениях и личных переписках с целью экономии времени написания текста. Однако с появлением мессенджеров пропала необходимость в сокращениях, т.к. в них не предусмотрен лимит на количество символов. По этой причине следует отметить причину сокращения конкретных выражений в сети. Лексемы, ставшие основой для аббревиатур, отражают универсальные темы, актуальные для широкой аудитории: эмоции (*LOL*), временные рамки (*BRB*), мнения (*IMO*), страх упустить что-то важное (*FOMO*), ситуации из реальной жизни (*IRL*). Также аббревиатуры нацелены на характеристику контента и безопасное поведение в интернете. Например: *NSFW (Not Safe For Work)*, ‘не для просмотра на работе’) употребляется для предупреждения для контента, неподходящего для рабочего окружения, а *TL;DR (Too Long; Didn't Read)*, ‘слишком длинно; не читал’) используется для обозначения краткого пересказа длинного текста. В статье И.И. Воронцовой указано, что некоторые аббревиатуры, например *YOLO* или *TBT (Throwback Thursday)* распространились благодаря использованию хештега под фотографиями или текстовыми постами в социальных сетях [3, с. 95]. Данный способ можно отметить как дополнительный источник появления аббревиатур в неформальном общении.

Таблица 2. Аббревиации и сокращения (Abbreviations and Shortening)

№	Аббревиатура	Расшифровка	Перевод аббревиатуры	Предложение на английском языке
1	LOL	<i>Laugh Out Loud</i>	‘громко смеяться’	<i>That joke was so funny, LOL!</i>
2	BRB	<i>Be Right Back</i>	‘сейчас вернусь’	<i>I need to grab a drink, BRB.</i>
3	IMO	<i>In My Opinion</i>	‘по моему мнению’	<i>IMO, this is the best movie of the year.</i>
4	NSFW	<i>Not Safe For Work</i>	‘не для просмотра на работе’	<i>Don't open that link, it's NSFW.</i>
5	FOMO	<i>Fear of Missing Out</i>	‘страх упустить что-то важное’	<i>I went to the party because I had FOMO.</i>
6	YOLO	<i>You Only Live Once</i>	‘живешь только раз’	<i>He bought the expensive car because YOLO.</i>
7	DM	<i>Direct Message</i>	‘личное сообщение’	<i>Send me a DM if you have any questions.</i>
8	IRL	<i>In Real Life</i>	‘в реальной жизни’	<i>Let's meet IRL to discuss the project details.</i>
9	TL;DR	<i>Too Long; Didn't Read</i>	‘слишком длинно; не читал’	<i>TL;DR, the report says we need to cut expenses.</i>
10	AFK	<i>Away From Keyboard</i>	‘вне клавиатуры’	<i>I'll be AFK for a bit; I need to take a call.</i>

Таблица 3 демонстрирует явление семантического сдвига (semantic shift), при котором существующие слова изменяют свои значения или приобретают новые в условиях влияния цифровых технологий и интернета. Новые значения возникают благодаря адаптации слов к новым реалиям.

Основной причиной семантической трансформации является появление новых действий в онлайн-коммуникации. К примеру, *friend* отражает процесс дигитализации понятий дружбы и социальных связей и стремление к сокращению наименования действия. Для этого следует сравнить выражения *add me as a friend* или *friend me*. Удобство в использовании очевидно. Еще одним примером является слово *like* ‘нравиться’, которое приобрело новое значение и теперь означает ‘поставить лайк’ в контексте социальных сетей.

Кроме этого, некоторые из этих слов, например *block* или *subscribe*, стали использоваться не только в разговорной речи, но и в официальных документах, что свидетельствует о влиянии интернет-коммуникации на язык делового общения. В то же время такой термин как *troll* сохраняет свою популярность в неофициальном общении, отражая специфику интернет-культуры.

Материалы для указанной таблицы встречаются в разговорной лексике и широко употребимы в развлекательных материалах (видео и текстах), в неофициальном стиле речи (комментарии, форумы). Такие лексические единицы как *block* и *spam* в процессе исследования встретились и официальном стиле речи политиков и иных руководителей. Семантические сдвиги, описываемые И.В. Арнольд, понимают как процессы, которые приводят к обогащению слов новыми значениями и развитию многозначности или, как ее иначе называют, полисемии, так и процессы, которые ведут к замене старого значения новым так, что слово, получив новое значение, многозначным от этого не становится, а число слов в словарном составе не увеличивается [2].

Таблица 3. Словосложение с заимствованием значений (Semantic Shift and Compounding)

№	Слово	Оригинальный перевод	Новое значение	Предложение с этим словом в новом значении
1	<i>Friend</i>	‘друг’	‘Добавить в друзья в соцсетях’	<i>Add me as a friend on Vkontakte.</i>
2	<i>Like</i>	‘симпатия, нравится’	‘Поставить лайк’	<i>The post received over 1,000 likes on Telegram.</i>
3	<i>Follow</i>	‘следовать’	‘Подписаться на пользователя’	<i>I follow my favorite celebrities.</i>
4	<i>Stream</i>	‘поток воды’	‘Транслировать в реальном времени’	<i>Let's stream the movie on Twitch tonight.</i>
5	<i>Block</i>	‘блок, преграда’	‘Заблокировать в сети’	<i>He blocked me on Telegram.</i>
6	<i>Troll</i>	‘мифологическое существо’	‘Провокатор в интернете’	<i>Stop feeding the troll in the comments.</i>
7	<i>Spam</i>	‘консервированное мясо’	‘Нежелательные сообщения’	<i>My inbox is full of spam emails.</i>
8	<i>Tweet</i>	‘щебет птиц’	‘Сообщение в Twitter’	<i>Her tweet went viral within minutes.</i>
9	<i>Subscribe</i>	‘подписываться’	‘Подписаться на контент’	<i>Don't forget to subscribe to our RuTube channel.</i>
10	<i>Viral</i>	‘связанный с вирусом’	‘Вирусный контент’	<i>This video became viral on various sources.</i>

В Таблице 4 представлены слова, которые образованы двумя основными способами: смешением (*blending*) и сокращением (*clipping*). Например, *vlog* ‘видеоблог’ является результатом объединения слов *video* и *blog*, тогда как *blog* – это сокращение от *weblog*. *Blog*, в свою очередь, появился благодаря сокращению от *weblog* и в данном случае причина не в экономии времени, а в развитии цифровых технологий. В начале 2000-ых годов *weblog* – интернет-журнал с текстовыми статьями. С развитием приложений для общения, блоггинга как явления, где текстовые статьи сменились на видео, старое значение, связанное с журналом, потеряло актуальность. Смешение слов *iPod* и *broadcast* также произошло в начале 2000-ых годов. В данный период *iPod* являлся самым популярным устройством для прослушивания музыки в зарубежных странах. Таким образом, дословный перевод данного слова означает аудио (*broadcast*), предназначенное для прослушивания на *iPod*.

Развитие персонализации и способов выражения эмоций в онлайн стало причиной появления слова *bitmoji*, которое образовалось путем смешения (*blending*) двух элементов: *bit* (обозначение цифрового, связанного с технологией) и *emoji* (графическое изображение эмоций). Пользователи начали стремиться к более индивидуализированным способам выражения эмоций. *Bitmoji* позволили создать графический образ, похожий на реальную внешность пользователя и выражающий его мимику и настроение.

Источниками для поиска материалов в таблице 4 стали видеохостинги, мессенджеры, социальные сети. Слова, представленные в таблице 4, не только демонстрируют процессы языковой адаптации, но и подчеркивают, как технологические бренды и устройства влияют на формирование новых терминов. Эти процессы упрощают язык, делая его более доступным и понятным для широкой аудитории.

Таблица 4. Новые слова путем сокращения/смешения (Blending and Clipping)

№	Слово	Тип словообразования	Перевод	Предложение на английском языке
1	<i>Vlog</i>	Blending: <i>video + blog</i>	‘видеоблог’	<i>She started a travel vlog on Rutube.</i>
2	<i>Blog</i>	Clipping: сокращение от <i>weblog</i>	‘блог’	<i>I read her blog every week for new recipes.</i>
3	<i>Podcast</i>	Blending: <i>iPod + broadcast</i>	‘аудиопередача’	<i>He listens to a history podcast every morning.</i>
4	<i>Emoticon</i>	Blending: <i>emotion + icon</i>	‘смайлик’	<i>She added a cute emoticon to her message.</i>
5	<i>Bitmoji</i>	Blending: <i>bit + emoji</i>	‘персонализированный смайлик’	<i>I created my own Bitmoji for chatting.</i>
6	<i>Snapchat</i>	Blending: <i>snap + chat</i>	‘приложение для обмена фото и видео’	<i>Let’s share the photos on Snapchat.</i>
7	<i>Shoppable</i>	Blending: <i>shop + able</i>	‘возможность покупки прямо из поста’	<i>Instagram now allows shoppable posts.</i>
8	<i>Livestream</i>	Blending: <i>live + stream</i>	‘прямая трансляция’	<i>They hosted a livestream for their product launch.</i>
9	<i>Crowdfunding</i>	Blending: <i>crowd + funding</i>	‘коллективный сбор средств’	<i>The team used crowdfunding to finance their idea.</i>
10	<i>Unfriend</i>	Blending: <i>un + friend</i>	‘удалить из друзей’	<i>I had to unfriend him due to constant negativity.</i>

Заключение. В ходе проведенного исследования была проанализирована трансформация английского языка под влиянием интернета и цифровых технологий. В процессе теоретического анализа были выявлены ключевые процессы словообразования, включая аффиксацию, конверсию, композицию, смешение и сокращение, а также изучены семантические изменения существующих лексических единиц. Материалами для исследования стали 40 лексических единиц, выбранных из разговорной речи в социальных сетях (комментариях, текстовых постах), форумах, видеохостингах с контентом на английском языке. Кроме этого, указанные материалы были так же найдены в информационных и аналитических онлайн-публикациях на английском языке. Слова, выражения и аббревиатуры были систематизированы по способам словообразования. В таблицах представлены переводы и разъяснения значений некоторых слов, так же все 40 единиц введены в авторский контекст для понимания использования данных лексем. Интернет, как глобальная коммуникационная среда, стимулировал появление новых слов и выражений, таких как *clickbait*, *cyberbullying*, *selfie*, *vlog*, а также аббревиатур *LOL* и *YOLO*. Эти явления отражают потребности пользователей в быстрой, удобной и лаконичной передаче информации.

Анализ показал, что использование новых слов и выражений не только обогащает английский язык, но и способствует развитию неофициального и профессионального стилей коммуникации. Появление таких терминов, как *netiquette* и *cloud computing*, подчеркивает важность понимания цифровых реалий для более эффективного взаимодействия в обществе. В то же время тенденции к упрощению структуры предложений, намеренным искажениям орфографии и расширению значений слов свидетельствуют о больших изменениях языка в условиях интернет-коммуникации.

Изучение новых лексических единиц важно для понимания процессов глобализации, культурного обмена и формирования современного информационного общества. Эти слова не только фиксируют изменения в языке, но и отражают развитие технологий и их влияние на жизнь человека. Полученные результаты могут быть

полезны для дальнейших исследований в области интернет-лингвистики, а также для разработки учебных материалов, учитывающих современные тенденции в языке.

Перспективы дальнейшего исследования включают более глубокое изучение региональных особенностей интернет-лексики, анализ взаимодействия цифровой коммуникации с профессиональной терминологией и изучение влияния социальных сетей на нормы письменного и устного языка. Эти направления позволят лучше понять влияние цифровой эпохи на развитие языка, а также его возможные изменения в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. English Lexicology : учебник и практикум для вузов / Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2024. – 196 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие : [16+] / И.В. Арнольд. – 5-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА, 2024. – 376 с.
3. Воронцова И.И. Медиа и язык – эффект отражения / И. И. Воронцова // Образование 4.0: Конкуренция, компетенции, коммуникации и креатив : Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Москва, 01 апреля 2022 года / Редколлегия: А.А. Абаев, А.Г. Голова, Л.А. Часовская, В.Н. Акулинин. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2022. – С. 92–101.
4. Джумашова А. Влияние технологий и интернета на развитие языка / А. Джумашова, Л. Гельдиева // Мировая наука. – 2022. – № 11(68). – С. 159–161. – DOI 10.46566/2541-9285_2022_68_159.
5. Исраилова К.У. Изменение английского языка под воздействием интернета / К.У. Исраилова, С.А. Шериева, А. Нурлан Кызы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-4(97). – С. 105–108. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-10-4-105-108.
6. Костинская Д.С. Интернет-дискурс и его влияние на возникновение новых слов в английском языке / Д.С. Костинская // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация : Материалы VIII Международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 23–24 ноября 2023 года. – Симферополь : ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2023. – С. 83–86.
7. Крылова А.В. Влияние английского языка на интернет-общение / А.В. Крылова, Д.А. Петрушов // Научное и техническое творчество молодежи : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19–20 апреля 2023 года. – Новосибирск : Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2023. – С. 327–331.
8. Лазарева М.В. О влиянии сети Интернет на современный английский язык / М.В. Лазарева, И.Н. Терехин // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2022. – № 4(80). – С. 299–305. – DOI 10.35854/2541-8106-2022-4-299-305.
9. Можейко М.А. Мова сеціва: дискурс байнета и белорусский netspeak / М.А. Можейко // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2022. – № 1. – С. 71–79. – DOI 10.33581/2521-6821-2022-1-71-79.
10. Нижельская Ю.А. Влияние интернета и социальных сетей на английский язык / Ю.А. Нижельская, М.П. Павлова, А.Д. Сухорукова // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 11. – С. 73–76.
11. Полунина Т.С. О некоторых путях обогащения современной финансово-экономической лексики английского языка / Т.С. Полунина, О.Д. Вишнякова // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 4(35). – С. 187–195. – DOI 10.20323/2499_9679_2023_4_35_187.
12. Селейдарян Э.М. Особенности трансформации современного английского языка / Э.М. Селейдарян // Эпомен: филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 144–150.
13. Шумская А.В. Влияние интернет-технологий на современный английский язык / А.В. Шумская, А.А. Никулина // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 2023. – № 4(107). – С. 43–48.
14. Abbas J.M. The impact of technology on modern English language. Al-Iraqia University – College of Arts, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.studocu.com/ph/document/pangasinan-state-university/education/44-the-impact-of-technology-on-modern-english-language/39540413> (дата обращения: 08.01.2025).
15. Kushakova A.V. The nature of the Netspeak phenomenon in the English language / A.V. Kushakova // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы XII Всероссийской студенческой научно-

практической конференции с международным участием. Новосибирск, 01–03 ноября 2023 года. – 2024. – P. 328–330.

16. Mohsin R. Netspeak in English language communication in university academic settings / R. Mohsin, A. Hafeez Malik, M. Sumair Zahid // International Research Journal of Social Sciences and Humanities. – 2024. – 3(2). – P. 48–57.

17. Wahid R. Uses and abuses of Netspeak / R. Wahid, O. Farooq // International Journal of Social Sciences & Educational Studies. – 2022. – № 9 (1). – 53 p.

REFERENCES

1. Antrushina G.B., Afanasyeva O.V., & Morozova N.N. (2024). Leksikologiya angliyskogo yazyka. English Lexicology: uchebnik i praktikum dlya vuzov [Lexicology of the English language. English Lexicology: Textbook and practice manual for universities] (8th ed., revised and expanded). Moscow: Izdatelstvo Yurayt. 196 p. (in Russian).

2. Arnold I.V. (2024). Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: uchebnoe posobie [Lexicology of modern English: Study guide] (5th ed., revised). Moscow: FLINTA. 376 p. (in Russian).

3. Vorontsova I.I. (2022). Media i yazyk – effekt otrazheniya [Media and language – the effect of reflection]. In Abaev A.A., Golova A.G., Chasovskaya L.A., & Akulinin V.N. (Eds.), *Obrazovanie 4.0: Konkurentsiya, kompetentsii, kommunikatsii i kreativ: Sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 01 aprelya 2022 goda* [Education 4.0: Competition, competencies, communication, and creativity: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 1, 2022] (pp. 92–101). Moscow: Russian State University for the Humanities. (in Russian).

4. Dzhumashova A., & Geldieva L. (2022). Vliyanie tekhnologiy i interneta na razvitie yazyka [The influence of technologies and the Internet on language development]. *Mirovaya nauka* [World Science], 11(68), pp. 159–161. https://doi.org/10.46566/2541-9285_2022_68_159 (in Russian).

5. Israilova K.U., Sherieva S.A., & Nurlan Kyzy A. (2024). Izmenenie angliyskogo yazyka pod vozdeystviem interneta [Changes in the English language under the influence of the Internet]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 10-4(97), pp. 105–108. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-4-105-108> (in Russian).

6. Kostinskaya D.S. (2023). Internet-diskurs i ego vliyanie na vozniknovenie novykh slov v angliyskom yazyke [Internet discourse and its influence on the emergence of new words in the English language]. In *Konvergentnyye tekhnologii XXI: variativnost, kombinatorika, kommunikatsiya: Materialy VIII Mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii, Simferopol, 23–24 noyabrya 2023 goda* [Convergent technologies of the 21st century: Variability, combinatorics, communication: Proceedings of the VIII International Interdisciplinary Scientific Conference, Simferopol, November 23–24, 2023]. Simferopol : Vernadsky Crimean Federal University (pp. 83–86) (in Russian).

7. Krylova A.V., & Petrushov D.A. (2023). Vliyanie angliyskogo yazyka na internet-obshchenie [The influence of the English language on internet communication]. *Nauchnoe i tekhnicheskoe tvorchestvo molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 19–20 aprelya 2023 goda* [Scientific and technical creativity of youth: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Novosibirsk, April 19–20, 2023] Novosibirsk: Siberian State University of Telecommunications and Informatics (pp. 327–331) (in Russian).

8. Lazareva M.V., & Terekhin I.N. (2022). O vliyani seti Internet na sovremennyy angliyskiy yazyk [On the influence of the Internet on modern English]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki* [Scientific Notes of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics], 4(80), 299–305. <https://doi.org/10.35854/2541-8106-2022-4-299-305> (in Russian).

9. Mozheyko M.A. (2022). Mova setsyiva: diskurs bayneta i belorusskiy netspeak [Internet language: The discourse of the Belarusian segment of the internet and Belarusian netspeak]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of Belarusian State University. Sociology], 1, pp. 71–79. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-1-71-79> (in Belarusian).

10. Nizhelska Yu.A., Pavlova M.P., & Sukhorukova A.D. (2024). Vliyanie interneta i sotsialnykh setey na angliyskiy yazyk [The influence of the internet and social networks on the English language]. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Person. Society. Community], 11, pp. 73–76 (in Russian).

11. Polunina T.S., & Vishnyakova O.D. (2023). O nekotorykh putyakh obogashcheniya sovremennoy finansovo-ekonomicheskoy leksiki angliyskogo yazyka [On some ways of enriching modern financial and economic English vocabulary]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 4(35), pp. 187–195. https://doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_187 (in Russian).

12. Seleydaryan E. M. (2022). Osobennosti transformatsii sovremennogo angliyskogo yazyka [Features of the transformation of modern English]. Epomen: Filologicheskie nauki [Epomen: Philological Sciences], 1, pp. 144–150 (in Russian).

13. Shumskaya A.V., & Nikulina A.A. (2023). Vliyanie internet-tekhnologiy na sovremennyy angliyskiy yazyk [The influence of internet technologies on modern English]. Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Filologicheskie nauki. Mediakommunikatsii [Bulletin of the Lugansk State Pedagogical University. Series 3. Philological Sciences. Media Communications], 4(107), pp. 43–48 (in Russian).

14. Abbas J.M. (2020). The impact of technology on modern English language. Al-Iraqia University – College of Arts. Retrieved from <https://www.studocu.com/ph/document/pangasinan-state-university/education/44-the-impact-of-technology-on-modern-english-language/39540413> (in English).

15. Kushakova A.V. (2024) The nature of the Netspeak phenomenon in the English language. In Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovacii : materialy' XII Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem [Youth of the 21st century: education, science, innovation : proceedings of the XII All-Russian Student Scientific and Practical Conference with International participation]. P. 328–330 (in English).

16. Mohsin R., Hafeez Malik A., & Sumair Zahid M. (2024). Netspeak in English language communication in university academic settings. International Research Journal of Social Sciences and Humanities, 3(2), 48–57 (in English).

17. Wahid R., & Farooq O. (2022). Uses and abuses of Netspeak. International Journal of Social Sciences & Educational Studies, 9(1), 53 (in English).

Поступила в редакцию 10.01.2025 г.

ENGLISH IN DIGITAL ENVIRONMENT: NEW FORMS AND LEXICAL PROCESSES

E.V. Rusnakova

The article deals with the influence of the Internet and digital technologies on the English language. The major ways of word formation, such as affixation, composition, conversion, abbreviation, and blending are analyzed. Semantic changes in existing words under the influence of online communications are studied. In the course of the analysis of social networks, forums, analytical, and information articles from authentic sources, 40 lexical units have been singled out, including new words and expressions, slang, abbreviations, and terms. A special attention has been paid to such phenomena as Netspeak, the use of abbreviations (*LOL*, *YOLO*), new words (*clickbait*, *selfie*), and the extension of meanings. The material has been arranged according to ways of word formation and has been introduced into the author's context. The conclusions point out to the importance of the Internet vocabulary study for understanding globalization and cultural exchange. The results of the work are relevant for Internet linguistics, and are applicable in the study materials design.

Keywords: digital linguistics, word formation, Netspeak, digital technologies, semantic changes, English.

Руснакова Елизавета Владимировна.

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация.

Старший преподаватель кафедры «Теория и
практика перевода и зарубежная филология».

ORCID 0000-0001-8269-6811.

E-mail: 1995liz@mail.ru.

Rusnakova Elizaveta Vladimirovna.

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian
Federation.

Senior Lecturer at Department of Theory and Practice
of Translation and Foreign Philology.

ORCID 0000-0001-8269-6811.

E-mail: 1995liz@mail.ru.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.14933280

НАРОДНАЯ УРБАНОНИМИКА КАК МАРКЕР «СВОЙ/ЧУЖОЙ» В ЛОКАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ МЕГАПОЛИСА

© 2025 А.С. Христочевская

Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр "Информатика и управление" РАН».

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ORCID: 0009-0004-0587-5794

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе рассматривается народная урбанонимика как один из малоизученных, но значимых критериев успешности социокультурного взаимодействия в локальном виртуальном пространстве. Предложено само понятие народной урбанонимики – как более широкое по сравнению с понятием неофициальной урбанонимики, а также такие понятия, как «гибридные урбанонимы» и «протестные урбанонимы». Исследуются как официальные, так и неформальные, народные урбанонимы московского района Строгино («строгинонимы»), акцентируется внимание на значимости их для самоидентификации горожан – жителей района. Наряду с письменной интернет-речью и устной речью горожан анализируются также материалы из архивных источников. Особое внимание обращается на то, что народная урбанонимика является одним из важных психологических «защитных механизмов» в условиях глобализации и быстрого развития технических средств коммуникации.

Ключевые слова: народная урбанонимика, неофициальная урбанонимика, протестная урбанонимика, гибридная урбанонимика, Строгино не склоняется, локальное сетевое сообщество, самоидентификация, глобализация.

Для цитирования: Христочевская А.С. Народная урбанонимика как маркер «свой/чужой» в локальных сетевых сообществах мегаполиса. / А.С. Христочевская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1 – С. 130–145. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14933280>.

1. Введение

1.1. Термины и определения

Урбанонимика – один из весьма интересных подразделов топонимики, приобретающий особое значение в условиях глобализации, для которой, в частности, характерен довольно быстрый рост городов с концентрацией в них значительной части населения.

В настоящей статье под *урбанонимикой* предлагается понимать не только научную дисциплину, но и *систему* наименований географических объектов внутри того или иного города или его относительно обособленной части (в отличие от *урбанонимии* как совокупности отдельных урбанонимов). Рядом исследователей используется термин *урбанонимический ландшафт*; М.В. Голомидова дает «рабочее определение урбанонимического ландшафта как совокупности собственных имен городских объектов официального и неофициального статуса, сложившихся в рамках одного населенного пункта, вовлеченных в единую систему семиотических связей и отражающих

культурный ландшафт территории» [1, с. 214]. При этом не уточняется размер и статус населенного пункта (это в равной степени может быть и поселок городского типа, и областной центр, и город-миллионник). В рамках настоящей работы рассматривается система урбанонимов, характеризующих отдельный район (округ) в составе крупного мегаполиса как конгломерата отдельных муниципальных образований (округов, районов), и если для города в целом оба термина — *урбанонимический ландшафт* и *урбанонимика* — представляются равноупотребимыми, то для отдельного (обособленного) муниципального образования в составе города предпочтительнее, на наш взгляд, использовать термин *урбанонимика*, определяя его как устойчиво существующую *систему* наименований (урбанонимов), как официальных, так и неофициальных (неформальных).

Под *неофициальными (неформальными) урбанонимами (городскими топонимами)* обычно понимаются «названия городских объектов, которые не входят в официальные земельные регистры, не используются в документации и на картах» [2, с. 30], «некодифицированные номинации, которые являются устойчивыми для определенного периода функционирования языковыми единицами, существующими только в устной речи горожан, применяемые ими в определенных ситуациях речевой коммуникации» [5, с. 88]. В приведенных определениях для нас существенным является указание на то, что такие наименования отсутствуют на картах и употребляются только в устной речи. Понятие *народные урбанонимы* существенно шире: оно включает в себя, помимо неофициальных, также и официальные названия, переосмысленные горожанами, и наименования, «несанкционированно» попавшие на географические карты. Предлагаемый нами термин *народная урбанонимика*, таким образом, можно определить как сформировавшуюся, актуальную на протяжении длительного времени, востребованную жителями определенной городской территории *систему* народных урбанонимов, существующую как в устной, так и в письменной форме (в т.ч. в интернет-речи).

1.2. Актуальность и научная новизна исследования

Очевидно, что первопричиной возникновения и функционирования народных урбанонимов является стремление носителей языка к созданию языковыми средствами психологически комфортного окружающего пространства. Так, исследователи отмечают «важную закономерность: неофициальные названия воспринимаются как "собственность" жителей города, это их собственный внутренний показатель "хозяйского" восприятия городских объектов» [4, с. 219]. Кроме того, в ситуации непосредственного общения использование собеседником таких названий позволяет определить его принадлежность к той или иной социальной группе [4, с. 220]. Однако до сих пор не акцентировалось внимание на том, что в условиях не просто городской среды, а многомиллионного мегаполиса с преобладанием высокообразованного населения народная урбанонимика обретает новое, особое функциональное значение для жителей отдельных районов в составе мегаполиса. Как отмечается, до сих пор «остается нерешенным вопрос о территориальных особенностях систем внутригородских названий, трансляции в них региональной идентичности» [6, с. 202].

Здесь представляется важным рассмотреть следующие аспекты социально-психологических взаимоотношений, выражаемые посредством народной урбанонимики:

- «начальник – подчиненный»: сознательное искажение топонимов (несоблюдение языковых правил) как выражение стремления к обособлению района и как требование уважения к жителям со стороны структур управления городом; сюда же следует отнести и «протестное» именование отдельных объектов;

• «свой – чужой»: использование народных урбанонимов в новой коммуникативной среде – виртуальном пространстве – как способ идентификации участников коммуникации в целях решения тех или иных задач с одновременным обеспечением собственной безопасности в условиях противостояния отдельных социальных групп.

1.3. Материалы и методы исследования

Объектом данного исследования является совокупность урбанонимов г. Москвы. Предметом исследования выбраны народные урбанонимы района Строгино, входящего в Северо-Западный административный округ г. Москвы.

В ходе исследования были проанализированы отдельные публикации сетевого ресурса района Строгино – сайта «Строгино не склоняется!», комментарии пользователей сети Интернет в районных строгинских Телеграм-чатах, архивные данные (в частности, географические карты за период с XVI в. по настоящее время).

Поскольку автор статьи является жителем района Строгино на протяжении последних 45 лет (с момента начала заселения многоэтажных домов, построенных на месте деревни), то одним из основных методов исследования стало сопоставление материалов, полученных в ходе наблюдения за процессом возникновения и функционирования народных урбанонимов, выявление причинно-следственных связей, обобщение результатов анализа.

Цель исследования – на примере московского района Строгино выявить причины, по которым народная урбанонимика оказывается неизменно востребованной в условиях крупнейшего мегаполиса – г. Москвы, и определить ее роль в коммуникативном пространстве сетевых сообществ.

2. Основная часть

2.1. Глобализация и самоидентификация

Невозможно говорить о значимости народной урбанонимики, не сказав ничего о процессе, в условиях которого она проявляется особенно упрямо – о глобализации.

Процесс глобализации исторически происходил на протяжении тысячелетий, поскольку это закономерный путь развития человеческого общества, обусловленный экономическими причинами. Однако в массовый активный словарь термин *глобализация* вошел примерно на рубеже XX–XXI вв. [16]. Это связано с тем, что в условиях бурного роста электронных средств коммуникации и развития технологий, в первую очередь информационных, темпы глобализации стали неизбежно нарастать. Исследователи называют и другие факторы глобализации, в частности, относят к ним формирование глобальных идеологий: например, экологической, правозащитной [7, с. 216]. Это утверждение представляется все же спорным: глобальная идеология является скорее не фактором глобализации, а ее своего рода «побочным продуктом», следствием интенсивного информационного обмена.

М.В. Фомина отмечает, что в научном мире нет единого определения процесса глобализации, мнения варьируют от достаточно консервативных, трактующих глобализацию как систему взаимодействия национальных экономик, до весьма радикальных, утверждающих, что на смену национальным государствам пришли транснациональные корпорации, так что пора уже говорить о *гиперглобализации*. [9, с. 28]. Большинство исследователей справедливо рассматривает глобализацию как процесс стандартизации, унификации, взаимозаменяемости, при этом отмечается, что такая стандартизация невозможна в сфере культурной. Еще в 2004 году, когда глобализация в современном ее виде только набирала обороты, отмечалось [3, с. 43], что в сфере материальной, технологической, экономической происходят объединительные

процессы, в сфере же духовно-культурной жизни усиливается тенденция к национально-религиозной и культурной самобытности.

Сам процесс глобализации довольно противоречив и разнонаправлен, и вполне закономерно, что эти разнонаправленные тенденции получают отражение и в языке: с одной стороны, идет заимствование иноязычных (в основном англоязычных) слов, что связано с приходом на рынок новой техники и с развитием технологий, с другой – не столько язык, сколько определенная часть его носителей стремится как бы отгородиться от такого вторжения. Исторически это противостояние, конечно же, вовсе не ново, достаточно вспомнить хотя бы споры западников и славянофилов (противопоставление прогресса и самобытности). Существуют две непримиримые точки зрения: мы наблюдаем нормальное развитие языка – или же его деградацию, причем до такой степени, что вот-вот станем свидетелями его гибели? Думается все же, сторонники второй версии сами не верят в реальность гибели русского языка, но вполне верят в возможную потерю культурной самобытности, опасаются стандартизации культурного пространства. При этом в само понятие *культурного пространства* не включается пространство хозяйственно-бытовое (т.е. личное, которое человек обычно может контролировать самостоятельно и в котором предпочтителен материальный комфорт), но вполне включается, к примеру, пространство архитектурное, социальное, экологическое, медийное (т.е. общественные пространства, которые не подконтрольны отдельному индивидууму, но крайне важны для его психологического комфорта).

Важно понимать, что глобализация может влиять на адаптацию личности к новым материальным условиям существования, но она не может преодолеть инстинкт самосохранения, выражающийся в данном случае в стремлении объединиться хотя бы с небольшим количеством себе подобных – с целью самозащиты и обеспечения психологического комфорта (в быту это иногда выражается фразой «Против кого дружить будем?»). И именно в народной урбанонимике это стремление к объединению со своими и защите от чужих проявляется весьма отчетливо, способствуя самоидентификации отдельной личности как части некоего пусть небольшого, но надежного и безопасного сообщества, существующего в некоем географически обособленном пространстве. Важно и соотношение пространств друг с другом: так, в мировом масштабе у нас есть потребность осознавать себя гражданами страны, в масштабах страны – жителями того или иного населенного пункта, если же населенный пункт разрастается до масштабов мегаполиса – то жителям этого мегаполиса становится важно осознавать свою принадлежность к тому или иному району, на жизнь которого они теоретически могут влиять, и эта теоретическая возможность создает в сознании индивидуума иллюзию уверенности в безопасном существовании (должно быть, примерно то же самое чувствует кошка, «упаковавшаяся» в небольшую коробку и из нее следящая за тем, что происходит в доме). Собственно, здесь речь идет о региональной ментальности, важной именно для самоидентификации: «свой среди своих», «мой дом – моя крепость». А поскольку ментальность в человеческом сообществе отражается прежде всего в речи, оформляется речью, то и народная урбанонимика соответственно выступает в роли некоей коллективной метки территории: «да, это общественное пространство, но это наше общественное пространство, чужим здесь не место».

2.2. Урбанонимика района Строгино

2.2.1. Официальная урбанонимика. Официальная московская урбанонимика базируется на историко-географическом принципе [12]: многие исторические улицы и площади в пределах Садового кольца сохранили (или же вернули не так давно) свои исторические названия, большая часть которых еще в давние века дана была по

географическому принципу (к примеру, название той или иной заставы, позднее площади, зависело от того, в каком направлении шла начинающаяся от нее дорога). Основная масса улиц за пределами Садового кольца сохранила эту тенденцию и получила свои наименования в зависимости от сторон света. Вместе с тем на западе и северо-западе Москвы сложилась ситуация особая: именно с этой стороны на столицу надвигался враг, и потому многим улицам здесь даны названия по именам героев Великой Отечественной войны.

Названия улиц существуют прежде всего для того, чтобы можно было без труда ориентироваться в городе. Однако часть московских названий способна запутать даже давних горожан: так, в совершенно разных частях столицы находятся ул. Академическая и станция метро «Академическая», Комсомольский проспект и Комсомольская площадь с одноименной станцией метро; название *Ленинградка* заставляет переспрашивать, идет ли речь о проспекте или о шоссе. Есть и откровенно неудачные сочетания, например, улица *Кулакова* и улица Маршала *Катукова* пересекаются под прямым углом, и порой можно услышать вопрос, где здесь улица *Кутакова*.

Проблему представляют собой и ударения, вернее, их отсутствие на картах и на домовых табличках с названиями улиц, а также пренебрежение буквой *ё*. В результате вместо *Хорошёвского* проезда на письме появляется *Хорошевский*, соответственно и в устной речи вместо ударного *ё* возникает ударное же *е*, либо ударение и вовсе перебирается с третьего слога на второй. Примечательно, что в 2023 году автором было зафиксировано сразу три варианта написания этого названия, причем все они одновременно находились на участке улицы длиной около ста метров – на домах с номером 9 (разные строения): *2й Хорошёвский проезд*, *2-й Хорошевский проезд*, *2-й Хорошовский проезд* (причем на одном из этих домов висело даже две таблички – *Хорошёвский* и *Хорошевский*). Не лучше обстоят дела и с *Хорошёво-Мнёвниками*: даже уроженцы этого района нередко произносят его как *Хорошёво-Мневники*, что противоречит словарной норме.

Рисунок 1. Три варианта написания названия 2-го Хорошёвского проезда на трех домах подряд (на втором по счету доме – две таблички, через «ё» и через «е»). Источник: личный архив.

Еще одна систематическая ошибка, зафиксированная в речи в последние годы – это ударение в названии *Неманский проезд*: вместо первого слога его ставят на второй – *Неманский*, что превращает реку Неман (а заодно и знаменитую эскадрилью «Нормандия – Неман») в странное отрицание *не ман, не манский* проезд.

Следует, впрочем, отметить, что такой тип произношения встречается лишь среди тех, кто не живет в районе Строгино (обыкновенно это бывает в телефонных переговорах, касающихся заказа и доставки чего-либо на дом). В конце 2024 года встретилась в устной речи и улица *Таллинская* с ударением на второй слог – *Таллинская*. Кстати, именно эта улица в течение некоторого времени обозначалась как *Таллиннская* в соответствии с требованием Эстонии писать название столицы по-русски с удвоенной *н*, однако затем таблички на домах вновь были заменены на прежние – улица *Таллинская*. Название района и производные от него названия улиц также иногда искажаются в речи тех, кто проживает за пределами района: *Строгино, Строгинский бульвар*. Но если это смещение ударения простительно приедем, то трансформацию улицы Маршала *Мерецкова*, превратившейся однажды в улицу Маршала *Мерецкого*, объяснить можно разве что издержками школьного образования.

Приведенные примеры регулярных речевых ошибок в топонимах относятся как раз к северо-западу Москвы; в частности, улицы Кулакова, Катуква, Таллинская, а также Неманский проезд расположены в районе Строгино.

Всего в районе 16 улиц, из которых три названы именами героев Великой Отечественной войны (улицы Маршалов Катуква, Воробьева, Прошлякова), две – именами поэтов (Исаковского и Твардовского), одна – партийного деятеля (Кулакова), еще три получили названия по географическому принципу (Таллинская, Одинцовская и Неманский проезд), а часть сохраняют память о том, что было на месте района до начала массовой застройки высотными домами (это Строгинский бульвар, Строгинское шоссе, Строгинский мост – в честь деревни Строгино, 1-й и 2-й Лыковские проезды и Лыковская улица – в честь села Троице-Лыково (существующего и ныне в административных границах района Строгино), Туркменский проезд – в наследство от находившейся здесь после революции школы для туркменских детей, Мякининский проезд – по названию деревни Мякинино, расположенной по другую сторону от Московской кольцевой автодороги – МКАД). Есть и еще две улицы, вдоль которых не стоит ни одного дома, поскольку обе они расположены в парке: это аллея «Дорога Жизни» и аллея Генерала Корчагина.

В идеале официальная урбанонимика должна стремиться к тому, чтобы облегчить навигацию по городу. В реальности же так происходит не всегда: помимо уже упомянутых пересекающихся улиц Катуква и Кулакова, в районе Строгино есть еще названия, вызывающие порой затруднения у приезжих. Первая такая пара – это идущие рядом и дважды сходящиеся в одной точке улицы Твардовского и Таллинская: обе начинаются с буквы *Т*, плюс под влиянием Таллинской улица *Твардовского* превращается порой в улицу *Твардовскую*. Аналогичная судьба постигла и улицу *Исаковского*: она периодически оказывается *улицей Исаковской*. Улицы, носящие имена двух поэтов военной поры, у строгинцев не вызывают затруднений ни в произношении, ни в ориентации в пространстве, но гостям района иногда удается их перепутать, тем более что они как бы обрамляют район с двух противоположных сторон.

2.2.2. Линейная народная урбанонимика: неформальные имена улиц. Особенность народной урбанонимики состоит в том, что в навигации она играет сразу две роли, причем противоположных: одна – помочь сориентироваться своим, вторая – дезориентировать чужих. Как в официальных, так и в неформальных именах

строгинских улиц вторая тенденция практически отсутствует. Так, названия улиц, оканчивающиеся на *-ского*, в обиходе укорачиваются на один слог и обретают традиционную для Москвы форму – *Исаковка*, *Твардовка* (Г.П. Смолицкая и М.В. Горбаневский еще в 1982 году отмечали, что эта форма топонимов в Москве стала непродуктивной, но в речи она по-прежнему встречается [8]).

С «ходовыми» названиями на *-ский*, *-ская*, *-ское* (Неманский проезд, Строгинский бульвар, ул. Таллинская), равно как и на *-ова* (улицы Кулакова, Катукова), такого преобразования не происходит, но в повседневной речи от них остается только имя собственное, видовой же признак – улица, проезд, бульвар – не используется вообще (несмотря на то, что бульвар в районе Строгино всего один, и на этом основании он мог бы так и именоваться в речи – *бульвар*, однако же строгинцы предпочитают говорить не *на бульваре*, а *на Строгинском*). Строгинское шоссе, ведущее через мост на другой берег, чаще именуется *дорога к мосту*, сам мост на Щукинскую сторону – *Щукинский мост* или же просто *мост*, официальное название *Строгинский мост* употребляется реже. Связано это в том числе и с тем, что до постройки этого моста в начале 1980-х добраться до «большой земли» можно было через другой мост – Тушинский, по которому проходит Московская кольцевая автодорога (МКАД). Затем был выстроен мост в сторону Щукинской, соответственно, для строгинцев он стал Щукинским (районы Щукино и Тушино обыкновенно именуется в женском роде – по названиям станций метро, и нередко сокращаются в устной речи до *Щуки* и *Тушки*). Следует заметить, что аббревиатура МКАД (разговорный вариант – *МКАДа*, ж.р.) практически вытеснила бытовавшее прежде краткое общеупотребительное – *кольцевая*, по которому обычно распознается старый строгинец и вообще старый москвич.

Название самой короткой строгинской улицы – *Мякининский проезд* – образовано от названия подмосковной деревни Мякинино: проезд ведет к МКАД, за которой практически сразу и начинается Мякинино. Однако долгое время он был безымянным, а поскольку именно на нем расположена пожарная часть, то в речи он продолжает именоваться *Пожарным* проездом или же еще проще – *у пожарки*, или *это где пожарка*. В произношении *Пожарный* и короче, и фонетически стройнее, чем *Мякининский* (автору однажды довелось видеть на автобусной табличке пример языковой экономии – *дер. Мякино*).

Расположенный на другом берегу *Москва-реки* (эта старомосковская форма названия с несклоняемой первой частью используется строгинцами, хотя и далеко не всеми) ровный участок земли сейчас все чаще именуется *аэрополем*. Это название – принципиально чуждое для москвичей вообще и строгинцев в частности. Долгие годы там находился Центральный аэроклуб им. В.П. Чкалова, и территория его именовалась *аэродромом* либо *летным полем* (*Тушинским летным полем*). К началу 2025 года практически вся территория поля уже застроена жилыми комплексами. Новый жилой район по неясным причинам не так давно сменил официальное имя *Тушино* на официальное же имя *Покровское-Стрешнево* (что внесло некоторую путаницу, т.к. неподалеку есть парк с названием Покровское-Стрешнево), неофициально же новые жители зовут свой район *аэрополем*. Эта версия названия никак не поддерживается строгинцами, более того, именование бывшего аэродрома аэрополем сразу выдает в говорящем жителя тушинского берега.

2.2.3. Точечная (адресная) народная урбанонимика. Один из важных «разделов» народной урбанонимики – названия, которыми местные жители обозначают то или иное строение или небольшое пространство. Исследователи [2, с. 29] говорят о *микроурбанонимах*, однако термин *точечная урбанонимика* представляется более

подходящим, поскольку в реальности каждый такой объект имеет собственные координаты – это именно конкретная точка на карте. Существует классификация микроурбанонимов (точечных урбанонимов) по функциональному признаку: это *индексальная* функция (выделение объекта из ряда подобных ему однотипных), *информативная* (указание адреса, ориентирование в городском пространстве) и *социативная* (речевое воздействие на социальные отношения между участниками коммуникации).

Примером индексальной функции может служить строгинский урбаноним *двухэтажка*: несмотря на большое количество двухэтажных строений, предназначенных для размещения магазинов, службы быта, аптек, именно *двухэтажкой* именовался вполне определенный магазин на Строгинском бульваре: нижний его этаж занимал универсам (продуктовый магазин), верхний, второй, этаж был отведен под универмаг (магазин промтоваров). Прочие двухэтажные строения обыкновенно получали названия по тому объекту, который был в них наиболее популярен: это *фотография* (она же *шиномонтаж*), *ремонт квартир*, *прачечная* и др.

Из «магазинных» точечных урбанонимов следует отметить *универсам* (именно этот, на Катукова, д. 18, был вначале единственным, поэтому уточнений не требовалось), он же *на горке* (по расположению на возвышении по отношению к улице), он же *тридцать шестой* (прежде все универсамы имели свои номера, но почему-то по номеру называли только один из них).

Еще один магазин старые строгинцы знают под именем *мясорыба* или *мясорыбка* (авторское название, по образцу *мясорубки*): в советском прошлом он официально назывался «Мясо-рыба», в 1990-е годы в народе это трансформировалось в название «*Ни рыбы ни мяса*». В течение длительного времени в нем располагался универсам с названием «*Первый*», и сейчас, как ни жаль, именно оно в обиходе употребляется чаще, чем «*Мясорыбка*».

Овощной (прежде «Овощи-фрукты»; к сожалению, сейчас это народное название уступило место официальному наименованию сетевого продуктового магазина, поселившегося в этом здании, – Spar).

Камертон (по названию техцентра по ремонту музыкальных инструментов; это имя после ликвидации техцентра еще долго сохранялось за строением, поскольку остановка общественного транспорта была переименована далеко не сразу); продуктовый магазин в соседнем здании тоже звался *Камертоном*, или же говорили – *на въезде*, имея в виду, что эти дома действительно были действительно первыми после моста.

Первый дом, отличавшийся по цвету от светлых строгинских домов, был выстроен из коричневатых панелей, похожих по цвету на кирпич, в конце 1980-х, на первом его этаже открылась булочная-пекарня, это было событие, потому и булочная, и сам дом стали называться общепонятным именем *коричневый дом*, параллельно в другой части Строгино для него существовало название *шоколадка*.

Аптек в районе было довольно мало, долгое время их количество не превышало трех, самая старая получила имя «*Аптека на Неманском*», вторая – в отдельном двухэтажном строении – «*Напротив универсама*»).

Старая пристань (название понятно тем, кто застал ее работающей, в настоящее время причала на этом месте не существует) и *памятник* (obelisk односельчанам, не вернувшимся с войны) расположены в парке между *Москва-рекой* и *Исаковкой*. Здесь стоит сказать еще о некоторой путанице, происходящей от незнания многими точного значения слов. Часть парка – низкий берег, это бывшие заливные пойменные луга, далее

по течению берег повышается, переходит в обрыв. В разговорной речи в последнее время весь берег зачастую именуют поймой, что неверно по смыслу. Верным следует считать деление на *Кировскую пойму* (или просто *Кировскую*) и *высокий берег*. Есть еще и другая пойма – сейчас на ее месте находится Большой Строгинский залив (официально именуемый сейчас *затоном*, однако в речи он по-прежнему *залив*). Эта местность называется *Строгинской поймой*, однако в речи слово *Строгинская* обычно опускается: строгинским жителям понятны различия между *поймой* и *Кировской поймой*.

Еще один объект в парке – это аллея «Дорога Жизни»: из-за длинного названия и соседства в нем слов *аллея* и *дорога* ее часто именуют *Аллея Жизни*. Пока что не устоялось окончательно название холма, на котором произрастают краснокнижные гвоздики: это и *Красная горка*, и *Краснокнижная горка*, и *Строгинская горка*, и просто *горка*. Название *Лысая гора* не прижилось: так именуется горка на другом, шукинском берегу реки (она же по названию ближайшей улицы зовется *Живописной горкой*). Из знаковых мест, имеющих собственное неофициальное название, следует отметить еще *Три тополя* [20].

Практически вышло из употребления название местности – *карьеры*, их заменило обозначение *Промзона*, хотя географически это не вполне верно: на месте прежних песчаных карьеров выстроено еще и трамвайное депо, и жилые дома.

Все перечисленные урбанонимы выполняют как индексальную функцию, так и информативную. Сочетание же информативной и социативной функций наиболее отчетливо видно на примере еще двух строгинских объектов: это *танк* и *кишлак*.

Танк в действительности является самоходной установкой – СУ-100. Именно так эта боевая машина, ставшая в середине 1990-х памятником, именуется на картах. Но если попробовать назначить встречу строгинцу у самоходки, он, скорее всего, вас просто не поймет. Зато *танк*, повернутый дулом в сторону всех приезжающих с Шукинской стороны, понятен всем.

Кишлаком же именуется – вернее, именовался – кинотеатр «Таджикистан». Когда он только строился, планировалось дать ему имя «Строгино», и существуют первые билеты, отпечатанные с этим названием, но открылся он в 1982-м, в год 60-летия СССР, и название «Таджикистан» досталось ему от другого кинотеатра в другой части Москвы, закрывавшегося на ремонт. Надпись на фасаде была стилизована под арабскую вязь, но выговаривать длинное название было неудобно, и оно быстро трансформировалось в «*Таджик*», с ударением на первый слог. *Кишлаком* же стали называть его уже в 1990-е, когда кинотеатр перестал существовать, а вместо этого в здании функционировал стихийный рыночек – торговля с рук, с ящичков, со столиков, и слово *кишлак* оказалось и связанным с названием кинотеатра, и подходящим по смыслу, и удачным даже фонетически, поскольку вызывало стойкие ассоциации с *кишмя кишеть*. Несколько лет тому назад здание было снесено, на этом месте выстроен новый современный культурно-досуговый центр, получивший название «Строгино». Несмотря на то, что новое здание построено явно в стилистике прежнего, преемственности ни в функционале, ни даже в названии не случилось: его называют просто *КДЦ*, не прибавляя к нему слово *Строгино*. С учетом того, что в новом КДЦ установлен очень строгий пропускной режим, можно констатировать, что для строгинцев это большое современное здание оказалось чужим, недостойным даже отдельного «строгинонима».

2.2.4. Протестная народная урбанонимика. Есть несколько урбанонимов, с которыми «строгинский язык» активно борется. Прежде всего это *набережная*: так в официальных документах неверно, но умышленно называют *естественный берег* реки, несмотря на то что набережная как инженерное сооружение на нем отсутствует.

Соппротивление же происходит от опасения, что в скором времени из естественной береговой линии действительно сделают набережную, и потому в речи этого слова стараются избегать, «чтоб не накликасть». *На берег* или *к реке* – говорят так. Слово *набережная* выдает чужого.

Также вызывает сопротивление деление яблоневого сада на две части: *плодовый сад* и *яблоневый сад*. Этот вариант поддерживается управой района, однако исторически это неверно: это был один огромный экспериментальный сад, заложенный еще в конце 1930-х, с включением же в 1960 году территории в состав Москвы и строительством Кольцевой автодороги часть сада отошла Московской области и была тогда же вырублена, в пределах же Москвы он оказался разрезан надвое проезжей частью. Сад представляет собой историческую ценность [13], он любим жителями за бурное майское цветение, и строгинцы активно избегают слова *парк* применительно к саду. Замену же официального названия *Плодовый сад* на неофициальное *Яблоневый сад* невозможно отнести к *неофициальной* урбанонимике, ибо одним из ее признаков является отсутствие на карте неофициального названия. Сад же, изначально называвшийся Яблоневым и вдруг на несколько лет изменивший название на Плодовый, вновь появился на карте как Яблоневый вследствие обращения жителей в компанию «Яндекс»; следом изменения появились и на гугл-картах. На части других карт остается старое название, но они и не пользуются такой популярностью. Есть некоторое неудобство: не всегда сразу ясно, о какой части сада идет речь, – тем не менее одинаковое название для обеих частей сада является символом физического сохранения сада вообще и как единого целого в частности.

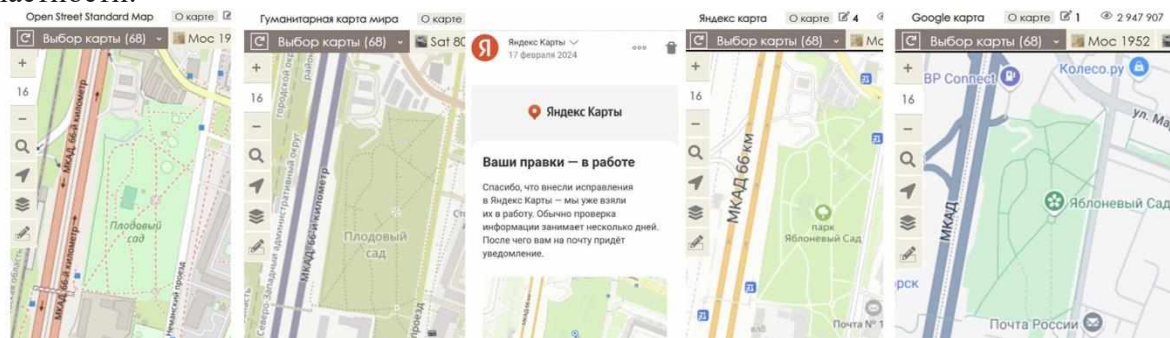

Рисунок 2. Фрагменты карт (по состоянию на январь 2025); фрагмент ответа Яндекс-поддержки на обращение об изменении наименования (февраль 2024). Источники: getromap.ru [17], личный архив.

Коллаж: © А.С. Христочевская, 2025.

2.2.5. Гибридная народная урбанонимика. Как показывает практика, носители языка, как правило, уверены, что родной язык они знают в совершенстве (во всяком случае, устный), и полагают себя порой не просто знатоками, но экспертами, возводящими привычку в абсолют. Если же оказывается, что привычка не совпадает с общепринятыми правилами орфографии, орфоэпии и проч., это во многих случаях порождает недоверие к разъяснениям специалистов-филологов, которые «портят язык». Один из показательных примеров – споры о склонении или несклонении географических названий.

Так, географические названия на *-ово*, *-ево*, *-ино*, *-ыно*, употребляемые без родового слова, надлежит склонять. Однако в живой разговорной речи, да уже и нередко в письменной, в т.ч. в текстах, публикуемых в СМИ, такие названия не склоняются. Современная тенденция к несклонению уже считается допустимой в разговорной речи [11]. По всей видимости, впоследствии несклонение может стать нормой. Один из примеров такого принципиального несклонения – название района: Строгино.

Можно выделить несколько причин несклонения именно этого названия:

1. Часть носителей языка уверена, что несклонение является нормой, и объясняет это тем, что якобы их так учили в школе. Возможно, это следствие того, что и другие вокруг говорят точно так же, а может быть, такое мнение сложилось под влиянием мультфильма советского времени – «Каникулы в Простоквашино». При этом отсылки к словарям, объяснения, приведение общеизвестных примеров вроде «Недаром помнит вся Россия про день Бородина» вызывают стойкую ответную реакцию – что это «филологи портят язык».

2. Другая часть носителей языка в принципе знает, что название на *-ино* должно склоняться, но не распространяет это правило на названия с ударным конечным *о*, такие как *Строгино, Косино, Бородино*. «День Бородина» воспринимается как архаизм либо как поэтическая вольность. При этом склонение названий с ударением не на последний слог оказывается вполне терпимым (*в Митине, в Митино*, но – только *в Простоквашино*, это название привычно не склоняется благодаря мультфильму «Каникулы в Простоквашино»).

3. Третья часть знает правило, но не склоняет принципиально, мотивируя это тем, что настоящие строгинцы никогда не склоняют название своего района («я знаю, как надо, но мне это поперек души»).

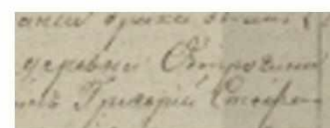
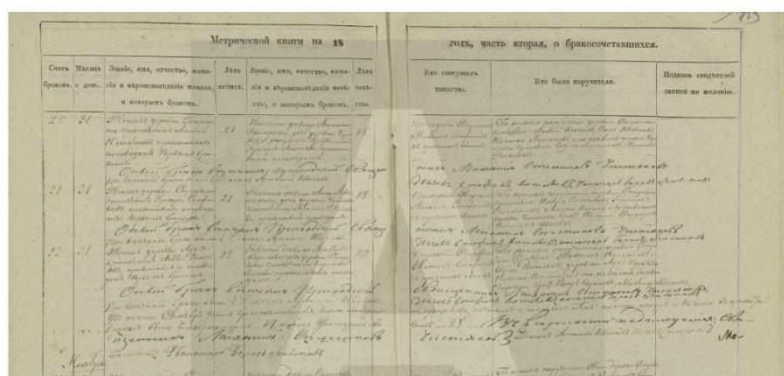
В целом же большая часть жителей района название Строгино не склоняет, и попытки переубедить их, доказать со словарями в руках, что оно должно склоняться, бесперспективны изначально: это вызывает лишь отторжение. Те, кто склоняет, оказываются в меньшинстве. Показателен здесь вопрос, поступивший в Справочную службу Грамоты.ру: «Добрый день! Я живу в СЗАО, в районе Строгино. Давным-давно привыкла склонять это имя собственное. Кроме меня этого не делает никто абсолютно, смеются, говорят, что это глупость. Я человек грамотный, да и образование у меня лингвистическое. Скажите, пожалуйста, ведь я права? Спасибо!» [18].

Такое явление можно классифицировать как *гибридную урбанонимику*: когда официальное название не заменяют другим, но обращаются с ним по-своему, и более того, такое неправильное употребление становится маркером, по которому собеседника относят к своим, проверенным, надежным – или же к чужим, которым не стоит доверять.

На этом принципе сознательного несклонения основана игра слов, ставшая названием для районного неофициального сайта «Строгино не склоняется!» (полностью оно звучит как «Строгино не склоняется и не сдаётся!»). Безусловно, название выглядит рискованно с точки зрения распространения варианта, не соответствующего строгой литературной норме, и это при том, что одной из целей сетевого ресурса является ненавязчивое ведение просветительской работы. Именно поэтому на сайте размещены материалы о том, что название его – это языковая игра и что существующие в языке правила никто не отменял [11, 19].

Представляется важным сказать также и о том, откуда возникло само название Строгино. На официальном сайте муниципального образования Строгино приведена информация о том, что селение под названием Острогино впервые упоминается в летописях в 1570 году [14]. Одна из версий происхождения названия гласит, что оно образовано от слова *острога* – специальная пика, при помощи которой крестьяне ловили рыбу в Москве-реке; в этом случае можно предположить, что ударение изначально падало на последний слог: *острога* – *Острогино*. Существует также версия, согласно которой деревня находилась на месте крепости – это *острог*. В пользу этой версии говорит расположение ее на высоком берегу. В этом случае, скорее всего, ударение падало на второй слог: *острог* – *Острогино*. Однако и та, и другая версия – лишь предположения.

На старых картах [17] можно найти разные варианты написания: д. *Строгино* (1766), *Острогина* (1766, другая карта), д. *Вострогина* (1790), с. *Страгино* (1823), с. *Строгино* (1823, другая карта), *Строгино* (1850, 1856 и 1878), д. *Строгино* (1852). Любопытно, что в метрических книгах за 1848 год название деревни указано – д. *Острогина* [15]. Перечисленные варианты не дают ответа на вопрос, где располагалось ударение. Однако следует заметить, что названия, нанесенные на карту, зависели в немалой степени от картографа и не всегда могли соответствовать действительности. Так, в 1823 году Строгино (или Страгино?) никак не могло быть селом, поскольку известно, что церковь Параскевы Пятницы сгорела в Смутное время и восстановлена не была, а значит, Строгино не могло иметь статус села, а могло быть лишь деревней.

1848
Метрические книги
деревни Острогино

Источники:
retromap.ru, Яндекс-архивы
2025

Рисунок 3. Название деревни на картах разных лет (1766, 1790, 1823, 1852) и в метрической книге (1848). Источники: retromap.ru [17], Яндекс-архивы [15]. Коллаж: © А.С. Христочевская, 2025

Строгино имеет еще одно неофициальное, но довольно торжественное название – *Белый остров Москвы*. Вряд ли следует причислять его к урбанонимам, поскольку словосочетание это редко употребляется в ситуации живой речи, тем не менее оно как раз информативно, поскольку в довольно короткой формулировке отражено главное: дома в Строгино преимущественно белого цвета, а Москва-река фактически окружает район с трех сторон, так что район можно условно считать расположенным на полуострове. Название *Белый остров* оказывается в некотором роде поэтическим преувеличением и служит скорее для выражения «национальной гордости» строгинцев.

3. Заключение. Народная урбанонимика в интернет-дискурсе

С одной стороны, народную урбанонимику можно было бы считать просто игрой, позволяющей заодно экономить языковые средства. Однако такой подход не учитывает ряд довольно важных факторов.

Как уже говорилось ранее, стремление классифицировать собеседников по признаку «свой/чужой» базируется на инстинкте самосохранения. Оно создает иллюзию собственной безопасности (что не лишено оснований: вряд ли другой человек, солидарный с тобой в отношении к району, в котором он проживает и за который переживает, станет сознательно вредить тебе). В условиях современного цивилизованного мегаполиса это, как ни парадоксально, остается актуальным, и чем быстрее идет развитие средств виртуальной коммуникации, тем актуальнее становится и проблема. Обусловлено это тем, что в сетевые сообщества граждане объединяются по признаку общности интересов, а таким интересом может быть не только домашнее хозяйство, воспитание детей, проблемы образования и т.п., но и участие в общественной жизни: в частности, в локальных сетевых сообществах могут обсуждаться проблемы, связанные с функционированием жилищно-коммунальных служб, с благоустройством. К сожалению, именно в этой сфере и наблюдается сильное несоответствие между интересами жителей и представителями структур городского управления, в частности департаментов, ответственных за проведение работ по благоустройству. И именно поэтому становится важным знать, что в данном конкретном интернет-сообществе находятся только свои, то есть те, кто разделяет твою точку зрения и с кем можно обсудить те или иные действия и перспективы. Разумеется, речь не идет о каких-либо противозаконных действиях, призывах, пропаганде и т.п., подобные сообщения априори считаются провокационными и безжалостно удаляются администраторами групп и каналов.

Распознавание «свой/чужой» во многом идет благодаря словоупотреблению. Как правило, не знакомые еще друг с другом собеседники пытаются выяснить, кто из них давнее живет в районе. Иногда это спрашивается прямо, иногда же целям понимания служит анализ речи собеседника: упоминание им тех или иных народных урбанонимов позволяет судить о том, в какой части Строгино он живет и как долго, а из этого уже делается вывод, разделяет ли человек твою систему ценностей, можно ли найти с ним общий язык.

Что же касается склонения или несклонения названия района, то следует признать удачным название «Строгино не склоняется!», прежде всего потому, что по названию сразу можно определить тематику и целевую аудиторию: строгинский ресурс для строгинцев. Как уже упоминалось ранее [10, с. 872], логичное и четкое информирование имеет огромное значение для навигации в сети Интернет, это является частью информационной культуры, и в данном случае одним своим названием ресурс уже сразу, еще до перехода к нему, информирует потенциальных читателей о типе контента. К тому же это несколько провокационное название выполняет еще одну полезную функцию, а именно привлечение читателей: оно обыкновенно выводится в результатах поисковой выдачи в ответ на частые пользовательские запросы вида «склоняется ли Строгино», что повышает вероятность просмотра его новыми посетителями и выводит на более высокие позиции в поисковой выдаче.

Подводя итоги сказанному, можно выделить несколько причин, по которым народная урбанонимика имеет столь важное значение для локальных сетевых сообществ в условиях мегаполиса.

Первая причина – это необходимость распознавания принадлежности собеседника к кругу «своих» или «чужих». Поскольку сетевое общение носит виртуальный характер и далеко не всегда его участники знакомы друг с другом в реальности, то каждая из сторон коммуникации может создавать в сети собственный образ, не имеющий порой ничего общего с действительностью. В этих условиях становится важным понять, кто перед тобой, тот ли он, за кого себя выдает, а это становится возможным только путем анализа речи собеседника. По сути, нахождение точек соприкосновения во многом

определяется тем, насколько собеседники говорят на одном языке, в том числе и упоминают те или иные знаковые для Строгино места.

Вторая причина – народные урбанонимы (особенно точечные) служат навигации по району, причем двумя способами: для своих предполагается упрощение навигации (вместо точного адреса достаточно упомянуть некий известный обоим объект в окрестностях этого адреса), для чужих же навигация тем самым должна быть затруднена. Таким образом, народная урбанонимика представляет собой элементы некоего «тайного языка», удобного для общения.

Третья причина – осознание себя все же не только частью районного сообщества, но и неотъемлемой частью сообщества следующего уровня – общегородского, общемосковского. Тому способствует в том числе и соблюдение старомосковских принципов формирования названий улиц, и старомосковское имя реки.

Четвертая причина, пожалуй, лежит уже скорее в области психологии, чем языка: это проявления «бытовой дедовщины», то есть установление иерархии в общении в зависимости от длительности проживания в районе.

Наконец, пятая причина – чисто языковая: это привычное тяготение языка к краткости, соответствующее общезыковой тенденции. С точки зрения языка следовало бы эту причину поставить на первое место, но в случае со «строгинонимами» она далеко не главная: для района, осознающего себя островом, важнее всего ощущение сплоченности, особенно если его можно выразить языковыми средствами.

Таким образом, можно констатировать, что народная урбанонимика, помимо реализации потребности человека в языковой игре, имеет важное социальное значение, поскольку выполняет еще и практическую функцию обеспечения комфорта проживания в той или иной местности и комфорта коммуницирования с окружающим сообществом. Дальнейшее целенаправленное изучение народной урбанонимики в перспективе может помочь лучшему пониманию регионального менталитета, а это, в свою очередь, будет способствовать грамотному выстраиванию диалога как «по вертикали» («власть/народ»), так и «по горизонтали» («свой среди своих»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голомидова, М. В. Актуальные вопросы изучения урбанонимических ландшафтов / М. В. Голомидова // Ономастика Поволжья : Материалы XXII Международной научной конференции, Саратов, 26–29 сентября 2024 года. – Саратов: Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 2024. – С. 211–216. – EDN RXPVAU.
2. Жуков А.Е. Понятие о неофициальной урбанонимии / А.Е. Жуков, В.И. Теркулов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 4. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. – С. 29–31.
3. Журавлев В.В. Глобализация: вызовы истории и ответы теории / В.В. Журавлев // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 43–46.
4. Клименко Е.Н. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте / Е.Н. Клименко, М.Э. Рут // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 210–222. – DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022.
5. Королева И.А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение / И.А. Королева // Социолингвистика. – 2022. – № 3(11). – С. 86–94. – DOI 10.37892/2713-2951-3-11-86-94. – EDN MPDWOQ.
6. Разумов, Р. В. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 201–219. – DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. – EDN XCHZVS.

7. Селезнев Ю.В. Дискурс «глобализации» в отношении истории Монгольской империи и Золотой Орды / Ю.В. Селезнев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 211–229. – DOI 10.21638/spbu13.2022.204.
8. Смолицкая Г.П. Топонимия Москвы / Г.П. Смолицкая, М.В. Горбаневский. – М.: Наука, 1982. – 176 с.
9. Фомина М.В. Теория глобализации: история, концепции, школы / М.В. Фомина // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – Т. 6, № 12А. – С. 26–36.
10. Христочевская А.С. Понятие «сетевой информационный ресурс» как часть системы массовой коммуникации / А.С. Христочевская // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 23 мая 2024 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2024. – С. 871–877.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Вообще-то Строгино склоняется... Но в частности – нет! [Электронный ресурс] / Строгино не склоняется. – Режим доступа: <https://strogino1979.ru/voobshhe-to-strogino-sklonjaetsja-no-v-chastnosti-net/> (дата обращения: 08.01.2025)
12. География, история и расчет: как московские улицы получают названия [Электронный ресурс] / Официальный сайт Правительства Москвы. – Режим доступа: (<https://www.mos.ru/news/item/98966073/>) (дата обращения: 18.12.2024)
13. Загадка Яблоневого сада [Электронный ресурс] / Строгино не склоняется. – Режим доступа: <https://strogino1979.ru/zagadka-jablonevogo-sada/> (дата обращения: 08.01.2025)
14. История Строгино. [Электронный ресурс] / Официальный сайт органов местного самоуправления муниципального округа Строгино. – Режим доступа: https://xn--c1akpbdhgi.xn--p1ai/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD%D0%B0.html (дата обращения: 10.01.2025)
15. Метрические книги Московской губернии, 1848 год [Электронный ресурс] / Яндекс-архивы. – Режим доступа: https://yandex.ru/archive/search?text=%D0%9E%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BE&is_digitized=0&updateDate=0&index=archive (дата обращения: 10.01.2025)
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/results?search=C14qLgoICAAQChyIAoQBSAAKISr/rWY5HEyCWdyY3JLYXRIZEAFagQwLjk1eACgAQEyAggBOgEBOiUKIwohCgNyZXESGgoY0LPQu9C%2B0LHQsNC70LjQt9Cw0YbQuNGP> (дата обращения: 19.12.2024)
17. Портал retromap.ru [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://retromap.ru/> (дата обращения: 10.01.2025)
18. Справочная служба Грамоты.ру, ответ № 272293 [Электронный ресурс] / Грамота.ру. – Режим доступа: <https://gramota.ru/spravka/vopros/272293#question> (дата обращения: 10.01.2025)
19. Строгино: название склоняется, район – нет! [Электронный ресурс] / Строгино не склоняется. – Режим доступа: <https://strogino1979.ru/strogino-nazvanie-sklonjaetsja-rajon-net/> (дата обращения: 08.01.2025)
20. Три тополя [Электронный ресурс] / Строгино не склоняется. – Режим доступа: <https://strogino1979.ru/tri-topolja-v-strogino/> (дата обращения 17.12.2024)

REFERENCES

1. Golomidova M.V. (2024). Aktualnye voprosy izucheniya urbanonimicheskikh landshaftov [Current issues in the study of urbanonymic landscapes]. Saratov: Saratov State Medical University named after. V.I. Razumovsky, 211-216. (In Russian).
2. Zhukov A.E., & Terkulov V.I. (2017) Ponjatie o neoficialnoj urbanonimii [The concept of informal urbanonymy]. Donetsk: Donetsk National University, 4, 29–31. (In Russian).
3. Zhuravlev V.V. (2004) Globalizacija: vyzovy istorii i otvety teorii [Globalization: challenges of history and answers of theory] Knowledge. Understanding. Ability, 1, 43–46 (In Russian).
4. Klimenko E.N., & Root E.M. (2018). Neoficialnye urbanonimy Ekaterinburga v sociolingvističeskom aspekte [Unofficial urbanonyms of Yekaterinburg in the sociolinguistic aspect]. Questions of onomastics, 15 (2), 210–222. DOI 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022. (In Russian).
5. Koroleva I.A. (2022). Neoficialnye toponimy v jazyke sovremennogo goroda i ih izučenie [Unofficial toponyms in the language of a modern city and their study]. Sociolinguistics. 3 (11), 86–94. – DOI 10.37892/2713-2951-3-11-86-94. (In Russian).

6. Razumov R. V., & Goryaev S.O. (2020). Transljacija regionalnoj identichnosti v urbanonimii rossijskih gorodov sovremennoe sostojanie [Translation of regional identity in the urbanonymy of Russian cities: current state] / Questions of onomastics, 2 (17), 201–219. – DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.024. (In Russian).
7. Seleznev Yu.V. (2022). Diskurs globalizacii v otnoshenii istorii mongolskoj imperii i zolotoj ordy [The discourse of "globalization" in relation to the history of the Mongolian Empire and the Golden Horde]. Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies, 14 (2), 211–229. DOI 10.21638/spbu13.2022.204. (In Russian).
8. Smolitskaya G.P., & Gorbanevsky M.V. (1982). Toponimija Moskvy [Toponymy of Moscow]. Moscow, 176 p. Retrieved from: <http://genling.ru/books/item/f00/s00/z0000013/st019.shtml> (In Russian).
9. Fomina M.V. (2016). Teorija globalizacii: istorija, koncepcii, shkoly [Theory of globalization: history, concepts, schools] / Economics: yesterday, today, tomorrow, 6 (12A), 26–36 (In Russian).
10. Christochevskaya A.S. (2024). Ponjatie setевой informacionnyj resurs kak chast sistemy massovoj kommunikacii [The concept of a "network information resource" as part of a mass communication system]. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 871–877 (In Russian).

Поступила в редакцию 13.01.2025

FOLK URBANONYMY AS "FRIEND / FOE" MARKER IN METROPOLIS LOCAL NETWORK COMMUNITIES

A.S. Christochevskaya

The paper considers folk urbanonymy as one of the understudied, but significant criteria for the success of socio-cultural interaction in the local virtual space. The concept of folk urbanonymy is introduced, which is broader than the concept of informal urbanonymy, as well as the concepts of hybrid urbanonyms and protest urbanonyms. Both official and informal or folk urbanonyms of the Moscow Strogino district ("stroginonyms") are studied. The focused is made on their importance for the district residents' self-identification. Alongside the written Internet speech and the citizens' oral speech, materials from archival sources are also analyzed. A special attention is paid to the fact that folk urbanonymy is one of the important psychological "defense mechanisms" in the context of globalization and the rapid development of technical means of communication.

Keywords: folk urbanonymy, unofficial urbanonymy, protest urbanonymy, hybrid urbanonymy, local network community, self-identification, globalization.

Христочевская Анна Сергеевна.

Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» Российской академии
наук, г. Москва, Российская Федерация.
Научный сотрудник.
Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация.
Магистрант.
ORCID 0009-0004-0587-5794.
E-mail: anna.inform.13@gmail.com

Christochevskaya Anna Sergeevna.

Federal Research Center "Computer Science and
Control" of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
Researcher.
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow,
Russian Federation.
Master's degree student.
ORCID 0009-0004-0587-5794.
E-mail: anna.inform.13@gmail.com

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.5281/zenodo.14934698

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ГРУППАХ: ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И ОТНОШЕНИЯ В ПОДГРУППАХ

© 2025 А.В. Сидоренков

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ORCID 0000-0003-0554-3103

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В работе изучается связь численного состава неформальных подгрупп, возникающих в производственных группах, с некоторыми феноменами отношений (межличностное и микрогрупповое доверие, межличностная и микрогрупповая идентичность, межличностный и микрогрупповой конфликт) внутри этих подгрупп, а также делается сравнительный анализ степени выраженности соответствующих феноменов отношений в неформальных диадах и более многочисленных подгруппах. Используются данные двух эмпирических исследований на разных выборках производственных групп (N=37 и N=42), в которых обнаружено 65 и 71 неформальных подгрупп, соответственно. Численный состав неформальных подгрупп значимо положительно связан с межличностным доверием и межличностной идентичностью, микрогрупповым доверием и микрогрупповой идентичностью, но значимо не связан с межличностным и микрогрупповым конфликтом внутри подгрупп. Межличностное доверие и межличностная идентичность, микрогрупповое доверие и микрогрупповая идентичность слабее выражены внутри диад, чем в более многочисленных подгруппах. Значимых отличий межличностного конфликта внутри диад и более многочисленных подгрупп не обнаружено. В завершении работы представлены обсуждение, теоретические и практические приложения полученных результатов, а также некоторые перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: неформальная подгруппа, численный состав подгруппы, диада, межличностное доверие, микрогрупповое доверие, межличностная идентичность, микрогрупповая идентичность, межличностный конфликт, микрогрупповой конфликт.

Для цитирования: Сидоренков А.В. Неформальные подгруппы в производственных группах: численный состав и отношения в подгруппах / А.В. Сидоренков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 146–158. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14934698>.

Введение. В подавляющем большинстве производственных групп численностью три и более сотрудников формируются неформальные подгруппы [4; 14; 20; 24]. Относительно устойчивая неформальная подгруппа понимается как «совокупность членов группы, которые объединены на основе одного или нескольких психологических более общих и значимых для них признаков и имеют тесные связи между собой по сравнению с другими членами» [4, с. 39]. Неформальная подгруппа, в отличие от формальной группы, в которую она включена: а) имеет меньший размер (численный состав); б) не создается извне, а формируется стихийно; в) не имеет социальной целостности, но обладает психологической целостностью, которая значительно сильнее

такой же целостности группы в целом; г) выполняет определенные функции по отношению к группе в целом и др. [3].

Более глубокое понимание неформальных подгрупп предполагает изучение некоторых вопросов, которые ранее не рассматривались в литературе. Например, интерес представляет роль численного состава (размера) неформальных подгрупп в проявлении разных феноменов отношений и взаимодействия членов в связях «индивид–индивид» (например, межличностная аттракция, межличностное доверие, межличностная идентичность, межличностный конфликт, межличностная кооперация) и «индивид–подгруппа» (например, привлекательность подгруппы для ее членов, доверие членов к подгруппе, идентификация членов с подгруппой, конфликт отдельных членов с подгруппой).

Кроме того, важно обратить внимание на специфику проявления феноменов отношения и взаимодействия внутри диад по сравнению с более многочисленными по составу неформальными подгруппами, т. е. состоящими из трех и более человек. Это приобретает особое значение в контексте периодически обсуждаемого в научной литературе вопроса «Является ли диада малой группой?». Дискуссия по этому вопросу обусловлена тем, что в диадах, по сравнению с более многочисленными группами, могут отсутствовать или проявляться в редуцированном виде некоторые явления и процессы. Проводя параллель, надо понять особенности проявления в неформальных диадах определенных явлений и процессов, а также обоснованность сравнения этих явлений и процессов в неформальных диадах и более многочисленных неформальных подгруппах.

Таким образом, **целью исследования** является: 1) изучение связи размера неформальных подгрупп, возникающих в производственных группах, с некоторыми феноменами отношений в этих подгруппах; 2) сравнительный анализ степени выраженности феноменов отношений в неформальных диадах и более многочисленных подгруппах. В этом исследовании изучены: а) феномены межличностных отношений в неформальных подгруппах (межличностное доверие, межличностная идентичность и межличностный конфликт); б) феномены отношения членов к неформальным подгруппам, в которые они включены (микрогрупповое доверие, т.е. доверие членов к подгруппе; микрогрупповая идентичность, т.е. идентификация членов с подгруппой; микрогрупповой конфликт, т.е. конфликт отдельных членов с подгруппой).

Для достижения этой цели мы начнем с обзора исследований, в которых рассматривается связь размера производственных групп с феноменами отношений внутри них, а затем обсудим особенности связи численного состава неформальных подгрупп с феноменами отношений внутри этих подгрупп. Далее анализируется проблема специфики формальных и неформальных диад по сравнению с более многочисленными группами / подгруппами. После этого излагаются основные аспекты проведенного эмпирического исследования, направленного на тестирование гипотез, и его результаты. В завершении проводится обсуждение некоторых ключевых вопросов и результатов исследования, указывается вклад исследования в теорию и практику, а также формулируется перспектива дальнейшего исследования.

Численный состав и отношения внутри производственных групп. В литературе иногда встречаются данные о связи размера производственных групп с некоторыми феноменами межличностных отношений (отношений «индивид–индивид»), возникающих внутри этих групп. Например, показано, что групповой размер значимо не связан с межличностным доверием [10; 31] и двумя типами межличностных конфликтов – конфликтом задачи и конфликтом отношения [10; 11; 16; 30]. Вместе с тем, во многих исследованиях рассматриваются феномены отношений в диадических связях, например

доверие между руководителем и подчиненным [17; 21], идентификация подчиненных с руководителем [8; 13], а потому в них априори не может быть поставлена проблема связи размера групп с внутригрупповыми межличностными отношениями.

Существуют единичные работы, в которых можно было обнаружить связь размера группы с феноменами отношений членов к группе в целом (т.е. отношений «индивид–группа») и, тем более, к существующим в ней неформальным подгруппам (т.е. отношений «индивид–подгруппа»). Например, установлено, что групповой размер значимо не коррелирует с групповой идентичностью, т.е. идентификацией членов с группой [29]. Ограниченность данных о связи «размер группы – отношения членов к группе / подгруппе» объясняется тем, что редко изучаются такие феномены, как групповой / микрогрупповой конфликт, групповое / микрогрупповое доверие и др.

Также можно констатировать, опираясь на просмотренную литературу, что фактически отсутствуют исследования связи размера неформальных подгрупп, возникающих внутри производственных групп, во-первых, с межличностными отношениями внутри этих подгрупп, а, во-вторых, с отношениями членов к своим подгруппам. Это обусловлено тем, что неформальные подгруппы в производственных группах очень редко оказываются в поле внимания исследователей.

Численный состав и отношения внутри неформальных подгрупп. На первый взгляд может показаться, что обнаруженные тенденции связи размера групп с некоторыми феноменами отношений внутри них могут быть спроецированы на связь размера неформальных подгрупп с подобными феноменами отношений в этих подгруппах. Однако было бы не обосновано однозначно проводить параллели между производственными группами и неформальными подгруппами в анализе связи их размера с феноменами отношений. Это обусловлено некоторыми отличительными особенностями производственных групп и неформальных подгрупп. А именно: внутри неформальных подгрупп, по сравнению с группой в целом, сильнее выражены интегративные феномены отношений, такие как межличностное доверие и межличностная идентичность [5], и заметно слабее проявляются дезинтегративные феномены отношений, например межличностный конфликт [2]. Кроме того, интегративные отношения членов к своим неформальным подгруппам в форме микрогруппового доверия и микрогрупповой идентичности существенно сильнее выражены, чем отношения членов к группе в целом, соответственно, в форме группового доверия и групповой идентичности [5], тогда как конфликты членов со своими подгруппами (микрогрупповые конфликты) значительно слабее проявляются, чем конфликты членов с группой в целом (групповые конфликты) [2].

Поскольку интегративные связи между субъектами локализованы, как правило, внутри неформальных подгрупп, но не группы в целом, то феномены отношений будут более «чувствительны» к численному составу на уровне неформальных подгрупп, чем на уровне производственных групп. Следовательно, можно предположить позитивную связь размера подгрупп с интегративными феноменами межличностных отношений (например, межличностным доверием и межличностной идентичностью) и отношений индивидов с подгруппами (например, микрогрупповым доверием и микрогрупповым конфликтом) внутри подгрупп. Чем больше численность подгруппы, тем больше возможностей у ее членов проявить доверие к другим и подгруппе, идентифицироваться с какими-то членами внутри подгруппы и с подгруппой в целом. В свою очередь, увеличение численности подгруппы может приводить к снижению конфликтов внутри нее, так как возрастает вероятность урегулирования конфликтов между отдельными ее

членами или между отдельным членом и подгруппой в целом посредством выполнения другим(и) членом(ами) подгруппы медирующей роли в этом конфликте.

Диады и более многочисленные группы / подгруппы: общие и отличительные особенности. Вопрос о нижней количественной границы группы – диада или триада – до сих пор является дискуссионным. Эта проблема носит не только сугубо теоретический характер. Она также актуальна с точки зрения того, можно ли сравнивать между собой особенности социально-психологических явлений и процессов, возникающих в диадах и более многочисленных социальных общностях. В литературе сформировались две точки зрения относительно того, является ли диада группой. Большинство авторов склонны рассматривать диаду как малую группу [6; 9; 28]. Считается, что работа в диадах является распространенной формой взаимодействия в организационной среде [25]. Кроме того, во многих исследованиях по организационной психологии изучается диадическое взаимодействие и/или отношение, например в контексте управленческой коммуникации [19], парадигмы обмена между лидером и членом [15], ведения переговоров [7; 26], доверия [22] и конфликтов [12] между отдельными членами и др.

Однако некоторые авторы считают, что диада не является группой. Например, для обоснования такой точки зрения Р.Л. Морленд приводит следующие аргументы: а) диады более эфемерны, чем группы, так как формируются и распадаются быстрее; б) люди испытывают более сильные (и часто другие) эмоции в диадах, чем в группах; в) диады проще групп, так как некоторые групповые явления отсутствуют в диадах (влияние большинства на меньшинство и, наоборот, социально-психологическая адаптация) или проявляются в них по иному (композиция членов по их демографическим характеристикам) [18]. Первые два аргумента являются неоднозначными и дискуссионными. Это в определенной степени, как мы полагаем, обусловлено тем, что данный автор не дифференцирует диады и более многочисленные группы на формальные и неформальные. Если рассуждать о формальных диадах и более многочисленных группах (например, отделы в организации), то они создаются и упраздняются по воле руководства социальной структуры, в которую они включены, а не на основе желаний и интенций их членов. Даже если из диады уходит один человек (например, увольняется сотрудник), то она не распадается, так как на его место приходит другой. Поэтому рассуждение о том, что диады формируются и распадаются быстрее, в этом случае является не соответствующим действительности. Кроме того, в формальных диадах и более многочисленных группах члены могут испытывать одинаковые с точки зрения интенсивности и содержания эмоции и чувства. Например, межличностный конфликт, возникающий в формальной диаде или охватывающий всех членов более многочисленной группы, вызывает одинаковые эмоции.

Когда подразумеваются неформальные диады и более многочисленные группы или подгруппы внутри группы, то, действительно, диады могут быстрее возникать и распадаться. Например, если из неформальной диады один человек уходит, то она больше не может существовать, тогда как выход из триады или более многочисленной неформальной группы / подгруппы одного человека с высокой вероятностью не приведет к ее распаду [23]. Однако вероятность распада триады и более многочисленной неформальной группы / подгруппы зависит от трех условий: а) ее численного состава; б) ее централизованной или децентрализованной структуры; в) особенности статуса члена, который из нее выходит [3]. Например, если численность группы / подгруппы небольшая, ее структура является централизованной и из группы / подгруппы уходит

«центральный член» (лидер), то возрастает вероятность разрушения многих связей среди ее оставшихся членов и, как следствие, ее полного или частичного распада.

Отличие в эмоциях членов неформальных диад и более многочисленных групп / подгрупп зависит от того, на какой основе они прежде всего возникли: инструментальной или социо-эмоциональной [3]. Если они возникают исключительно на инструментальной (прагматично-деловой) основе для более успешного достижения индивидуальных целей, то между этими двумя категориями подгрупп не будет существенных отличий в эмоциях и чувствах их членов. Когда диады и более многочисленные подгруппы возникают в первую очередь на социо-эмоциональной основе, то отличие может быть не только между сравниваемыми категориями групп / подгрупп, но также между самими диадами. Это зависит от конкретных признаков этого основания. Например, любовные отношения в диаде будут отличать ее от других диад и более многочисленные групп / подгрупп, в которых существуют дружеские отношения, основанные на межличностной и/или групповой (микрогрупповой) аттракции.

Третий аргумент, который приводит Р.Л. Морленд [18], вполне убедительный. Действительно, в формальных и неформальных диадах отсутствуют или проявляются в редуцированном виде некоторые социально-психологические явления и процессы. Помимо того, что было указано этим автором, можно добавить следующее. В формальных и неформальных диадах, в отличие от триад и более многочисленных групп, не могут возникать неформальные подгруппы [3; 28]. В диадах нет внутренней коммуникативной сети, имеет место упрощенная статусно-ролевая композиция и ограниченный репертуар ролей и способов межличностного взаимодействия. Внутри диад в принципе не могут быть некоторые феномены отношения и взаимодействия в связях «индивид–подгруппа» (например, микрогрупповой конфликт), «подгруппа–подгруппа» и «подгруппа–группа» (например, конфликт между подгруппами или между подгруппой и группой в целом). Например, индивид не может конфликтовать с диадой как коллективным субъектом, так как конфликт содержит не только определенное отношение, но и взаимодействие сторон. Последнее исключает саму возможность конфликтного взаимодействия индивида с диадой. Следовательно, было бы неоправданно изучать микрогрупповой конфликт в диадах. Поэтому в данном исследовании мы не включали диады в анализ связи численного состава неформальных подгрупп с микрогрупповым конфликтом и не сравнивали проявление такого конфликта в диадах и более многочисленных подгруппах. Вместе с тем у членов могут формироваться и формируются некоторые отношения к диаде (например, в виде доверия и идентичности), так как она воспринимается ими как коллективный субъект, связанный с их чувством «Мы».

Кроме того, внутри диад одни явления и процессы могут проявляться сильнее, а другие – слабее, чем в более многочисленных группах / подгруппах. Например, интенсивность взаимодействия между двумя людьми чаще выше в диадах, чем в группах из трех и более человек [23; 27], а процессуальные потери проявляются слабее в диадах, чем в более многочисленных группах [25]. Межличностное доверие и межличностная идентичность, микрогрупповое доверие и микрогрупповая идентичность слабее выражены внутри неформальных диад, чем в более многочисленных неформальных подгруппах. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, внутри диад у членов меньше возможности для проявления глубокого межличностного доверия и межличностной идентичности, так как ограничено количество членов, на которые эти отношения могут быть направлены. Кроме того, ухудшение общения внутри диады с высокой вероятностью приведет к нарушению межличностного доверия [22]. Во-вторых,

члены малочисленной неформальной подгруппы (особенно диады), по сравнению с членами относительно многочисленной подгруппы, склонны воспринимать свою подгруппу как менее масштабную и действенную единицу. Это может отражаться на более низком микрогрупповом доверии и микрогрупповой идентичности среди членов неформальных диад, чем среди членов более многочисленных неформальных подгрупп в формальных группах.

В свою очередь, трудно однозначно утверждать о том, где сильнее или слабее проявляются межличностные конфликты: в неформальных диадах или более многочисленных неформальных подгруппах. На первый взгляд, можно было бы воспользоваться представлением некоторых авторов о том, что возникающий в диадах конфликт является в принципе неразрешимым [1], а значит, должен сильнее проявляться в них, чем в более многочисленных группах. Однако такая мысль может быть больше уместна относительно формальных диад, но в меньшей степени – неформальных диад внутри формальных групп, так как сильное проявление конфликтов внутри этих неформальных диад будет быстро приводить к их распаду. Чтобы этого не допустить, члены многих диад будут стремиться предотвращать возникновение конфликтов и сглаживать те, которые возникнут.

Таким образом, можно сформулировать следующие **гипотезы исследования**.

Гипотеза 1а (Г1а). Численный состав неформальных подгрупп в производственных группах положительно связан с межличностным доверием и межличностной идентичностью, микрогрупповым доверием и микрогрупповой идентичностью внутри этих подгрупп.

Гипотеза 1б (Г1б). Численный состав неформальных подгрупп в производственных группах отрицательно связан с межличностным и микрогрупповым конфликтом внутри этих подгрупп.

Гипотеза 2а (Г2а). Межличностное доверие и межличностная идентичность, микрогрупповое доверие и микрогрупповая идентичность слабее выражены внутри неформальных диад, чем в более многочисленных подгруппах, возникающих в производственных группах.

Гипотеза 2б (Г2б). Межличностный конфликт выражен в одинаковой степени внутри неформальных диад и более многочисленных подгрупп.

Материалы и методы исследования. В этой работе были использованы некоторые данные двух ранее проведенных эмпирических исследований на двух разных выборках. В первом исследовании [5] было обследовано 37 производственных групп (отделов, смен, бригад и т.п.), численный состав которых варьировался от 6 до 17 сотрудников ($M = 9.9$), а во втором [2] – 42 группы, в которых численный состав был от 4 до 21 работников ($M = 8.0$). Из исследования первой выборки были использованы следующие данные: а) количество и состав неформальных подгрупп в каждой группе; б) межличностное и микрогрупповое доверие по трем видам (конфиденциально-охранительному, информационно-инфлюативному и деятельностно-совладающему) в неформальных подгруппах; в) межличностная и микрогрупповая идентичность по двум компонентам (когнитивному и аффективному) в неформальных подгруппах. В исследовании второй выборки были заимствованы такие данные, как: а) количество и состав неформальных подгрупп в каждой группе; б) межличностный и микрогрупповой конфликт по двум типам (деятельностно-ориентированному и субъектно-ориентированному) в неформальных подгруппах. Основные результаты, полученные на основе данных этих исследований и представленные в этой статье, не были ранее опубликованы.

Для изучения перечисленных переменных в этих исследованиях были использованы: формализованный алгоритм выделения неформальных подгрупп (исследование 1 и 2), опросник межличностного доверия в группе и подгруппах, опросник группового и микрогруппового доверия, опросник межличностной идентичности в группе и подгруппах, опросник групповой и микрогрупповой идентичности (исследование 1), опросник типов межличностного конфликта в группе и подгруппах, опросник типов группового и микрогруппового конфликта (исследование 2).

Более подробно с описанием выборок и методического инструментария можно ознакомиться в указанной литературе.

Результаты исследования. Количество неформальных подгрупп в производственных группах варьировалось от одной до четырех. В первом исследовании в совокупности всех производственных групп выявлено 65 неформальных подгрупп, среди которых 52,4% – диады и 47,6% – более многочисленные подгруппы, такие как триады (26,2%), подгруппы из четырех (10,7%) и пяти (10,7%) человек. Во втором исследовании в подавляющем большинстве производственных групп (за исключением двух групп) обнаружены неформальные подгруппы, общее количество которых было 71. Из них, 37,7% – это диады и 62,3% – более многочисленные подгруппы, в том числе 17,4% – подгруппы из четырех, 10,1% – пяти и 2,9% – шести человек. Таким образом, эти результаты позволяют, во-первых, изучить связь численного состава неформальных подгрупп с феноменами отношений внутри них и, во-вторых, сравнить особенности этих отношений внутри неформальных диад и более многочисленных подгрупп.

Согласно гипотезе 1, численный состав неформальных подгрупп в производственных группах положительно связан с межличностным доверием и межличностной идентичностью, микрогрупповым доверием и микрогрупповой идентичностью (Г1а), но отрицательно – с межличностным и микрогрупповым конфликтом (Г1б) внутри этих подгрупп. Проверка этих гипотез осуществлялась посредством корреляции Пирсона (Табл. 1), перед которой все переменные были нормализованы (преобразованы в Т-оценки). Из анализа связи численности подгрупп с двумя типами микрогруппового конфликта были исключены диады по причине, изложенной в теоретической части этой статьи. Обнаружено, что численный состав неформальных подгрупп значимо положительно коррелирует со всеми переменными доверия и идентичности среди членов неформальных подгрупп. Следовательно, Г1а подтвердилась. Однако не выявлена значимая связь численности подгрупп ни с одной переменной конфликтов внутри подгрупп. Таким образом, Г1б не подтвердилась.

Таблица 1. Описательные статистики и корреляции численного состава неформальных подгрупп с отношениями внутри них

Переменные	М	SD	1
1. Размер подгрупп ⁴	2,80 / 3,06	1,01 / 1,10	-. ⁵
2. Доверие межличностное (КОД) ⁶	20,64	4,30	0,26*
3. Доверие межличностное (ИИД)	20,11	4,37	0,26*
4. Доверие межличностное (ДСД)	20,31	4,20	0,24*

⁴ В строке «Размер подгрупп» значение перед косой линией получено в исследовании 1, а за косой линией – в исследовании 2.

⁵ * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

⁶ Аббревиатура: КОД – конфиденциально-охранительное, ИИД – информационно-инфлюативное и ДСД – деятельностно-совладающее доверие; К – когнитивный и А – аффективный компонент идентичности; ДОК – деятельностно-ориентированный конфликт и СОК – о субъектно-ориентированный конфликт.

5. Доверие микрогрупповое (КОД)	21,87	3,43	0,34**
6. Доверие микрогрупповое (ИИД)	21,69	3,92	0,35**
7. Доверие микрогрупповое (ДСД)	21,41	3,88	0,33**
8. Идентичность межличностная (К)	20,24	4,04	0,36**
9. Идентичность межличностная (А)	19,85	4,42	0,38**
10. Идентичность микрогрупповая (К)	21,06	3,80	0,29*
11. Идентичность микрогрупповая (А)	21,74	4,23	0,28*
12. Конфликт межличностный (ДОК)	9,02	3,98	-0,18
13. Конфликт межличностный (СОК)	8,43	4,01	-0,16
14. Конфликт микрогрупповой (ДОК)	9,19	3,36	-0,28
15. Конфликт микрогрупповой (СОК)	8,68	3,76	-0,25

Гипотеза 2 предполагает, что межличностное доверие и межличностная идентичность, микрогрупповое доверие и микрогрупповая идентичность слабее выражены внутри неформальных диад, чем в более многочисленных подгруппах (Г2а), тогда как межличностный конфликт проявляется в одинаковой степени внутри неформальных диад и более многочисленных подгрупп (Г2б). Для проверки этой гипотезы использовался Mann–Whitney test. В Табл. 2 видно, что подавляющее большинство переменных доверия и идентичности (за исключением межличностного и микрогруппового деятельностно-совладающего доверия) значимо слабее выражены внутри диад, чем в более многочисленных подгрупп, на что указывают величины уровня значимости и среднего ранга (Mean ranks). Таким образом, Г2а в целом подтверждена. Значимых отличий по каждому из двух типов межличностного конфликта внутри диад и более многочисленных подгрупп не обнаружено, что подтверждает Г2б.

Таблица 2. Сравнение феноменов отношения внутри диад и более многочисленных неформальных подгрупп

Переменные	Z	p	Mean rank ⁷
Доверие межличностное (КОД)	-2,083	0,037	28,34 / 38,11
Доверие межличностное (ИИД)	-2,010	0,044	28,50 / 37,94
Доверие межличностное (ДСД)	-1,833	0,067	28,90 / 37,50
Доверие микрогрупповое (КОД)	-1,972	0,049	28,59 / 37,84
Доверие микрогрупповое (ИИД)	-2,035	0,041	27,92 / 38,13
Доверие микрогрупповое (ДСД)	-1,827	0,068	28,91 / 37,48
Идентичность межличностная (К)	-2,747	0,006	26,85 / 39,74
Идентичность межличностная (А)	-2,674	0,007	27,01 / 39,56
Идентичность микрогрупповая (К)	-2,188	0,029	28,10 / 38,37
Идентичность микрогрупповая (А)	-2,411	0,016	27,60 / 38,92
Конфликт межличностный (ДОК)	-0,389	0,697	37,18 / 35,23
Конфликт межличностный (СОК)	-0,306	0,760	36,93 / 35,40

Обсуждение. Внутри производственных групп возникают неформальные подгруппы, которые обладают всеми теми субъектными характеристиками (например, нормы, сплоченность, организованность) и феноменами отношений (например, доверие, идентичность, аттракция, эмпатия, конфликты), которые присущи этим группам. Следовательно, существует ряд важных исследовательских проблем, затрагивающих неформальные подгруппы. Например, одна проблема затрагивает antecedents субъектных характеристик и феноменов отношений внутри неформальных подгрупп,

⁷ Число перед косой линией – это средний ранг значений переменных внутри диад, а за косой линией – внутри более многочисленных подгрупп.

среди которых надо выделить численный состав этих подгрупп. В этом исследовании, ограниченном анализом некоторых феноменов отношений (доверие, идентичность и конфликты) внутри неформальных подгрупп, было показано, что может существовать иная тенденция в связях численного состава подгрупп с интегративными феноменами отношений внутри них по сравнению со связями численного состава производственных групп с подобными феноменами отношений в контексте этих групп. Например, численный состав неформальных подгрупп значимо положительно связан с межличностным и микрогрупповым доверием, межличностной и микрогрупповой идентичностью внутри них, тогда как численный состав производственных групп значимо не связан, например с межличностным доверием [10; 31] и групповой идентичностью [29]. Это обусловлено некоторыми отличительными особенностями неформальной подгруппы по сравнению с формальной производственной группой, которые были изложены в теоретической части статьи.

Другая проблема касается специфики социально-психологических явлений и процессов внутри неформальных диад по сравнению с подобными явлениями и процессами в более многочисленных неформальных подгруппах. Ее можно рассматривать как отголосок более широкой проблемы: социально-психологическая специфика диад по сравнению с более многочисленными малыми группами. Она иногда приобретает крайнюю форму, когда высказывается сомнение в том, что диада является группой. С исследовательской точки зрения постановка такой проблемы обусловлена следующими вопросами: допустимо ли проецировать результаты и выводы исследования диад на более многочисленные группы и наоборот? если допустимо, то относительно каких процессов и явлений? Чтобы более четко ответить на эти вопросы, надо разделять диады и более многочисленные группы / подгруппы на формальные и неформальные. В этом контексте в теоретической части статьи показано, что в диадах, по сравнению с более многочисленными группами / подгруппами, некоторые явления и процессы либо отсутствуют, либо возникают в редуцированном виде, либо проявляются слабее или сильнее. В первых двух случаях не логично экстраполировать факты, установленные в исследовании диад, на более многочисленные группы, точно также, как не обоснованно приписывать диадам того, что обнаружено в более многочисленных группах. В третьем случае можно и нужно сравнивать формальные и неформальные диады и более многочисленные группы / подгруппы. В этом исследовании было показано, что межличностное и микрогрупповое доверие, межличностная и микрогрупповая идентичность выражены значительно слабее внутри неформальных диад, чем в более многочисленных неформальных подгруппах, возникающих в производственных группах. Однако разницы в степени проявления межличностного конфликта не обнаружено.

Результаты исследования делают вклад в микрогрупповую теорию [3] и расширяют теоретические знания о неформальных подгруппах в формальных малых группах, а точнее о феноменах отношений внутри этих подгрупп в зависимости от их численного состава.

Полученные результаты также имеют практическое приложение. Знание о численности конкретных неформальных подгрупп позволяет прогнозировать особенности проявления в них некоторых феноменов отношений: межличностного и микрогруппового доверия, межличностной и микрогрупповой идентичности. Знание о связи между численным составом подгрупп и отношениями в них, в свою очередь, может быть использовано для организации выполнения некоторых групповых задач не столько в контексте всей группы, сколько посредством деятельности отдельных неформальных подгрупп. Поскольку в более многочисленных подгруппах сильнее выражены

интегративные феномены отношений, то такие подгруппы имеют более высокий потенциал (при наличии некоторых иных важных характеристик, например высокой мотивации) для более успешного выполнения определенных групповых задач.

Ограничение данного исследования заключается в том, что в нем не была рассмотрена зависимость от численного состава неформальных подгрупп иных феноменов отношений и взаимодействия (например, аттракция, эмпатия, кооперация и конкуренция) внутри подгрупп, а также субъектных характеристик подгрупп (например, нормы, сплоченность, согласованность действий). Кроме того, результаты основаны на исследовании только производственных групп. Не исключено, что в группах другого типа (например, учебных) могут быть не только похожие, но также отличающиеся особенности связи численного состава подгрупп с отношениями внутри них, а также особенности проявления отношений внутри диад и более многочисленных подгрупп.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в изучении: 1) роли численного состава неформальных подгрупп в их субъектных характеристиках и феноменах отношений внутри них, которые не рассматривались в этом исследовании; 2) связи доминирующего основания возникновения неформальных подгрупп (например, социо-эмоционального или инструментального) с их субъектными характеристиками и отношениями внутри них; 3) динамики субъектных характеристик неформальных подгрупп и отношений внутри них и др.

Заключение. Степень выраженности некоторых феноменов отношений (межличностное и микрогрупповое доверие, межличностная и микрогрупповая идентичность) внутри неформальных подгрупп, возникающих в малых производственных группах, зависит от численного состава этих подгрупп. Особенности проявления других феноменов отношений (межличностный и микрогрупповой конфликт) не зависят от численного состава подгрупп. Это исследование делает первый шаг на пути будущих исследований antecedents отношений / взаимодействия внутри подгрупп и субъектных характеристик подгрупп в разных типах формальных малых групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник / Г.М. Андреева. 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 360 с.
2. Сидоренков А.В. Внутригрупповые противоречия, конфликты и эффективность групп в организации : монография / А.В. Сидоренков, О.Ю. Шипитько. – Ростов-на-Дону : Мини Тайп, 2017. – 216 с.
3. Сидоренков А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория : монография / А.В. Сидоренков. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 272 с.
4. Сидоренков А.В. Роль количества неформальных подгрупп в эффективности производственной малой группы / А.В. Сидоренков, В.А. Штроо // Организационная психология. – 2023. – Т. 13. № 1. – С. 35–58. – <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-1-35-58>.
5. Сидоренков А.В. Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации: монография / А.В. Сидоренков, И.И. Сидоренкова, Н.Ю. Ульянова. – Ростов-на-Дону : Мини Тайп, 2014. – 248 с.
6. Baron R.A. Exploring Social Psychology / R.A. Baron, D. Byrne, B.T. Johnson. 4th ed. – Boston : Allyn and Bacon, 1998. – 317 p.
7. Butt A.N. The effects of self-emotion, counterpart emotion, and counterpart behavior on negotiator behavior: A comparison of individual-level and dyad-level dynamics / A.N. Butt, J.N. Choi, A.M. Jaeger // Journal of Organizational Behavior. – 2005. – Vol. 26, No. 6. – P. 681–704. – <https://doi.org/10.1002/job.328>
8. Carnevale J.B. LMX-differentiation strengthens the prosocial consequences of leader humility: An identification and social exchange perspective / J.B. Carnevale, L. Huang, T. Paterson // Journal of Business Research. – 2019. – Vol. 96. – P. 287–296. – <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2018.11.048>
9. Carron A.V. Cohesion: Conceptual and measurement issues / A.V. Carron, L.R. Brawley // Small Group Research. – 2000. – Vol. 31, No. 1. – P. 89–106. – <https://doi.org/10.1177/104649640003100105>

10. Choi K. Competing hypotheses analyses of the associations between group task conflict and group relationship conflict / K. Choi, B. Cho // *Journal of Organizational Behavior*. – 2011. – Vol. 32, No. 8. – P. 1106–1126. – <https://doi.org/10.1002/job.733>
11. Jiang J.Y. Emotion regulation as a boundary condition of the relationship between team conflict and performance: A multi-level examination / J.Y. Jiang, X. Zhang, D. Tjosvold // *Journal of Organizational Behavior*. – 2012. – Vol. 34, No. 5. – P. 714–734. – <https://doi.org/10.1002/job.1834>
12. Korsgaard M.A. A multilevel view of intragroup conflict / M.A. Korsgaard, S. Jeong, D.M. Mahony, A.H. Pitaru // *Journal of Management*. – 2008. – Vol. 34, No. 6. – P. 1222–1252. – <https://doi.org/10.1177/0149206308325124>
13. Li J. Leader-member exchange and leader identification: Comparison and integration / J. Li, S. Furst-Holloway, S.S. Masterson, L.M. Gales, B.D. Blume // *Journal of Managerial Psychology*. – 2018. – Vol. 33, No. 2. – P. 122–141. – <https://doi.org/10.1108/JMP-06-2017-0220>
14. Luan M. Perceived subgroups, TMS, and team performance: The moderating role of guanxi perception / M. Luan, H. Ren, X. Hao // *Frontiers in Psychology*. – 2019. – Vol. 10. – A. 2655. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02655>
15. Martin R. Leader-member exchange (LMX) differentiation and work outcomes: Conceptual clarification and critical review / R. Martin, G. Thomas, A. Legood, S.D. Russo // *Journal of Organizational Behavior*. – 2018. – Vol. 39, No. 2. – P. 151–168. – <https://doi.org/10.1002/job.2202>
16. Martins L.L. A contingency view of the effects of cognitive diversity on team performance: The moderating roles of team psychological safety and relationship conflict / L.L. Martins, M.C. Schilpzand, B.L. Kirkman, S. Ivanaj, V. Ivanaj // *Small Group Research*. – 2012. – Vol. 44, No. 2. – P. 96–126. – <https://doi.org/10.1177/1046496412466921>
17. McAllister D.J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations / D.J. McAllister // *Academy of Management Journal*. – 1995. – Vol. 38, No. 1. – P. 24–59. – <https://doi.org/10.5465/256727>
18. Moreland R.L. Are dyads really groups? / R.L. Moreland // *Small Group Research*. – 2010. – Vol. 41, No. 2. – P. 251–267. – <https://doi.org/10.1177/1046496409358618>
19. Panko R. Managerial communication patterns / R. Panko // *Journal of Organizational Computing*. – 1992. – Vol. 2, No. 1. – P. 95–122. – <https://doi.org/10.1080/10919399209540176>
20. Roodt H. Subgroup formation in diverse virtual teams: The moderating role of identity leadership / H. Roodt, H. Krug, K. Otto // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – A. 722650. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.722650>
21. Roussin C. Increasing trust, psychological safety, and team performance through dyadic leadership discovery / C. Roussin // *Small Group Research*. – 2008. – Vol. 39, No. 2. – P. 224–248. – <https://doi.org/10.1177/1046496408315988>
22. Savolainen T. Trust-communication dyad in inter-personal workplace relationships – Dynamics of trust deterioration and breach / T. Savolainen, P. Lopez-Fresno, M. Ikonen // *Electronic Journal of Knowledge Management*. – 2014. – Vol. 12, No. 4. – P. 232–240.
23. Simmel G. *The sociology of Georg Simmel* / G. Simmel. – Glencoe, IL: The Free Press, 1950. – 445 p.
24. Tiede K.E. Subgroup splits in diverse work teams: Subgroup perceptions but not demographic faultlines affect team identification and emotional exhaustion / K.E. Tiede, S.K. Schultheis, B. Meyer // *Frontiers in Psychology*. – 2021. – Vol. 12. – A. 595720. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.595720>
25. Topi H. The effects of personality and media differences on the performance of dyads addressing a cognitive conflict task / H. Topi, J.S. Valacich, M.T. Rao // *Small Group Research*. – 2002. – Vol. 33, No. 6. – P. 667–701. – <https://doi.org/10.1177/1046496402238620>
26. Wang L. Beyond negotiated outcomes: The hidden costs of anger expression in dyadic negotiation / L. Wang, G. Northcraft, G.A. Van Kleef // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. – 2012. – Vol. 119, No. 1. – P. 54–63. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1168208>
27. Wang M. Dyads or quads? Impact of group size and learning context on collaborative learning / M. Wang, L. Jiang, H. Luo // *Frontiers in Psychology*. – 2023. – Vol. 14. – A. 1168208. – <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1168208>
28. Williams K.D. Dyads can be groups (and often are) / K.D. Williams // *Small Group Research*. – 2010. – Vol. 44, No. 2. – P. 267–281. – <https://doi.org/10.1177/1046496409358619>
29. Xu E. When self-view is at stake: Responses to ostracism through the lens of self-verification theory / E. Xu, X. Huang, S.L. Robinson // *Journal of Management*. – 2017. – Vol. 43, No. 7. – P. 2281–2302. – <https://doi.org/10.1177/0149206314567779>
30. Yong K. Conflict and creativity in interdisciplinary teams / K. Yong, S.J. Sauer, E.A. Mannix // *Small Group Research*. – 2014. – Vol. 45, No. 3. – P. 266–289. – <https://doi.org/10.1177/1046496414530789>

31. Zheng Q. Teammate conscientiousness diversity depletes team cohesion: The mediating effect of intra-team trust and the moderating effect of team coaching / Q. Zheng, L. Wang // *Current Psychology*. – 2023. – Vol. 42. – P. 6866–6876. – <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01946-7>

REFERENCES

1. Andreeva G.M. (2002). *Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]*. Moscow : Aspekt Press (In Russian).
2. Sidorenkov A.V., & Shipitko O.Yu. (2017). *Vnutrigruppovye protivorechiya, konflikty i effektivnost' grupp v organizatsii [Intragroup contradictions, conflicts and effectiveness of groups in the organization]*. Rostov-on-Don: Mini Taip (In Russian).
3. Sidorenkov A.V. (2010). *Malaya gruppy i neformal'nye podgruppy: Mikrogruppovaya teoriya [Small group and informal subgroups: Microgroup theory]*. Rostov-on-Don: Izd-vo YuFU (In Russian).
4. Sidorenkov A.V., & Stroh V.A. (2023). Rol' kolichestva neformal'nykh podgrupp v effektivnosti proizvodstvennoi maloi gruppy [Efficiency of production groups and the number of informal subgroups in them]. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 13(1), 35–58. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-1-35-58> (In Russian).
5. Sidorenkov A.V., Sidorenkova I.I., & Ul'yanova N.Yu. (2014). *Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki i effektivnost' malykh grupp v organizatsii [Socio-psychological characteristics of the effectiveness of small groups in organizations]*. Rostov-on-Don: Mini Taip (In Russian).
6. Baron R.A., Byrne D., & Johnson B.T. (1998). *Exploring Social Psychology*. 4th ed. Boston: Allyn and Bacon (In English).
7. Butt A.N., Choi J.N., & Jaeger A.M. (2005) The effects of self-emotion, counterpart emotion, and counterpart behavior on negotiator behavior: A comparison of individual-level and dyad-level dynamics. *Journal of Organizational Behavior*, 26(6), 681–704. <https://doi.org/10.1002/job.328> (In English).
8. Carnevale J.B., Huang L., & Paterson T. (2019). LMX-differentiation strengthens the prosocial consequences of leader humility: An identification and social exchange perspective. *Journal of Business Research*, 96, 287–296. doi:10.1016/j.jbusres.2018.11.048 (In English).
9. Carron A.V., & Brawley L.R. (2000). Cohesion: Conceptual and measurement issues. *Small Group Research*, 31(1), 89–106. <https://doi.org/10.1177/104649640003100105> (In English).
10. Choi K., & Cho B. (2011). Competing hypotheses analyses of the associations between group task conflict and group relationship conflict. *Journal of Organizational Behavior*, 32(8), 1106–1126. <https://doi.org/10.1002/job.733> (In English).
11. Jiang J.Y., & Zhang X., & Tjosvold D. (2012). Emotion regulation as a boundary condition of the relationship between team conflict and performance: A multi-level examination. *Journal of Organizational Behavior*, 34(5), 714–734. <https://doi.org/10.1002/job.1834> (In English).
12. Korsgaard M.A., Jeong S., Mahony D.M., & Pitaru A.H. (2008). A multilevel view of intragroup conflict. *Journal of Management*, 34(6), 1222–1252. <https://doi.org/10.1177/0149206308325124> (In English).
13. Li J., Furst-Holloway S., Masterson S.S., Gales L.M., & Blume B.D. (2018). Leader-member exchange and leader identification: Comparison and integration. *Journal of Managerial Psychology*, 33(2), 122–141. <https://doi.org/10.1108/JMP-06-2017-0220> (In English).
14. Luan M., Ren H., & Hao X. (2019). Perceived subgroups, TMS, and team performance: The moderating role of guanxi perception. *Frontiers in Psychology*, 10, 2655. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02655> (In English).
15. Martin R., Thomas G., Legood A., & Russo S.D. (2018). Leader-member exchange (LMX) differentiation and work outcomes: Conceptual clarification and critical review. *Journal of Organizational Behavior*, 39(2), 151–168. <https://doi.org/10.1002/job.2202> (In English).
16. Martins L.L., Schilpzand M.C., Kirkman B.L., Ivanaj S., & Ivanaj V. A. (2012). Contingency view of the effects of cognitive diversity on team performance: The moderating roles of team psychological safety and relationship conflict. *Small Group Research*, 44(2), 96–126. <https://doi.org/10.1177/1046496412466921> (In English).
17. McAllister D.J. (1995). Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. *Academy of Management Journal*, 38(1), 24–59. <https://doi.org/10.5465/256727> (In English).
18. Moreland R.L. (2010). Are dyads really groups? *Small Group Research*, 41(2), 251–267. <https://doi.org/10.1177/1046496409358618> (In English).
19. Panko R. (1992). Managerial communication patterns. *Journal of Organizational Computing*, 2(1), 95–122. <https://doi.org/10.1080/10919399209540176> (In English).
20. Roodt H., Krug H., & Otto K. (2021). Subgroup formation in diverse virtual teams: The moderating role of identity leadership. *Frontiers in Psychology*, 12, 722650. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.722650> (In English).

21. Roussin C. (2008). Increasing trust, psychological safety, and team performance through dyadic leadership discovery. *Small Group Research*, 39(2), 224–248. <https://doi.org/10.1177/1046496408315988> (In English).
22. Savolainen T., Lopez-Fresno P., & Ikonen M. (2014). Trust–communication dyad in inter-personal workplace relationships – Dynamics of trust deterioration and breach. *Electronic Journal of Knowledge Management*, 12(4), 232–240 (In English).
23. Simmel G. (1950). *The Sociology of Georg Simmel*. Glencoe, IL: The Free Press (In English).
24. Tiede K.E., Schultheis S.K., & Meyer B. (2021). Subgroup splits in diverse work teams: Subgroup perceptions but not demographic faultlines affect team identification and emotional exhaustion. *Frontiers in Psychology*, 12, 595720. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.595720> (In English).
25. Topi H., Valacich J.S., & Rao M.T. (2002). The effects of personality and media differences on the performance of dyads addressing a cognitive conflict task. *Small Group Research*, 33(6), 667–701. <https://doi.org/10.1177/1046496402238620> (In English).
26. Wang L., Northcraft G., & Van Kleef G.A. (2012). Beyond negotiated outcomes: The hidden costs of anger expression in dyadic negotiation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 119(1), 54–63. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2012.05.002> (In English).
27. Wang M., Jiang L., & Luo H. (2023). Dyads or quads? Impact of group size and learning context on collaborative learning. *Frontiers in Psychology*, 14, 1168208. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1168208> (In English).
28. Williams K.D. (2010). Dyads can be groups (and often are). *Small Group Research*, 44(2), 267–281. <https://doi.org/10.1177/1046496409358619> (In English).
29. Xu E., Huang X., & Robinson S.L. (2017). When self-view is at stake: Responses to ostracism through the lens of self-verification theory. *Journal of Management*, 43(7), 2281–2302. <https://doi.org/10.1177/0149206314567779> (In English).
30. Yong K., Sauer S.J., & Mannix E.A. (2014). Conflict and creativity in interdisciplinary teams. *Small Group Research*, 45(3), 266–289. <https://doi.org/10.1177/1046496414530789> (In English).
31. Zheng Q., & Wang L. (2023). Teammate conscientiousness diversity depletes team cohesion: The mediating effect of intra-team trust and the moderating effect of team coaching. *Current Psychology*, 42, 6866–6876. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01946-7> (In English).

Поступила в редакцию 16.01.2025 г.

INFORMAL SUBGROUPS IN WORK GROUPS: SIZE AND RELATIONS IN SUBGROUPS

A.V. Sidorenkov

The work examines the connection between the size of informal subgroups that arise in production groups and some relationship phenomena (interpersonal and subgroup trust, interpersonal and subgroup identity, interpersonal and subgroup conflict) within these subgroups. It also compares the convexity of the corresponding relationship phenomena in informal dyads and larger subgroups. The data from two empirical studies on different samples of work groups (N=37 and N=42) were used. In these groups, 65 and 71 informal subgroups, respectively, were found. The size of informal subgroups is significantly positively associated with interpersonal trust and interpersonal identity, subgroup trust and subgroup identity, but is not significantly associated with interpersonal and subgroup conflict within subgroups. Interpersonal trust and interpersonal identity, subgroup trust and subgroup identity are weaker within dyads than in larger subgroups. No significant differences in interpersonal conflict within dyads and larger subgroups were found. The article concludes with the discussion that outlines both theoretical and practical implications that the study findings may entail and formulates some important questions for further research.

Keywords: informal subgroup, subgroup size, dyad, interpersonal trust, subgroup trust, interpersonal identity, subgroup identity, interpersonal conflict, subgroup conflict.

Сидоренков Андрей Владимирович.

Доктор психологических наук, профессор.
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Профессор кафедры психологии управления и юридической психологии.
ORCID 0000-0003-0554-3103.
E-mail: avsidorenkov@sfedu.ru

Sidorenkov Andrey Vladimirovich.

Doctor of Psychology, Professor.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.
Professor of Department of Management Psychology and Legal Psychology.
ORCID 0000-0003-0554-3103.
E-mail: avsidorenkov@sfedu.ru

Обзорная статья

УДК 159.99

DOI: 10.5281/zenodo.14934730

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ БЕСПЛОДИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

© 2024 Я.Ю. Восканян¹, О.С. Васильева²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», Академия психологии и педагогики

ORCID¹: 0009-0009-8463-7132.

ORCID²: 0000-0003-0600-1066.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Актуальность исследуемой темы обусловлена ростом проблем в наступлении беременности, а также увеличением обращений по вопросам фертильности. В статье рассмотрены работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные исследованию психологических аспектов бесплодия и обоснованию данного явления. Представлена классификация форм бесплодия. Характеризуются личностные профили женщин с бесплодием, этиология которого неизвестна. Психогенная теория бесплодия сфокусирована на этиологии его причин. Теория жизненного кризиса сосредоточена на психологических последствиях бесплодия. Биопсихосоциальная теория бесплодия соответствует модели стресса и преодолению трудностей и рассматривает данную проблему в комплексе переплетения биологических, социальных и психологических аспектов. Психофизиологический механизм репродуктивной сферы, объединяет психологию, физиологию, мотивационно-потребностную сферу и ценностно-смысловые образования. Обзор исследований показал, что изменения в понимании психологии бесплодия и консультирования при бесплодии носят ключевой характер.

Ключевые слова: бесплодие, бесплодие неясной этиологии, фертильность, инфертильность, репродуктивная сфера, репродуктивный возраст.

Для цитирования: Восканян Я.Ю. Психологические теории бесплодия: эволюция представлений / Я.Ю. Восканян, О.С. Васильева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 159–172. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14934730>.

Введение. На сегодняшний день бесплодие является значимой проблемой мирового масштаба. Браки с бесплодием регистрируются в 10–20% случаев. С одной стороны, наблюдается тенденция в снижении желания иметь ребенка среди молодежи, с другой стороны, проблемы в наступлении беременности возрастают. Если принять все пары за 100%, то в 33,3% случае причина бесплодия – мужской фактор, в 33,3% – женский фактор, у остальных пар бесплодие с обеих сторон [48]. За последние 30 лет наряду с изменениями в медицинской сфере в части изучения причин и методов лечения бесплодия произошли существенные изменения в практике психологического консультирования. Наблюдается значимая тенденция роста обращений по вопросам фертильности.

Основанием для постановки диагноза бесплодие является отсутствие беременности после одного года активных попыток зачатия без предохранения [51].

Доля женщин с бесплодием, причины которого не могут быть идентифицированы, достигает ¼ всех женщин, имеющих проблемы с фертильностью. Следует отметить, что с увеличением числа пар с бесплодием доля случаев с неясным бесплодием пропорционально увеличивается [6].

Несмотря на то, что с 1930-х гг. по настоящее время ученые исследуют значимость психологических факторов в патогенезе бесплодия, данная тема недостаточно хорошо разработана. Основная проблема состоит в отсутствии единого теоретического подхода, объединяющего все уровни психологии репродуктивной сферы. Тем самым сложившаяся ситуация все больше привлекает интерес научного сообщества к изучению данной темы.

Цель исследования – эволюция представлений о психологических теориях бесплодия. Наше исследование позволит лучше понять природу данного явления, психофизиологические механизмы его возникновения и влияние его последствий на жизнь каждой личности и в целом пар, столкнувшихся с проблемой бесплодия.

Основная часть. Упоминания о бесплодии пронизывают всю историю человечества. Уже в эпоху античности и раннего Средневековья Аристотель и Ибн-Сина (Авиценна) задавались вопросом о причинах бесплодия. Независимо от времени проблема бесплодия воспринималась обществом как несоответствие основному предназначению человека. Отсутствие возможности в удовлетворении видовых потребностей на биологическом уровне переживалась как мужчинами, так и женщинами [11].

Обратившись к эволюции человеческой цивилизации, мы обнаружили тесную взаимосвязь бесплодия с деструктивными изменениями брачно-семейных отношений. Популяризация гражданских браков, супружеских измен, разводов, однополых и полигамных браков негативно сказывались на системе рода и препятствовали его продолжению. Как правило, в тех случаях, когда человеку угрожала опасность или же он находился в положении неопределенности, под влиянием стресса блокировались его репродуктивные функции. Ряд исследований свидетельствует о психологической незрелости потенциальных родителей [3; 10; 14; 15]. Кризис брачно-семейных отношений и кризис родительства отчетливо проявляются в XXI веке.

Невозможность зачать ребенка в течение одного года активных попыток без контрацепции характеризуется как бесплодие (инфертильность) [4]. *Фертильность* (*fertilis*) в переводе с латинского означает 'плодородный'. Барбьери Р.Л. характеризует фертильность как способность организма к зачатию и деторождению. Снижение овуляторного запаса свидетельствуют о снижении фертильности [17].

Репродуктивный возраст женщин характеризуется индивидуальными особенностями и определяется уровнем фертильности, на который влияют как внутренние, так и внешние факторы. С возрастом репродуктивные возможности организма снижаются. На сегодняшний день репродуктивный возраст женщин достигает приблизительно 49 лет.

Гуттмахер А.Ф. отмечает сложность расчета частоты бесплодия. Данный показатель зависит от определения бесплодия, используемого в расчетах. Так, по одним данным, после 6 месяцев безуспешных попыток забеременеть женщин в возрасте свыше 35 лет относят к категории инфертильных и им рекомендовано диагностическое обследование, по другим данным, женщин детородного возраста (от 15 до 49 лет) относят к инфертильным после 12 месяцев активных попыток без контрацепции. Таким образом, изменение численности инфертильных и фертильных пар влияет на показатель частоты бесплодия [36].

Рассматривая вопрос о бесплодии, мы обращаемся к классификации его форм. Абсолютное бесплодие характеризуется патологическими изменениями в организме, при которых отсутствует возможность зачатия. Относительное бесплодие объясняется снижением потенциала организма к зачатию. Также важно отметить первичное и вторичное бесплодие. В первом случае беременности никогда не было, во втором беременность была, но впоследствии ни при каких условиях забеременеть не получалось.

Особый интерес на сегодняшний день представляет бесплодие неясного генеза (этиологии), при котором причины ненаступления беременности установить невозможно, несмотря на высокотехнологичное оборудование. В данном случае необходимо рассмотреть психологические факторы, ведущие к психогенному (идиопатическому) бесплодию [8; 9; 1; 7].

С течением времени было предложено несколько поэтапных теорий, описывающих эволюцию психологии бесплодия.

Психогенная теория бесплодия. Берг Б.Дж. и Уилсон Дж.Ф. являются основателями психогенной теории бесплодия. В 1930 г. они представляют концепцию, рассматривающую случаи бесплодия, причины которых не могут быть диагностированы. В 30% случаев идентифицировать причины было невозможно с одной стороны из-за отсутствия инструментария, с другой стороны предполагалось, что причины бесплодия кроются в психопатологических состояниях пациентов [49].

В 1943 г. Меннингер У.К. пришел к заключению, согласно которому, в основе этиологии бесплодия могут лежать различные формы психического конфликта [43].

В 1952 г. Фишер И.К. в исследовании женщин с необъяснимым бесплодием дает описание личностных характеристик, несовместимых с материнством. Одних женщин он характеризует как слабых, эмоционально незрелых, инфантильных, другие же полностью противоположны этому психотипу, это властные и амбициозные карьеристки. Они агрессивны и в какой-то степени даже мужеподобны [31].

В 1962 г. Белоношкин Б. видел причины мужского бесплодия во взаимоотношениях матерей с сыновьями. Он отмечал, что матери, чьи сыновья имеют проблемы с фертильностью, в своем большинстве деспотичные женщины, манипулируя чувством любви, требовали соблюдения жестких моральных норм и чрезмерно контролировали своих сыновей. Он также допускал, что сексуальные запреты матерей вызывали чувство тревоги у сыновей [18]. Данной точки зрения придерживались в годы сексуальной революции, когда мужское бесплодие соотносили с давлением со стороны сексуально раскрепощенных женщин, для которых сексуальные связи отождествлялись с взаимовыгодным партнерством [26].

Со временем психогенная теория бесплодия утратила популярность в связи с увеличением возможностей нового диагностического оборудования. Несмотря на это, психоаналитический анализ проблем по-прежнему продолжался [23], хотя в целом ученые придерживались мнения, согласно которого психологические факторы не могут быть единственной причиной длительного бесплодия [50].

Со временем психосоматическая теория преобразовалась в мультифакторную [30; 41]. Ученые обнаружили уязвимость пациентов к психологическим интервенциям. Мультифакторные модели описывают детерминанты болезненных состояний и последствий с учетом индивидуальных характеристик личности. Опубликован ряд исследований, посвященных изучению психобиологической связи стресса и бесплодия. Многие исследования показывают, что психологические факторы, несомненно, влияют на вероятность зачатия. Однако по-прежнему между учеными продолжаются дебаты в отношении наличия связи между психологическим воздействием стресса и бесплодием. Одни предполагают наличие негативного эффекта, другие нет [25; 32].

Наследие психогенной теории бесплодия представляет несомненную ценность. Психогенная теория способствовала проникновению психологии в сферу гинекологии, чего могло бы и не произойти, если бы психологи, в рамках своей работы, предлагали только лишь методы способствующие улучшению самочувствия пациентов. Благодаря исследованиям, посвященным изучению психосоматических вопросов взаимосвязи

стресса и бесплодия, мы можем лучше понимать причины препятствующие наступлению беременности. Однако следует отметить и менее позитивную сторону наследия. Сильный акцент в исследовании причин психогенного бесплодия, нежели последствий данного явления, не принес пользы парам совладающим с последствиями эмоционального и социального потрясения.

Теория жизненного кризиса. В 1977 г. Меннинг Б.Э., исследуя необъяснимое бесплодие, разрабатывает теорию жизненного кризиса.

В рамках модели жизненного кризиса бесплодие рассматривается как одно из главных негативных жизненных событий. В фокусе этой теории – психологические последствия бесплодия. Также в своих работах Меннинг делает акцент на пути снижения стресса, продуцированного бесплодием [27; 44]. Последователи модели, основанной на жизненном кризисе, считают, что пары, совладающие с бесплодием, в своем большинстве психически здоровы, а причины бесплодия носят в большей степени физиологический характер, нежели психологический, даже в случаях, когда этиология бесплодия неизвестна. Однако постановка диагноза бесплодие способствует возрастанию уровня тревожности и стресса. Также установлено, что пациенты с бесплодием сложнее адаптируются к жизненным трудностям [47]. При попытке разобраться, что представляет собой жизненный кризис, мы приходим к заключению о том, что возникновение непредвиденного и отрицательно влияющего события на человека, нарушающего его устойчивое состояние, и есть жизненный кризис. Несбыточность какого-то жизненно важного события также способствует возникновению кризиса. Родительство ассоциируется с ритуалом посвящения, схожим с переходом подобным пубертатному периоду, вступлению в брак или же выходу на пенсию. Отсутствие возможности стать родителями и полноценной личностью и отсутствие достижения социально значимой цели может быть причиной жизненного кризиса [33; 44]. Для многих родительство является самой главной ролью в жизни, и потеря этой роли ведет к кризису.

Бесплодие оказывает негативное влияние как на женщин, так и на мужчин, при этом степень воздействия определяется типом личности, стратегией совладания с жизненными трудностями и мотивацией рождения ребенка. Теория жизненного кризиса имеет определенное сходство с моделью проживания горя Кюблер-Росс. Чувства, которые испытывают при бесплодии, варьируются от шока и отрицания к злости, изоляции, чувству вины и горя. В работе с парами, которые столкнулись с бесплодием, Меннинг использовала техники для работы с горем/потерями, кризисными ситуациями. Следует отметить, что для работы с кризисными состояниями требуется помощь профессионалов в области психического здоровья. Другие авторы отмечают, что кризис впоследствии переходит в хронические состояния и требует дополнительной долгосрочной терапии [19; 33].

С целью поддержки пар, столкнувшихся с бесплодием, Меннинг Б.Э. основала компанию Resolve. Она также является автором книги «Руководство для бездетной пары» по самопомощи при бесплодии. В своей работе Меннинг охватывает причины мужского и женского бесплодия, медицинские и психологические подходы в разрешении их. В книге также описаны реальные истории и приведены цитаты из жизни пациентов, столкнувшихся с проблемой бесплодия. Пациенты делятся своими чувствами и опытом, что способствует более реалистичному восприятию бесплодия читателями. Читая книгу, пары с бесплодием обнаруживают, что они не одни находятся в условиях жизненного кризиса, и открывают для себя множество альтернативных способов зачатия и рождения детей.

Данная концепция также сменила фокус клинической и исследовательской деятельности. Исследователи обратили внимание на роль форумов и групп поддержки в улучшении самочувствия пациентов, людей с проблемами фертильности, которые предпочитают не обращаться за лечением бесплодия.

На сегодняшний день область исследований существенно расширена в части позитивного или негативного влияния бесплодия на качество жизни. При сравнении эмоциональных переживаний у женщин и мужчин установлено, что женщины переживают бесплодие сложнее, чем мужчины. Отмечается также, что проживание жизненного кризиса, связанного с бесплодием, способствует укреплению отношений между супругами [20].

В целом, теория жизненного кризиса оказала существенное влияние на развитие психологии бесплодия. Удерживая фокус внимания на исследовании негативных последствий бесплодия и его лечение, данная концепция способствовала развитию психологической поддержки пар с бесплодием. Теория жизненного кризиса доминировала достаточно долго в практике консультирования при бесплодии. Однако данный подход не учитывал индивидуальных различий в реакциях на бесплодие, и считалось, что всем пациентам необходима психологическая поддержка. Впоследствии фокус был смещен на практические и образовательные программы, совмещенные с процессом лечения, для эмоционально страдающих из-за бездетности, и по-прежнему старающихся стать родителями, пар.

Биопсихосоциальная теория. В 1997 г. Паш Л.А. и Данкель-Шеттер К. пришли к заключению, что влияние бесплодия в большей степени соответствует модели стресса и преодолению трудностей, нежели модели жизненного кризиса, который должен решаться на уровне супружеской пары [28]. Бесплодие как меняет идентичность личности, так и воздействует на представления пары об их будущем [33] и из поколения в поколение оказывает влияние на родителей, братьев и сестер [21].

В работах Гоува У.Р. и Карпентера Г.Р. показано, что совокупность биологических, психологических и социальных факторов существенно влияет на человека. И именно эти три аспекта являются основополагающими в биопсихосоциальной теории бесплодия. В рамках этой теории бесплодие описывается как жизненный кризис, оказывающий существенное влияние как на личность, являющуюся условно инфертильной, так и на ее партнера и отношения в паре в целом. Другие члены семьи, друзья, находясь в тесном контакте с инфертильной парой, также испытывают на себе негативный шлейф проживания супружеского бесплодия. Таким образом, мы видим, что диагноз бесплодие является достаточно драматичным событием в жизни пары, которое способствует возникновению внутриличностного и межличностного кризиса, проявляющегося в эмоциональной сфере и физиологии. Также описываются сложности в совладании с жизненным кризисом у пар с бесплодием [34].

В исследовании Мейерс М. и соавторов сообщается, что дети детерминируют смысл жизни, идентичность и статус личности [45]. При диагностике причин ненаступления беременности пары испытывают стресс, усиливающийся при постановке диагноза бесплодие и его лечения. Опыт проживания бесплодия отрицательно сказывается как на самооценке, так и самоидентификации, способствует развитию негативных представлений о себе [33]. Исследования показали, что мужчины испытывают более сильный стресс из-за проблем со своей фертильностью, чем, если это проблема их партнерши. Хотя в целом мужчины проживают бесплодие пары менее болезненно, чем женщины [46].

Эмоциональные последствия бесплодия могут серьезно повлиять на человека [24], супружескую пару [40]. Ряд исследований показал, что эмоциональное благополучие бесплодных женщин было ниже, чем у других женщин [24], в то время как другие исследования не выявили различий.

Эмоциональные реакции на бесплодие включают гнев, депрессию и чувство вины. К концу диагностики фертильности по крайней мере один из членов пары часто чувствует себя виноватым.

В исследованиях упоминаются стыд, вина, гнев и самообвинение как эмоции, которые влияют на взаимоотношения супругов и их коммуникацию [21; 45]. Другие проблемы в браке возникают из-за финансовых трудностей, сексуальной дисфункции и общих проблем с общением. Также в некоторых исследованиях отмечается, что в процессе борьбы с бесплодием одни женщины были менее удовлетворены супружескими отношениями по сравнению с мужчинами, в других показана большая удовлетворенность у женщин, чем у мужчин, но показатели для обоих полов были в пределах нормы. Сообщается о снижении сексуальной удовлетворенности у бесплодных пар по сравнению с другими парами [38]

Биопсихосоциальная теория подчеркивает важность социальной поддержки в совладании с бесплодием и его последствиями. Поддержка членов семьи, друзей является значимой и благоприятно влияет на ход лечения и, соответственно, вероятность наступления беременности. Снижение необходимой поддержки из-за стигматизации и дезинформации отрицательно сказывается на лечении.

Женщины сообщают, что оказывают и получают больше поддержки из различных источников и более удовлетворены получаемой поддержкой, чем их партнеры. Однако женщины чаще слышат нежелательные советы и негативные комментарии в связи с проблемами в наступлении беременности.

В своем исследовании Адлер Дж.Д. и Боксли Р.Л. не обнаружили различий между фертильными, бесплодными и бывшими бесплодными испытуемыми по уровню совладания. Упоминается, что в зависимости от ситуации могут быть полезны различные стратегии совладания [16]. Сообщается, что инфертильные женщины реагируют на диагноз бесплодие двойственно: одни воспринимают данную ситуацию как факт потери, другие, напротив, как призыв к действию [37]. Лазарус Р.С., Фолкман С. предположили, что люди с чрезмерно развитой функцией контроля используют методы решения проблем, в то время как те, кто не контролирует ситуацию, используют методы совладания, ориентированные на эмоции [39]. Макквини Д.А., Стэнтон А.Л., Сигмон С. обнаружили, что как группы, ориентированные на эмоции, так и группы, ориентированные на решение проблем, были полезны людям, страдающим бесплодием, и преимущества, ориентированные на эмоции, имели более непосредственный эффект, в то время как вмешательство, ориентированное на решение проблем, имело долгосрочные преимущества. По мнению исследователей, в зависимости от стадии лечения можно успешно использовать как первый, так и второй тип совладания [42].

В 1997 г. Левин Дж. и соавторы исследовали согласованность стилей совладания при лечении бесплодия, обнаружили различия в стилях совладания мужчин и женщин. В зависимости от стадии лечения и соответствующего применения стиля совладания уровень дистресса и удовлетворенность браком изменяются как у мужчин, так и женщин, поскольку они по-разному реагируют на происходящее событие. Так, при эффективном выполнении парой необходимых процедур у женщин была выявлена высокая удовлетворенность отношениями в браке. При низкой активности к выполнению необходимых задач в паре у женщин выявлена низкая удовлетворенность отношениями

в браке. Сообщается, что женщины на начальной стадии лечения бесплодия были больше удовлетворены отношениями с партнером, нежели на поздней стадии. На более позднем этапе лечения при низком уровне эмоционально ориентированного совладания у мужчин отмечается более высокая удовлетворенность браком, чем у женщин. При высоком уровне эмоционально ориентированного совладания у партнеров был выявлен высокий уровень дистресса у мужчин [40].

Сценические модели с биопсихосоциальной точки зрения. В 1990 г. Бленнер Дж.Л. провел качественное исследование, где приняли участие 25 супружеских пар. Его сценическая модель представляет собой восемь психологических этапов, которые он подразделяет на три категории: вовлеченность, погружение, отстранение. Он подчеркивает важность каждой стадии для осознания психологического воздействия бесплодия. Через осознание, погружение в новую реальность пары обретают надежду и уверенность. Далее происходит усиление лечения и постепенный переход к снижению интенсивности по нисходящей спирали. На последней стадии необходимо отпустить ситуацию и сместить фокус. Конечно же, эффективность применения данной модели зависит от личностных особенностей [22].

В 1991 г. исследование Берг Б.Дж. и Уилсона Дж.Ф. было также направлено на изучение психологического эффекта бесплодия на пациентов. Их интересовала длительность бесплодия и период проходимого лечения. В рамках данной модели ученые выделяют три важных этапа: идентификация инфертильности с собой, принцип регулярного лечения, продолжительность курса лечения. Установлено, что время прохождения курса реабилитации зависит от индивидуальных особенностей, а также внешних факторов, таких как безуспешный опыт предыдущего дорогостоящего лечения, потеря веры в положительный исход лечения. Кто-то проходит весь курс в течение года, кому-то необходима адаптация сроком более трех лет. В течение одного периода времени люди могут по-разному проживать бесплодие и адаптироваться к новой реальности [19].

Терапевтические подходы, описанные в работе Даймонда Р. и соавторов, имеют существенное значение в психологии консультирования пар, столкнувшихся с бесплодием. В своей терапевтической модели авторы подчеркивают значимость шести последовательных ступеней, необходимых для прохождения: осознание проблемы; первые шаги на пути к диагностике и лечению; промежуточное и позднее погружение – периоды тестирования, борьбы и нахождения в неопределенности. Фаза разрешения включает в себя прекращение медицинского лечения, оплакивание потери биологического ребенка и продолжение жизни. На этапе наследия может потребоваться решение проблем, связанных с бесплодием, включая чувство печали [29].

Геррити Д.А. изучала отдельных людей и супружеские пары на пяти стадиях бесплодия. Она обнаружила различия в тревожности и методах преодоления бесплодия в зависимости от пола и стадии бесплодия. В исследовании были выделены следующие пять стадий:

- 1) предварительная диагностика: менее чем через один год после возникновения подозрения на проблемы, процесс диагностического обследования;
- 2) начальный этап лечения: начат план лечения, диагностическое обследование продолжается (обычно проблемы с фертильностью существуют менее двух лет, диагностирована одна проблема, возможно, вы обращались к специалисту, а возможно, и нет);
- 3) основной этап лечения: в течение 2–5 лет пациенты проходят более одного курса лечения под наблюдением трех и более специалистов;

4) этап пролонгированного лечения: пациенты с многочисленными причинами бесплодия, а также с бесплодием неустановленной этиологии наблюдаются у нескольких специалистов 5 и более лет;

5) окончание лечения: пациенты завершают медицинский компонент лечения бесплодия и не планируют его продолжать. Основные причины: диагностика проблем, не поддающихся лечению, рождение детей, усыновление детей, решение остаться бездетными [35].

Подводя итог рассмотрению биопсихосоциальной теории, следует сказать, что она широко применялась для понимания и лечения проблем бесплодия. Она в комплексе рассматривает психологические аспекты бесплодия и способствует преодолению последствий эмоционального, физического и экзистенциального кризиса возникающего в семьях на фоне проблем с бесплодием. От ранее рассмотренных теорий, биопсихосоциальную теорию отличает широкий спектр положительного влияния как на жизнь пар с бесплодием, так и их семьи. В рамках теории учитываются индивидуальные особенности людей. К сожалению, не смотря на многообразие вариантов по лечению бесплодия, подходят они далеко не всем.

Теория психофизиологических механизмов репродуктивной сферы человека.

Филипова Г.Г. отмечает отсутствие единого теоретического подхода, который мог бы объединить психические, физиологические и поведенческие механизмы реализации репродуктивной деятельности человека [13]. Со своей стороны она описывает возможность реализации репродуктивной функции организма, опираясь на теорию функциональных систем Анохина П.К. [2] и теорию ведущей доминанты Ухтомского А.А. [12]. Поддержание жизнедеятельности организма, в том числе способность к размножению, обеспечивается посредством функциональных систем. Физиологические и психические механизмы объединены в систему, управляющую поведением человека, для возможности осуществления репродуктивной функции, неотъемлемой частью которой являются и сексуальное влечение, и процессы от зачатия до рождения и воспитания ребенка. Реализация репродуктивной функции возможна благодаря мотивационному потенциалу поведения, целью которого является рождение ребенка. Доминирование альтернативных систем ведет к торможению функциональной системы [5], отвечающей за реализацию функции деторождения. Психологическую неготовность женщины к материнству можно также объяснить искажением образа своего материнства и появления ребенка, сдвигом мотива на цель, где самоцелью становится преодоление бесплодия, а не рождение ребенка.

По мнению Филипповой Г.Г., формирование доминанты материнства, управляющей психофизиологическим процессом организма женщины, способствует реализации репродуктивной функции. При возникновении конфликта между удовлетворением личностных и видовых потребностей в продолжение рода срабатывает психосоматический механизм, ведущий к нарушению репродуктивных функции и бесплодию [13].

Рассматривая теорию психофизиологических механизмов репродуктивной сферы, мы приходим к пониманию глубинных психологических механизмов в организации репродуктивной сферы. Реализация репродуктивной функции представляет собой психофизиологический процесс, неотъемлемой частью которого являются взаимодействие мотивационно-потребностной сферы и ценностно-смысловых образований, где преобладание доминанты материнства над альтернативными системами благотворно влияют на зачатие и рождение ребенка.

Заключение. Подводя итог обзору представлений о психологических теориях бесплодия, мы приходим к выводу, что все теории обладают определенной эффективностью и используются для понимания и лечения проблем бесплодия. Анализируя данные, мы убедились в том, что психологические факторы играют существенную роль в патогенезе бесплодия. Психогенная теория бесплодия, теории жизненного кризиса, биопсихосоциальная теория и теория психофизиологических механизмов репродуктивной сферы прекрасно дополняют друг друга, и могут использоваться в работе с парами в полимодальном подходе.

Анализ психогенной теории бесплодия позволяет прийти к заключению о возможных причинах психогенного бесплодия: психопатологические состояния пациентов; психические конфликты; личностные характеристики, несовместимые с материнством; межличностные отношения.

Теория жизненного кризиса сфокусирована на эмоциональных, социальных, межличностных, физиологических последствиях бесплодия. Следует отметить, что больше внимания уделяется изучению последствий бесплодия, нежели его причинам. В рамках теории жизненного кризиса пары с репродуктивными проблемами сталкиваются с жизненным кризисом, который кажется непреодолимым, и один из супругов испытывает чувство вины в связи с неисполнением своей роли и отсутствием биологических детей. Таким образом, бесплодие может вызвать серьезные проблемы в браке и стать проблемой для миллионов семей. По мнению Меннинг Б.Э. оказание психологической поддержки, работа в группах поддержки способствуют улучшению самочувствия пациентов, и благоприятно влияют на возможность зачатия.

Биопсихосоциальная теория рассматривает индивидуальные особенности пар, позволяет осознать возможные последствия бесплодия для супругов с целью оказания своевременной и необходимой психологической поддержки и эффективности лечения бесплодия. В процессе консультирования пар, борющихся с бесплодием, необходимо учитывать специфику и сложность их взаимодействия с окружением. Оказание психосоциальной поддержки является одним из важнейших компонентов комплексного лечения бесплодия. При совладании с новой реальностью значимой является поддержка семьи и друзей.

В рамках теоретического подхода, основанного на психофизиологическом механизме репродуктивной сферы, показана ведущая роль материнской доминанты, при смещении которой функциональная система дает сбой и ведет к нарушению репродуктивного здоровья.

Анализ теоретических подходов в исследовании психологических аспектов бесплодия позволил нам сформировать целостное представление о феномене бесплодия и его психологических аспектах.

На сегодняшний день психосоциальная помощь, консультирование по вопросам бесплодия, психотерапия, являются взаимодополняющими элементами поддержки при бесплодии. По мере появления новых психологических концепций переживания бесплодия психотерапевтические методы в поддержке пациентов и лечении бесплодия могут быть основаны на полимодальном подходе. И, как итог, иметь множество различных результатов в части поведения, эмоций, взаимоотношений и когнитивных способностей, благотворно влияющих на зачатие. Особое внимание необходимо уделить повышению квалификации специалистов в области ментального здоровья с целью интеграции имеющихся знаний в комплекс программ, направленных на работу с парами как на этапе исследования этиологии бесплодия, так и в процессе лечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев В.А. Психология здоровья / В.А. Ананьев. – СПб.: Речь, 2006. – 384 с.
2. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 197 с.
3. Аникина В.О. Эмоциональное состояние женщин, использующих вспомогательные репродуктивные технологии: обзор современных зарубежных исследований / В.О. Аникина, М.Е. Блох, С.С. Савеньшева // Мир науки. Педагогика и психология [Электронный ресурс]. – 2020. – Т. 8, № 6. – 13 с. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/76PSMN620.pdf> (дата обращения: 18.12.2024).
4. Карр Б. Руководство по репродуктивной медицине / Б. Карр, Р. Блэкуэлл, Р. Азис. // Пер. с англ. под общ. ред. д.м.н., проф. И.В. Кузнецовой. – Москва М.: «Практика», – 2015. – 832 с.
5. Крыжановский Г.Н. Детерминантные структуры в патологии нервной системы Генератор. механизмы нейропатол. синдромов. / Г.Н. Крыжановский. – М.: Медицина, – 1980. – 358 с.
6. Ланцбург М.Е. Исследования психосоматических аспектов гинекологических и андрологических заболеваний и бесплодия: обзор современных зарубежных исследований / М.Е. Ланцбург, Т.В. Крысанова, Е.В. Соловьева // Современная зарубежная психология. – 2016. – Том 5. №2. – С. 67–77. doi: 10.17759/jmfp.2016050209.
7. Кулаков С.А. Основы психосоматики / С.А. Кулаков. – СПб.: Речь, – 2003. – 288 с.
8. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика: Справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М: Эксмо, – 2005. – 992 с.
9. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. Пер. с англ. Е.И. Замфир под ред. проф. М.М. Решетникова / Д. Пайнз. – СПб. : совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К. – 1997. – 195 с.
10. Соловьева Е.В. Психическое развитие детей раннего возраста, зачатых посредством экстракорпорального оплодотворения, и их взаимодействие с матерями: дис. канд. психол. наук. / Е.В. Соловьева. Москва, – 2016. – 225 с.
11. Троцук И.В. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи / И.В. Троцук, А.Д. Парамонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16. № 3. – С. 542–558.
12. Ухтомский А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский. – М.: Л.: Наука. – 1966. – 273 с.
13. Филиппова Г.Г. Психология репродуктивной сферы человека: методология, теория, практика / Г.Г. Филиппова // Медицинская психология в России: электронный научный журнал [Электронный ресурс]. – 2011. – № 6. – Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2011_6_11/nomer/nomer05.php (дата обращения: 15.12.2024).
14. Филиппова Г.Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий / Г.Г. Филиппова // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика [Электронный ресурс]. – 2014. – № 3 (5). – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (дата обращения: 10.12.2024).
15. Филиппова Г.Г. Стресс и нарушение репродуктивной функции / Г.Г. Филиппова // Антология Российской психотерапии и психологии: Сетевое научно-практическое издание: Материалы итогового международного конгресса «Психология и психотерапия каждого дня и всей жизни»: Москва, 15–18 ноября 2018 г. / Под ред. В.В. Макарова, С.Ц. Камаловой, А.Е. Булычевой. Москва: Общероссийская профессиональная психотерапевтическая лига. – 2018. – С. 69–72.
16. Adler J.D. The psychological reactions to infertility: Sex roles and coping styles / J.D. Adler, R.L. Boxley // Sex roles. – 1985. – Vol.12. – pp. 271–279.
17. Barbieri R.L. Yen & Jaffe's Reproductive Endocrinology / R.L. Barbieri, J.F. Strauss // 8th ed. Edited by: J.F. Strauss, R.L. Barbieri. Philadelphia: Saunders. 2019. – pp. 979-1006 – doi.org/10.1016/C2015-0-05642-8.
18. Belonoschkin B. Psychosomatic factors and matrimonial infertility / B. Belonoschkin // International Journal of Fertility and women's medicine. – 1962. – Vol. 7. – pp.29–36.
19. Berg B.J. Psychological functioning across stages of treatment for infertility / B.J. Berg, J.F. Wilson // Journal of Behavioral Medicine. – 1991. – Vol.14, №1. – pp. 11-26. – DOI:10.1007/BF00844765.
20. Boivin J. Evolution of psychology and counseling in infertility / J. Boivin, S. Gameiro // Fertility and Sterility. – 2015. – Vol.104, №2. – pp. – 251–259. – DOI:10.1016/j.fertnstert.2015.05.035.
21. Burns L.H. Infertility counseling: A comprehensive handbook for clinicians / L.H. Burns, S.N. Covington // Cambridge University Press. – 2006. – 678 P. – DOI: 10.1017/CBO9780511547263.
22. Blenner J.L. Passage through infertility treatment: A stage theory / J.L. Blenner // Image Journal of Nursing Scholarship. – 1990. – Vol. 22. – pp. 153–158.
23. Christie G.L. Some sociocultural and psychological aspects of infertility / G.L. Christie // Hum Reprod – 1998. – Vol.13, №1. – pp. 232–241. – DOI: 10.1093/humrep/13.1.232.

24. Daniluk J.C. Infertility: Intrapersonal and interpersonal impact / J.C. Daniluk // *Fertility and Sterility*. – 1988. – Vol.49, Issue 6. – pp. 982–990.
25. De Liz T.M. Differential efficacy of group and individual couple psychotherapy with infertile patients / T.M. De Liz, B.A. Strauss // *Human Reproduction*. – 2005. – Vol. 20, №5. – pp. 1324–1332. – DOI:10.1093/humrep/deh743.
26. De Watteville H. Psychological factors in the treatment of sterility / H. De Watteville // *Fertil Steril*. – 1957. – Vol. 8, №1. – pp. 12–24. – DOI: 10.1016/s0015-0282(16)32582-1.
27. Donniss S. Common themes of infertility: A counseling mode / S. Donniss // *Journal of Sex Education and Therapy*. – 1984. – Vol.10. – pp. 11–15.
28. Dunkel-Schetter C. Fertility problems: Complex issues faced by women and couples / C. Dunkel-Schetter, L.A. Pasch // In K. Gallant et al. (Eds.), *Health care for women: Psychological, social and behavioral influences*. Washington, DC: American Psychological Association. – 1997. – pp. 187–201.
29. Diamond R. Couple therapy for infertility / R. Diamond, D. Kezur, M. Meyers, C.N. Scharf, M. Weinshel // *New York: Guilford*. – 1999. – 243 p.
30. Engel G. The need for a new medical model: a challenge for biomedicine / G. Engel // *Science*. – 1977. – Vol. 8, №196. – pp. 129–135. – DOI: 10.1126/science.847460.
31. Fischer I.C. Psychogenic aspects of infertility / I.C. Fischer // *International Journal of Fertility and women's medicine*. – 1952. – Vol. 4. – pp. 466–471.
32. Frederiksen Y. Efficacy of psychosocial interventions for psychological and pregnancy outcomes in infertile women and men: a systematic review and meta-analysis / Y. Frederiksen, I. Farver-Vestergaard, N.G. Skovgard, H.J. Ingerslev, R. Zachariae // *BMJ Open*. – 2015. – Vol. 5, №1. – DOI:10.1136/bmjopen-2014-006592.
33. Forrest L. Infertility: An unanticipated and prolonged life crisis / L. Forrest, M.S. Gilbert // *Journal of Mental Health Counseling*. – 1992. – Vol.14, №1. – pp. 42–58.
34. Gove W.R. A restatement of the issue. In W.R. Gove & G.R. Carpenter (Eds.) *the fundamental connection between nature and nurture* Lexington / W.R. Gove, G.R. Carpenter // MA: Lexington Books. – 1982. – pp. 289–302.
35. Gerrity D.A. Five medical treatment stages of infertility: Implications for counselors / D.A. Gerrity // *The Family Journal*. – 2001. – Vol. 9, №2. – pp. 140–150.
36. Guttmacher A.F. Factors affecting normal expectancy of conception / A.F. Guttmacher // *J Am Med Assoc*. – 1956. – Vol.161, №9. – pp. 855–60. – DOI: 10.1001/jama.1956.02970090081016.
37. Hansell P.L. The relationships of primary appraisals of infertility and other gynecological stressors to coping / P.L. Hansell, B.E. Thorn, S. Prentice-Dunn, D.L. Floyd // *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. – 1998. – Vol. 5. – pp. 133–145. – doi.org/10.1023/A:1026238530050.
38. Hirsch A.M. The effect of infertility on marriage and self-concept / A.M. Hirsch, S.M. Hirsch // *Journal Obstet. Gynecol. Neonatal Nurs*. – 1989. – Vol.18, №1. – pp. 13–20. – DOI: 10.1111/j.1552-6909.1989.tb01611.x.
39. Lazarus R.S. *Stress, Appraisal and Coping* / R.S. Lazarus, S. Folkman // *New York: Springer*. – 1984. – pp. 444.
40. Levin J.B. The effect of intracouple coping concordance on psychological and marital distress in infertility patients / J.B. Levin, T.G. Sher, V. Theodos // *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. – 1997. – Vol.4. – pp. 361–372.
41. Lipowski Z.J. What does the word 'psychosomatic' really mean? A historical and semantic inquiry / Z.J. Lipowski // *Psychosom. Med*. – 1984. – Vol.46, №2. – pp. 153–71. – DOI: 10.1097/00006842-198403000-00007.
42. McQueeney D.A. Efficacy of emotion focused and problem focused group therapies for women with fertility problems / D.A. McQueeney, A.L. Stanton, S. Sigmon // *Journal of Behavioral Medicine*. – 1997. – Vol.20. – pp. 313–331.
43. Menninger W.C. The emotional factors in pregnancy / W.C. Menninger // *Bulletin of the Menninger Clinic*. – 1943. – Vol.7. – pp. 15–24.
44. Menning B.E. *Infertility: A guide for the childless couple* / B.E. Menning // Englewood Cliffs N.J.: Prentice-Hall. – 1977. – 178 p.
45. Meyers M. An infertility primer for family therapists: II. Working with couples who struggle with infertility / M. Meyers, M. Weinshel, C. Scharf, D. Kezur, R. Diamond, D.S. Rait // *Family Process*. – 1995. – Vol.34. – pp. 231–240.
46. Nachtigall R.D. The Effects of gender specific diagnosis on men's and women's response to infertility / R.D. Nachtigall, G. Becker, M. Wozny // *Fertility and Sterility*. – 1992. – Vol.57. – pp. 113–121.

47. O'Moore A.M. Psychosomatic aspects in idiopathic infertility: Effects of treatment with autogenic training / A.M. O'Moore, R.R. O'Moore, R.F. Harrison, G. Murphy, M.E. Carruthers // *Journal of Psychosomatic Research*. – 1983. – Vol.27, №2. – pp. 145–151. – DOI:10.1016/0022-3999(83)90091-0

48. Rakhimova M.M. Infertility in women classification, symptoms, causes and factors, recommendations for women / M.M. Rakhimova // *Science and innovation*. – 2022. – Vol.1, №7. – doi.org/10.5281/zenodo.7246833

49. Templeton A.A. The incidence, characteristics and prognosis of patients whose infertility is unexplained / A.A. Templeton, G.C. Penney // *Fertility and Sterility*. – 1982. – Vol.7, №2. – pp. 175–182. – DOI: 10.1016/s0015-0282(16)46035-8

50. Wischmann T.H. Psychogenic infertility myths and facts / T.H. Wischmann // *J Assist Reprod Genet*. 2003. – Vol.20, №12. – pp. 485–494. – DOI: 10.1023/b:jarg.0000013648.74404.9d.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

51. American Society for Reproductive Medicine. 2014. Fact sheet: Infertility [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reproductivefacts.org/patient-journeys/female-fertility-journey/> (дата обращения: 20.12.2024)

REFERENCES

1. Anan'ev, V.A. (2006). *Psihologija zdorov'ja* [Psychology of health]. SPb.: Rech', 384 p. (In Russian).

2. Anohin P.K. (1980). *Uzlovye voprosy teorii funkcional'nyh sistem* [Key issues in the theory of functional systems]. M.: Nauka, 197 p. (In Russian).

3. Anikina V.O., Bloh M.E., Savenysheva S.S. (2020). Jemocional'noe sostojanie zhenshhin, ispol'zujushhih vspomogatel'nye reproduktivnye tehnologii: obzor sovremennyh zarubezhnyh issledovanij [Emotional states of women using assisted reproductive technologies: review of contemporary international research data]. *Mir nauki. Pedagogika i psixologiy* [World of Science. Pedagogy and psychology], 8(6), 13 p. (in Russian).

4. Karr B., Bljekujell R., Azis R. (2015). *Rukovodstvo po reproduktivnoj medicine* [Guidelines for Reproductive Medicine]. M.: Praktika, 832 p. (in Russian).

5. Kryzhanovskij G.N. (1980). *Determinantnye struktury v patologii nervnoj sistemy* Generator. mehanizmy nejropatol sindromov [Determinant structures in the pathology of the nervous system Generator. mechanisms of neuropathology syndromes]. M.: Medicina, 358 p. (in Russian).

6. Lantsburg M.E., Krysanova T.V., Solovyeva E.V. (2016). Issledovaniya psihosomaticheskikh aspektov ginekologicheskikh i andrologicheskikh zabojevanij i besplodija: Obzor sovremennyh zarubezhnyh issledovanij [Investigation of psychosomatic aspects of gynecological and andrological diseases and infertility: A review of contemporary international researches]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 5(2), pp. 67–77. doi: 10.17759/jmfp.2016050209 (In Russian).

7. Kulakov S.A. (2003). *Osnovy psihosomatiki* [Fundamentals of psychosomatics]. SPb.: Rech', 288 p. (in Russian).

8. Malkina-Pyh I.G. (2005). *Psihosomatika: Spravochnik prakticheskogo psihologa* [Psychosomatics: Handbook of a practical psychologist]. M.: Jeksmo, 992 p. (in Russian).

9. Pajnz D. (1997). *Bessoznatel'noe ispol'zovanie svoego tela zhenshhinoj* [The unconscious use of one's body by a woman]. SPb.: sovmestnoe izdanie Vostochno-Evropejskogo instituta psihoanaliza i B.S.K. 195 p. (in Russian).

10. Solov'eva E.V. (2016). *Psihicheskoe razvitiye detej rannego vozrasta, zachatyh posredstvom jekstrakorporal'nogo oplodotvorenija, i ih vzaimodejstvie s materjami: dissertacija* [Mental development of young children conceived through in vitro fertilization and their interaction with mothers: dissertation]. Moskva. 225 p. (in Russian).

11. Trocuk I.V., Paramonova A.D. (2016). «Status» instituta sem'i v sovremennom obshhestve i semejno-brachnye cennosti molodezhi [The "status" of the institution of the family in modern society and the family and marriage values of youth]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. Serija: Sociologija. 16(3) (in Russian).

12. Uhtomskij A.A. (1966). *Dominanta* [The dominant]. M.; L.: Nauka. 273 p. (in Russian).

13. Filippova G.G. (2011). *Psihologija reproduktivnoj sfery cheloveka: metodologija, teorija, praktika*. [Psychology of the human reproductive sphere: methodology, theory, practice.] *Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn.* [Medical psychology in Russia: electron. scientific journal]. №6 (in Russian).

14. Filippova G.G. (2014). *Reproduktivnaja psihologija: psihologicheskaja pomoshh' besplodnym param pri ispol'zovanii vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij* [Reproductive psychology: psychological assistance to infertile couples using assisted reproductive technologies]. *Klinicheskaja i medicinskaja psihologija*:

issledovaniya, obuchenie, praktika [Clinical and medical psychology: research, training, practice]. 3(5) (in Russian).

15. Filippova G.G. (2018) Stress i narushenie reproduktivnoj funkcii [Stress and reproductive(in Russian). dysfunction]. Antologija Rossijskoj psihoterapii i psihologii: Setevoe nauchno-prakticheskoe izdanie [Anthology of Russian Psychotherapy and Psychology: Online scientific and practical publication]: Materialy itogovogo mezhdunarodnogo kongressa «Psihologija i psihoterapija kazhdogo dnja i vsej zhizni»: Moskva, 15—18 nojabrja 2018g. Moskva: Obshherossijskaja professional'naja psihoterapevticheskaja liga (in Russian).

16. Adler J.D., Boxley R.L. (1985). The psychological reactions to infertility: Sex roles and coping styles. *Sex roles*. Vol.12. pp. 271–279 (in English)

17. Barbieri R.L. (2019). *Yen & Jaffe's Reproductive Endocrinology*. 8th ed. Edited by: J.F. Strauss, R.L. Barbieri. Philadelphia: Saunders. pp. 979–1006. doi.org/10.1016/C2015-0-05642-8 (in English)

18. Belonoschkin, B. (1962). Psychosomatic factors and matrimonial infertility. *International Journal of Fertility and women's medicine*. Vol. 7. pp. 29–36 (in English)

19. Berg B.J. (1991). Psychological functioning across stages of treatment for infertility. *Journal of Behavioral Medicine*. Vol.14, №1. pp. 11-26. DOI:10.1007/BF00844765 (in English)

20. Boivin J. (2015). Evolution of psychology and counseling in infertility. *Fertility and Sterility*. Vol.104, №2. pp. 251–259. DOI:10.1016/j.fertnstert.2015.05.035 (in English)

21. Burns L.H. (2006). *Infertility counseling: A comprehensive handbook for clinicians*. Cambridge University Press. 678 p. DOI: 10.1017/CBO9780511547263 (in English)

22. Blenner J.L. (1990) Passage through infertility treatment: A stage theory. *Image Journal of Nursing Scholarship*. Vol. 22. pp. 153–158 (in English)

23. Christie G.L. (1998). Some sociocultural and psychological aspects of infertility. *Hum Reprod*. Vol.13, №1. pp. 232–41. DOI: 10.1093/humrep/13.1.232 (in English)

24. Daniluk J.C. (1988). Infertility: Intrapersonal and interpersonal impact. *Fertility and Sterility*. Vol.49, Issue 6. pp. 982–990 (in English)

25. De Liz T.M. (2005). Differential efficacy of group and individual couple psychotherapy with infertile patients. *Human Reproduction*. Vol. 20, №5. pp. 1324–1332. DOI:10.1093/humrep/deh743 (in English)

26. De Watteville H. (1957). Psychological factors in the treat-ment of sterility. *Fertil Steril*. Vol. 8, №1. pp. 12–24. DOI: 10.1016/s0015-0282(16)32582-1 (in English)

27. Donniss S. (1984). Common themes of infertility: A counseling model. *Journal of Sex Education and Therapy*. Vol.10. pp. 11–15 (in English)

28. Dunkel-Schetter C. (1997). *Fertility problems: Complex issues faced by women and couples*. Health care for women: Psychological, social and behavioral influences. Washington, DC: American Psychological Association. pp. 187–201 (in English)

29. Diamond R. (1999). *Couple therapy for infertility*. New York: Guilford. 243 p. (in English)

30. Engel G. (1977). The need for a new medical model: a challenge for biomedicine. *Science*. Vol. 8, №196. pp. 129–135. DOI: 10.1126/science.847460 (in English)

31. Fischer I.C. (1952). Psychogenic aspects of infertility. *International Journal of Fertility and women's medicine*. Vol. 4. pp. 466–471 (in English)

32. Frederiksen Y. (2015). Efficacy of psychosocial interventions for psychological and pregnancy outcomes in infertile women and men: a systematic review and meta-analysis. *BMJ Open*. Vol. 5, №1. DOI:10.1136/bmjopen-2014-006592 (in English)

33. Forrest L. (1992). Infertility: An unanticipated and prolonged life. *Journal of Mental Health Counseling*. Vol.14, №1. pp. 42–58 (in English)

34. Gove W.R. (1982). A restatement of the issue. In W.R. Gove & G.R. Carpenter (Eds.) *the fundamental connection between nature and nurture* Lexington. MA: Lexington Books. pp. 289–302 (in English)

35. Gerrity, D.A. (2001). Five medical treatment stages of infertility: Implications for counselors. *The Family Journal*. Vol. 9, №2. pp. 140–150 (in English)

36. Guttmacher A.F. (1956). Factors affecting normal expectancy of conception. *J Am Med Assoc*. Vol.161, №9. pp. 855–860. DOI: 10.1001/jama.1956.02970090081016 (in English)

37. Hansell P.L. (1998). The relationships of primary appraisals of infertility and other gynecological stressors to coping. *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. Vol. 5, pp. 133–145. DOI: doi.org/10.1023/A:1026238530050 (in English)

38. Hirsch A.M. (1989). The effect of infertility on marriage and self-concept. *Journal Obstet. Gynecol. Neonatal Nurs*. Vol.18, №1. pp. 13–20. DOI: 10.1111/j.1552-6909.1989.tb01611.x. (in English)

39. Lazarus R.S. (1984). *Stress, Appraisal and Coping*. New York: Springer. pp. 444 (in English)

40. Levin J.B. (1997). The effect of intracouple coping concordance on psychological and marital distress in infertility patients. *Journal of Clinical Psychology in Medical Settings*. Vol.4. pp. 361–372 (in English)

41. Lipowski Z.J. (1984). What does the word 'psychosomatic' really mean? A historical and semantic inquiry. *Psychosom. Med.* Vol.46, №2. pp. 153–171. DOI: 10.1097/00006842-198403000-00007 (in English)
42. McQueeney D.A. (1997). Efficacy of emotion focused and problem focused group therapies for women with fertility problems. *Journal of Behavioral Medicine.* Vol.20. pp. 313–331 (in English)
43. Menninger W.C. (1943). The emotional factors in pregnancy. *Bulletin of the Menninger Clinic.* Vol.7. pp. 15–24 (in English)
44. Menning B.E. (1977). *Infertility: A guide for the childless couple.* Englewood Cliffs N.J.: Prentice-Hall. 178 p. (in English)
45. Meyers M. (1995). An infertility primer for family therapists: II. Working with couples who struggle with infertility. *Family Process.* Vol.34. pp. 231–240 (in English)
46. Nachtigall R.D. (1992). The Effects of gender specific diagnosis on men's and women's response to infertility. *Fertility and Sterility.* Vol.57. pp. 113–121 (in English)
47. O'Moore, A.M. (1983). Psychosomatic aspects in idiopathic infertility: Effects of treatment with autogenic training. *Journal of Psychosomatic Research.* Vol. 27, №2. pp. 145-151. DOI:10.1016/0022-3999(83)90091-0 (in English)
48. Rakhimova M.M. (2022). Infertility in women classification, symptoms, causes and factors, recommendations for women. *Science and innovation.* Vol.1, №7. doi.org/10.5281/zenodo.7246833 (in English)
49. Templeton A.A. (1982). The incidence, characteristics and prognosis of patients whose infertility is unexplained / A.A. Templeton, G.C. Penney // *Fertility and Sterility.* Vol.7, №2. pp. 175–182. DOI: 10.1016/s0015-0282(16)46035-8 (in English)
50. Wischmann T.H. (2003). Psychogenic infertility myths and facts. *J Assist Reprod Genet.* Vol.20, №12. pp. 485–494. DOI: 10.1023/b:jarg.0000013648.74404.9d (in English)

Поступила в редакцию 28.12.2024 г.

PSYCHOLOGICAL THEORIES OF INFERTILITY: EVOLUTION OF IDEAS

Y.Y. Voskanyan, O.S. Vasilyeva

The relevance of the research topic is accounted for by the growing problems with the onset of pregnancy, as well as an increase in appeals to fertility issues. The article examines the works of foreign and domestic authors addressing the psychological aspects of infertility and the justification of this phenomenon. The classification of infertility forms is presented. The personal profiles of women with infertility, the etiology of which is unknown, are characterized. The psychogenic theory of infertility focuses on the etiology of its causes. The theory of life crisis focuses on the psychological consequences of infertility. The biopsychosocial theory of infertility corresponds to the model of stress and overcoming difficulties and considers this problem in a complex of intertwining biological, social, and psychological aspects. The psychophysiological mechanism of the reproductive sphere combines psychology, physiology, motivational-need sphere, and value-semantic formations. The review of the researches has shown that changes in understanding the psychology of infertility and infertility counseling turn out to be the key issues.

Key words: infertility, infertility of unknown etiology, fertility, reproductive sphere, reproductive age.

Восканян Яна Юрьевна.

Южный федеральный университет Академия психологии и педагогики, Ростов-на-Дону, Россия
Аспирант..

ORCID 0009-0009-8463-7132.

E-mail: Yana-nik@mail.ru

Васильева Ольга Семеновна.

Кандидат биологических наук, профессор. Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики, Россия, Ростов-на-Дону.

ORCID 0000-0003-0600-1066.

E-mail: vos@sfedu.ru

Voskanyan Yana Yurievna.

Southern Federal University, Academy of Psychology and Pedagogy, Rostov-on-Don, Russia.

Post-graduate student.

ORCID 0009-0009-8463-7132.

E-mail: Yana-nik@mail.ru

Vasilyeva Olga Semyonovna.

Candidate of Biology, Professor.

Southern Federal University, Academy of Psychology and Pedagogy, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID 0000-0003-0600-1066.

E-mail: vos@sfedu.ru

Научная статья

УДК 159.9:16

DOI: 10.5281/zenodo.14934757

МОДЕЛЬ ПСЕВДОДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЫСТРАИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2024 М.И. Яновский

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

ORCID: 0000-0002-9265-6917.

Предложена модель для анализа манипулятивных стратегий выстраивания социального пространства. Данные стратегии понимаются как формы псевдодеятельности, которые имитируют продуктивную деятельность, но в силу отсутствия определенных свойств продуцируют лишь отношения, используемые для извлечения психологических, а иногда материальных выгод. Автор исходит из идеи, что продуктивная деятельность должна содержать в себе как условие соединения стабилизирующего и активирующего факторов, удерживание объекта и воздействие на него. Псевдодеятельность возникает, когда деятельность сводится к одному из них. Ж. Пиаже считал, что подобные два типа когнитивных операций – охватывание и прицеливание – лежат в основе двух типов структурирования пространства незрелым эгоцентрическим сознанием: «пространство мест» и «пространство проекций». В статье развивается идея, что те же два типа когнитивных операций лежат и в основе выстраивания социальных пространств манипулятивного типа. Описано, как могли бы выглядеть подобные два типа организации социальных отношений. Для иллюстрации приведен анализ двух больших социальных групп. Обосновывается представление о свойствах продуктивной деятельности.

Ключевые слова: псевдодеятельность, пространство, социальное пространство, когнитивные операции, манипулятивные отношения.

Для цитирования: Яновский М.И. Модель псевдодеятельностных манипулятивных стратегий выстраивания социального пространства / М.И. Яновский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 1. – С. 173–184. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.14934757>.

Введение. Наше время характеризуется огромными социальными, политическими и психологическими напряжениями и конфликтами. Для их анализа и понимания используется традиционный набор инструментов: классические или новые политологические, экономические, философские концепции или взятые из них отдельные идеи. Однако чаще это не дает ожидаемого эффекта. Акторы, опирающиеся на такие концепции, могут достигать ситуативных результатов, но при этом все равно оказываются втянуты в нарастание клубка проблем разного качества и уровня. Одной из причин этого, на наш взгляд, является невозможность отстроиться от «кругооборота» проблем внутренне, ментально. Это можно уподобить персонажу из дзэнской притчи, который пытается преодолеть проблему вовне, не преодолевая то, что дает опору этой проблеме внутри его самого, в его уме [6]. Трудно найти решение проблемы, если ты внутри ее. Психологический фактор в этом смысле недооценен как фактор социальных процессов. Но недооценен он во многом потому, что сведен либо к фактору личности и ее чертам, либо к фактору эмоциональности. В действительности как минимум не менее важную роль играет когнитивная сфера, поскольку от нее зависит, как мы структурируем реальность, что мы замечаем в ней, на что реагируем и т.д.

Целью статьи является описание некоторых базовых способов построения образа социального пространства. Метод – теоретическое моделирование различных свойств

образов социального пространства, создаваемых двумя типами когнитивных операций. Данные типы операций были нами определены на основе исследования Ж. Пиаже, в котором им были выявлены базовые когнитивные операции, задающие структуру и другие свойства образа пространства в сознании человека [14]. Пиаже связывал два типа таких операций с эгоцентрическим сознанием. Эгоцентризм в социальном контексте может трансформироваться в манипулятивные стратегии поведения и отношений. Также, с нашей точки зрения, эгоцентризм, создавая отчуждение субъекта от реальности, в той или иной степени лишает продуктивности его деятельность. Его деятельность приобретает черты псевдодеятельности.

Охватывание и прицеливание – две операции формирования образа структуры пространства по Ж. Пиаже. Существует простая первичная форма продуктивного действия: держать объект и воздействовать на него. Синергия этих двух аспектов, держать и воздействовать, реализуемых, например, левой и правой рукой, обеспечивает продуктивность действия. В этом заложен общий принцип, характерный для продуктивной деятельности не только с материальными объектами, но и с объектами мысленными: чтобы обдумать мысль, нужно ее удерживать и нужно стимулировать ее движение, развитие. То же для деятельности духовного саморазвития, хоть и несколько иначе: двигаться в открывающемся внутреннем пространстве и удерживать внутреннюю собранность и направленность.

Продуктивная деятельность, таким образом, обеспечивается сотрудничеством удерживания и воздействия, стабилизирующего и активирующего элементов.

Но представим себе утрату их согласованного сотрудничества. Тогда возникают два вида действий, не производящих результат: 1) воздействие, как бы само по себе, без объекта (объект отсутствует или подменяется имитацией), и 2) удерживание само по себе, без воздействий на удерживаемое. Такие два вида непродуцирующих результат действий, но по каким-то причинам реализуемых людьми, могут характеризоваться как формы псевдодеятельности.

Псевдодеятельность как таковая не создает контролируемый, нужный результат, однако дает некоторый побочный эффект, и этот эффект может стать целью. Псевдодеятельность вводит субъекта в определенные взаимодействия со средой и тем конфигурирует пространство его отношений с ней. Этот важный эффект можно уподобить подстройке среды под себя совокупностью движений для расположения в ней, – что в целом уместно оценивать как своего рода средовый паразитизм.

Два аспекта действия, упомянутые выше, удерживание и воздействие, концептуально рассмотрены Ж. Пиаже в его теории спонтанных представлений о пространстве в процессе развития психики.

Согласно исследованиям Ж. Пиаже, в детстве человек использует по очереди на разных этапах развития два способа конфигурирования пространства: 1) пространство мест, топологическое пространство, 2) пространство проекций [14]. Пространство мест возникает из использования действия *охватывания* как метода ознакомления с пространством (место – это то, что охватывает, вмещает что-нибудь). Пространство проекций возникает из использования действия просматривания перспективы, т.е. как бы *прицеливания* для оценки направления, формы и т.п. (проекция – это то, что создается как бы прицеливанием из определенной точки зрения). Незрелое (по Пиаже – *эгоцентрическое*) сознание использует либо первое, либо второе представление или какое-то эклектическое их сочетание, смесь. Зрелое представление о пространстве содержит в себе те же компоненты, оба пространства, но не в форме просто сочетания, а в форме синергии: одно обеспечивает большие возможности другому, так же как в

продуктивной деятельности охватывание объекта помогает лучше и точнее воздействовать на него. По сути здесь мы имеем соответствие той же дилемме «продуктивная деятельность – псевдодеятельность»: продуктивная деятельность соответствует синергии этих двух пространств, псевдодеятельность – их отдельности или их механическому сочетанию без синергии.

Человек – существо социальное, и деятельность у человека социально обусловленная и социально обуславливающая. Поэтому имитация деятельности человеком – псевдодеятельность – также социальна и конфигурирует пространство социальное. Несмотря на содержательные различия социального и физического пространств, структурно они подобны, поскольку наше сознание использует набор *доступных* когнитивных операций для их конфигурирования и понимания.

Из этих сопоставлений, а также учитывая, что наше сознание использует ограниченный набор когнитивных операций, следует, что небезосновательным было бы представить операции *охватывания* и *прицеливания* как матричные для способов выстраивания социального пространства. Но пространства, адаптированного под эгоцентрическое сознание, т.е. сознание, отчужденное от объективной реальности и от реальных других людей, поэтому реализующее псевдодеятельность как форму паразитарной, по сравнению с полноценной аутентичной жизнедеятельностью, активности. (Некоторые формы псевдодеятельностной паразитарной активности давно известны и называются в религии «страстями». «Страсти» тоже связаны с *охватыванием* и *прицеливанием*. Например, обжорство, жадность производны от материального или мысленного *охватывания*, зависть, гнев производны от *прицеливания*, а гордыня, похотливость, тщеславие – своеобразное сочетание того и другого.)

Опишем модель таких типов выстраивания социального пространства.

Действие *охватывания* как основа стратегии организации социального пространства. Построение отношений посредством *охватывания* можно представить так. Субъект заполняет собой, делает своим все пространство, которое ему доступно. Заполняя все собой, субъект центрирует свое жизненное социальное пространство на своем эго. Поэтому здесь – форма эгоцентризма, которая может приближаться к солипсизму. С одной стороны, всеохватывание делает пространство максимально «своим» – «понятным», комфортным, позитивным. С другой стороны, поскольку кроме *охватывания* в данном случае нет других доступных когнитивных операций (или от них отказываются), то «несвое» попросту не признается. Любое ограничение отрицается, и абсолютизированное *охватывание* ведет к нетерпимости к чужому. В этом смысле возникает парадокс: *охватывание* вроде бы дает нечто осязаемое, положительное, но само по себе, без противовеса, оно тождественно агрессивному негативизму с «невинным лицом». (В качестве аналогии такие примеры: секты с крайними формами монотеизма неотличимы от жесткого атеизма; крайние формы абсолютной власти являются анархизмом одного лица, провоцирующим рано или поздно общую анархию.)

Такой способ построения отношений совпадает с эгоизмом, однако в отличие от эгоизма сознательного, он стихийен. *Охватывание* как основная форма действия может быть сопровождением как бы наивной *охваченности* испытываемой эмоцией. *Охваченность* сильной эмоцией приводит к отрицанию всего стороннего, и этим субъект ставит себя в позицию исключительности. Так возникают основания для генерирования мифа о причастности чему-либо большому, важному, исключительному. В этом своеобразный парадокс: вместе с нигилизмом и нетерпимостью к *неохваченному* с большой вероятностью формируется миф о причастности чему-то светлому и позитивному.

Следует отметить, что *охватывание* может иметь две ипостаси: 1) *охватывание* для расширения возможностей, посредством предварительной оценки среды, людей, объектов, и 2) *охватывание* для ограничения и принуждения (охватить и принудить всех одной целью). Первое переживается как чувство *причастности* чему-то, что дает право оценивать и *охватывать* (в т.ч. захватывать чужое), второе – как чувство вынужденности, *зависимости*. Это два ракурса одного и того же, но в силу возможности акцента на первое или второе возникают два подтипа. В одной из публикаций с нашим соавторством описаны социальные типы, реализующие чувство причастности и чувство зависимости [13].

Охватывание как стиль мышления – это экстенсивное движение ума, задаваемое постоянным соскальзыванием внимания в сторону. Возникает своеобразное «горизонтальное» мышление: движение ума не в суть объекта, а *охватывание* его проявлений, коллекционирование его и важных, и периферических свойств. Формируемые так понятия и суждения не подчиняются законам логики, например: поскольку при коллекционировании все что угодно может сочетаться с чем угодно, то не действует закон противоречия и закон «исключенного третьего». Также скольжение ума затрудняет реализацию закона тождества (фиксированности объекта мысли). Соскальзывание ума создает тенденцию к постоянному сравнению (лучше-хуже, больше-меньше и т.д.). Сравнение как норма в социальном пространстве (т.е. соскальзывание ума в сторону) создает в сознаниях индивидуумов почву для развития разных форм завистливости как сочетания чувства неполноценности с чувством превосходства, завистливость способствует жадности, жадность – импульсивной страстности и раздражительности. Происходит также замена поиска сущностных свойств и закономерностей в объектах поиском злой или доброй воли в любом явлении, что в сочетании с завистливостью и другими формами страстности приводит к паранойяльности.

Псевдодеятельность – это имитация подлинной, продуктивной деятельности. Что именно имитируется в данном случае? На наш взгляд, *охватывающий* имитирует, что он имеет *право* и что он несет *ответственность*.

Такой тип социального пространства может вызываться к жизни задаванием вопросов: «Кто жертва и кого следует наказать?» («жертва» – это тот, кто несправедливо *охвачен* чужой волей, наказание – это справедливое *охватывание* своей волей)

Пример характера, продуцируемого *охватыванием* – «х.» (предоставим читателю возможность самому расшифровать аббревиатуру «х.» в своем варианте). Сферы деятельности, которые хорошо получались у «х.», связанные с вариациями действия охватывания: собирание и хранение чего-либо, с возможностью дать кому-либо во временное пользование (книги, земли, деньги и т.д.), выстраивание социальных отношений по типу навязывания своих услуг. Писатель В.В. Розанов обращал внимание, что стиль построения отношений у «х.» – своеобразное осторожное, но навязчивое присоединение, заполнение собой, предложение помощи, с эмоционально позитивной окраской, с ожиданием ответной симпатии. Это, очевидно, стиль отношений, основанный на *охватывании* социального микропространства.

Охватывание может быть и чисто психическим, или духовным. Так, охваченность сильной эмоцией – одно из характерных в повседневной жизни состояний у «х.». Эту же эмоцию они стремятся показать всем, заполнить ею все доступное социальное пространство. Поэтому сознанию «х.» присущи и отрицание всего, что чужеродно подобному своему состоянию, и чувство своей исключительности, и мифы о причастности чему-либо большому, важному, исключительному (причастность «Я.», причастность народу как единому телу, также присуще чувство зависимости от «Я.» и народа как своего тела).

«Х.»-й национальный характер в значительной мере связан с «экзистенциальным» вопросом: «Кто жертва? И кто должен быть наказан?» Образ «жертвы» – ось данного характера. Впрочем, как и образ «преследователя» («обидчика», «злодея»). При этом и переживать себя «жертвой», и быть «преследователем» – реализации не только образа *охватывания* кого-либо социальными санкциями, но и выражения состояния *охваченности* эмоциями, причем с *охватом* социального пространства вокруг себя («жертву» все должны жалеть и т.п.). Интересно для понимания внутренней логики «х.»-го характера: склонность переживать себя «жертвой» (а во многих случаях входить в состояние «преследователя») входит также в состав чувства собственности: неслучайно переживания себя «жертвой» особенно остры, когда человек теряет именно собственность. Чувство собственности и в целом – это прямое воплощение операции *охватывания* (и на мысленном, и на физическом уровнях). Поэтому логично, что и развитое чувство собственности – характерная черта «х.».

Переживание себя «жертвой» – это переживание себя «маленьким». Но при этом у «х.» одновременно есть переживание своей причастности к чему-то большому, большой силе. Это игра на контрасте, от которой «х.» получает удовольствие с примесью злорадства и самодовольства (я маленький, но за мной – огромная сила). Заметим, что это может осознаваться как форма утверждения добра, морали, но в действительности это имеет отношение не к морали, а к самоутверждению.

Стиль мышления, изложения аргументации «х.» реализует как то же *охватывание* – движение по горизонтали. Вообще когнитивное скольжение по горизонтали – не просто следствие невнимательности, а использования невнимательности как своего рода приема работы сознания. Невнимание создает стратегию мысленного как облегчения объекта вместо прямого контакта с ним. Такой прием продуцирует изолированность объекта сознания. Когда объектом становится сам субъект, то он так мысленно изолирует себя. Это одна из причин, чисто когнитивная, чувства противопоставления всем и чувства «избранности» «х.», парения ума и надменности.

Движение «х.»-го ума по горизонтали дает вместо погружения в суть предмета нахождение все новых и новых фактов о нем, аргументов (иногда неожиданных), их накопление, своего рода коллекционирование [9, с. 239]. «Х.»-й юмор часто строится на нарушении закона противоречия и закона «исключенного третьего» (классический например: «если нельзя, но сильно хочется, то можно»). А игнорирование закона тождества объекта стало основой для теории и для морального аргумента, на которых держится зарабатывание денег на их продаже: теория способности денег к самовозрастанию. Суть теории в том, что деньги не тождественны себе и, если их поместить в правильно выбранное место, то они сами растут.

Охваченность долгами, возникающая из стремления к исполнению желаний во что бы то ни стало, и из их ростовщического кредитования (т.е. продажи денег), – в системе мировоззрения «х.» является нормальным, поскольку нормальным является состояние зависимости – разновидности *охваченности*. В этом случае проявляется еще одна существенная сторона социального сознания, выстраиваемого на *охватывании*. В реальной деятельности важный компонент – контроль продукта, проверка его соответствия цели. Для ума, ограниченного *охватыванием* как когнитивной операцией, контроль продуктивности сводится к оценке исполнения желания – т.е. к оценке поглощения-непоглощения предмета желания, поскольку поглощение – очевидно разновидность того же *охватывания*. Исполнение желаний, однако, маркер субъективный, поэтому ложный и, как все, основанное на *охватывании* самом по себе, псевдодеятельностный.

«Х.»-я религиозность противоречива, но, как представляется, на ее характер значительное влияние оказала как раз ментальная операция *охватывания*. С одной стороны, она – образец монотеизма, который является основой также ряда религий. Но, с другой стороны, образ «бога» у «х.» характеризуется как тотальный «властитель», превосходящий любые границы (собственно, поэтому религиозное сознание здесь выглядит как причастность «маленького» чему-то очень «Большому», способному одолеть любого противника). Но если этот образ божества основывается на превосхождении любых границ, то не заложена ли здесь идея разрушения, нигилизма?⁸ Не заложено ли здесь представление о некоем «Узурпаторе»? Отношения с таким «Узурпатором» не подобно ли отношениям с главой некой глобальной криминальной структуры (смесь страха, подавляемой ненависти, мазохистского обожания – как отношение к «Крестному отцу» мафии)?.. Если так, то сохранение такой религиозности для конкретного индивида предполагает элемент самопринуждения, насилия над собой. И такая религиозность несет в себе большой заряд потенциального нигилизма, в частности атеистичности как бунта против «узурпатора» (главная идея философии «Открытого общества» Дж. Сороса).

Интересным может быть сравнение с пониманием души в иудаизме, ставшее отправной точкой для теории З. Фрейда [11]. Три внутренних психических уровня человека – «нэфэш» и т.д. – являются в то же время автономными, самостоятельными (так же, как у Фрейда «Сверх-Я», «Я» и «Оно»). Уровни, таким образом, являются не разными режимами единой психической активности, а системой внутренних квазиличностей, которые независимы друг от друга, но в то же время неравноценны. Следствием самосознания, так устроенного, является легализация и, в какой-то мере, реабилитации аморальности как неотъемлемой части внутреннего устройства личности, утверждение права на внутреннюю раздвоенность – лукавство и на зло как естественных «попутчиков» стремления к добру. Это своеобразный вариант реализации стремления к полноте *охвата* разнородных сторон личности человека.

Охватывание в той или иной форме приводит к отрицанию всего *неохваченного*, т.е. к нетерпимости и нигилизму. Нигилизм же, обращенный на человека, возникающий как коррелят переживаемой причастности какой-то абсолютизируемой силе, как бы служения ей, может реализовываться в своей крайней форме как расчеловечивание. Расчеловечивание – это особая форма мысленной операции *охватывания*, это как бы «заботливый» сброс в ничто, мысленное *поглощение* «ничем». Оно может иметь степени от презрительного пренебрежения к человеку с иными взглядами до отрицания как такового. По сути расчеловечивание – атрибут расизма [7]. Религиозный философ С.Н. Булгаков утверждал в 1942 г.: «национал-социализм <...> представляет собой не что иное, как пародию и вместе повторение или по крайней мере вариант на темы и <...> {религиозного} мессианизма» [2].

Действие прицеливания как основа стратегии организации социального пространства. В *прицеливании* субъект противоположен *охватыванию*: если в охватывании он как бы ассимилирует все, игнорируя рамки и границы, то прицеливанием, наоборот, граница, форма объекта, утверждается. Вообще исходный смысл *прицеливания* – подготовка воздействия и мысленное воздействие на объект. Но если прицеливание реализуется без фиксации реального объекта (т.е. без «объективации»), само по себе, то это превращается – в социальном пространстве – в *навязывание* социальному объекту (т.е.

⁸ В христианстве Бог бесконечен, а по словам Николая Кузанского, «бесконечность ни для чего не больше, ни для чего не меньше, ничему не равна» [5, с. 62], поскольку «бесконечное количество не количество, а бесконечность» [5, с. 63].

субъекту) определенной формы, *представливание* ее (*представливание*, по Ф. Brentano, – это один из трех видов актов сознания; в нем реализуется воссоздание и распоряжение субъектом перед собой некоторого образа реальности – вместо самой реальности [1]). Форма эта – либо по форме самого субъекта *прицеливания* (тогда это проекция), либо по образцу какого-либо подобранного другого объекта (использование эталона). Навязываемая форма может быть ловушкой, которой пользуется субъект *прицеливания* для когнитивной и поведенческой «парализации» своего объекта. Поэтому навязывание формы социальному объекту (в отличие от объективной фиксации формы) зачастую является компонентом манипуляции, как бы дистанционным управлением, обманом, своего рода социальной магией (социальной инженерией). Поскольку все это – псевдодеятельность и реальность здесь не имеет значения, то *представливание* становится парадигмой для построения всего социального пространства, в т.ч. себя. Поэтому субъект и себя замещает некой формой, и стремится ей соответствовать (реализовывать подходящие ролевые модели, когнитивные схемы). В таком социальном пространстве действует норма: то, как ты себя представляешь, какому образу ты соответствуешь, то ты и есть. Лжи здесь нет, потому что здесь все – форма, покрывающая содержание (т.е. здесь ложь – все).

В этом смысле когнитивный стиль, создаваемый *прицеливанием*, состоит в накладывании на объекты условных форм и имен, создании конвенциональной виртуальной реальности (в т.ч. в форме шулерской игры, взаимного обмана). В ней действуют не законы логики, а приемы воображения, реализуемые по конвенциональным алгоритмам и автоматизмам (ср.: в американском образовании популярна идея, что учить нужно не мышлению, а алгоритмам цепочек действий при решении задач).

Отметим, что *прицеливание* также может иметь две разновидности: помимо «представливания» как подмены объекта неким его образом, также еще вариант оценивания. Они порождают в сознании: 1) «представливание» – чувство соответствия-несоответствия и вовлечение себя и других в соответствие заданным формам; 2) оценивание – чувство полезности и вовлечение себя и других в то, чтобы быть полезным. Это два ракурса одного и того же, но в силу возможности акцента на первое или на второе возникают два подтипа. Эти два подтипа описаны нами, как реализующие отношения соответствия-несоответствия и отношение полезности-бесполезности [13].

Прицеливание, таким образом, может выполняться как воображаемое воздействие и как оценка. Соединение того и другого – симпатия. Поэтому чувство симпатии – закономерный элемент социального пространства, продуцируемого *прицеливанием*. А само такое социальное пространство нередко может вызываться к жизни задаванием вопроса: «Кто мне симпатичнее?».

Что именно имитируется *прицеливанием* в социальных отношениях? На наш взгляд, *прицеливание* является основой для имитаций в социальном пространстве функциональной направленности процесса деятельности и ценности чего-либо для использования как средства достижения цели («*прицеливающийся*» имитирует, что он знает, как делать, и чем делать для движения вперед).

В целом уместна параллель с такой типологией форм паразитарных социальных позиций как классификация эго-состояний по Э. Берну – так называемый «Драматический треугольник Карпмана»: «жертва» и «преследователь» – продукт операции *охватывания*, «спасатель» (и «предатель» как антипод «спасателя») – продукт операции *прицеливания*.

Пример типа, пользующегося *прицеливанием* как ключевой ментальной операцией, – «у.» (также предоставим читателю возможность конкретизировать аббревиатуру «у.»)

самостоятельно). Даже в простом смысле: «у.» изобрели виды спорта, в которых *прицеливание* играет ключевую роль: футбол, бокс, баскетбол, крокет и др.

Прицеливание включено у «у.» в способы построения отношений. «У.» очень любят и романтизируют шпионскую деятельность. Характерная позиция в решении деловых вопросов – точечные вмешательства, при имитации якобы либеральной позиции невмешательства, отстраненности. Один из ярких образов литературы фэнтези – «всевидящее око» – рожден «у.»-м воображением (фэнтэзийный эпос о кольцах всевластья).

«У.»-й национальный характер во многом определяется процессом решения «экзистенциальной» (для «у.») проблемы, в которой заложено своего рода социальное *прицеливание*: «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей?» Как следствие, образ благородной, но как бы неформальной элитарности, ореол референтной статусности и одновременно демократичности – атрибут «у.». Поэтому «у.» эксплуатирует образ благородного «Спасателя» в тех или иных вариациях. Но при этом порой получает удовольствие от своих, неожиданных для почитателей «у.» харизмы, переходов в позицию «Предателя»; вероятно, это дает своеобразное самоутверждение, «минуту торжества» от победы над доверчивыми «глупцами». Врагов «у.» как бы назначает, с долей произвола. Причиной же является подгонка и покрывание какого-либо субъекта заготовленным образом, т.е. собственно «представление». Так работает сознание «у.». Неслучайно русский зритель испытывает удивление, когда видит, как изображают русских в «у.»-х фильмах, оттого что на место реальных русских подставляется какой-нибудь карикатурный стереотип из числа имеющихся в виртуальном мире «у.».

И в целом представление – это метод создания виртуальной реальности, заменяющей объективную реальность. Чтобы это срабатывало, «у.»-е сознание выработало навыки высокого уровня в искусстве создания правдоподобий. Поэтому «у.» склонен выдавать себя за борца за правду, разоблачителя лжи. Однако, зафиксировав кого-либо моральным «разоблачением», «у.» нередко пользуется растерянностью объекта «разоблачения», чтобы что-то из его ценностей присвоить. (Так, богатые люди разных стран свозят к «у.»-м свои капиталы, веря в «у.»-е правосудие и порядочность, но эти капиталы, как правило, навсегда остаются у «у.».)

«У.» внешне всегда прагматичен, направлен на цель, адаптирован к правильно организованному процессу (в образовании, в экономике, в науке и т.д.). Но внутренне «у.» – хищник: сочетание *прицеливания* с *охватыванием* того, на что нацелился, создает когнитивную структуру, идеальную соответствующую воровству. Действительно, в «у.»-й классической литературе образ вора нередко бывает с вполне положительной коннотацией.

Общение с «у.» нередко создает субъективное впечатление, что «у.», как будто находясь в каком-то ментальном укрытии, целится взглядом во что-то рядом с тобой. Также в рассуждениях: «у.» говорит по форме логично, прямо, но, как правило, смысл сдвинут, идет как бы в обход сути происходящего, иначе говоря, придает ему карикатурность. Позиция «у.» обычно формально правильна, но при этом всегда возникает явное или неявное впечатление, что «у.» подменяет смысл и агрессивно навязывает свою волю.

«У.» умело имитирует целенаправленность процессов жизнедеятельности: увлекательность, прагматизм, и т.д. Особенно это проявляется в кинематографе: сюжеты и интриги «у.»-го кино имеют характер «бурного», насыщенного, целенаправленного процесса, но анализ показывает, что это лишь поверхностное впечатление. Драмы, трагедии, комедии – их целенаправленность имитационна, имеет характер шоу, она возникает из «ничего», и после ее завершения ничего не остается.

Стиль мышления, изложения аргументации у «у.» прямолинеен как линия прицела [9, с. 239]. При этом «у.» склонны к оперированию не абстрактными понятиями, а эмпирическими образами [10], отсюда их склонность к представлению и подмене реальности системой образов, т.е. конвенциональной воображаемой (виртуальной) имитацией реальности.

В частности, одно из любимых занятий «у.» в наше время – игры со своей идентичностью.

Псевдодеятельностный характер двух типов организации социального пространства. Почему описанные две стратегии построения социальных отношений мы оцениваем как псевдодеятельность? Каковы основания для противопоставления психологических эффектов псевдодеятельности и подлинной, продуктивной деятельности? На наш взгляд, псевдодеятельность растрчивает или блокирует возможности развития субъекта, в отличие от деятельности продуктивной.

В подлинной деятельности субъект удерживает объект и изменяет его. Это значит, что исходное условие здесь – сопряжение субъекта и объекта. Поэтому продуктивная деятельность – та, которая производит сдвиг изменения и объекта, и самого субъекта, причем сопряженно. Об этом писал С.Л. Рубинштейн: изначально в деятельности человека сопряжены воздействия на мир с развитием субъектом самого себя, его самоактуализацией [8].

По сути, это означает, что подлинная деятельность – это саморазвитие того, частями чего являются субъект и объект: труд в его изначальной природе. Известный философ Э.В. Ильенков, размышляя над природой труда, писал: «Труд всегда, с самого начала, поскольку он действительно есть человеческий труд, а не внешне схожая с ним и исторически предшествующая ему трудоподобная деятельность животных, есть процесс саморазвития, самодвижения» [3, с. 189]. Естество труда таково, что способности и потребности, реализуемые и формируемые ими, «замыкаются как причина и следствие, меняются местами и создают то отношение постоянного внутреннего взаимодействия, все время расширяющего свои размеры, которое и является первым и основным признаком процесса саморазвития, самодвижения» [там же]. Это труд как потоковое состояние [12], как сфера социально полезных продуктов и одновременно самоактуализации субъекта [4].

Действительно, подлинная деятельность вписана в мировое эволюционирование, является частью его, соприродна ему, т.е. ей присуще саморазвитие. Как и продуктивная деятельность, развитие не отрицает *охватывание* и *прицеливание*, а напротив – их синтезирует. Так, в развитии органично соединяется: 1) процесс *охватывания* объектов действиями, изменяющими их, плюс *охваченность* самого субъекта изменениями и 2) вектор направленного, как бы *прицельного* движения субъекта к цели. Соединение того и другого выражено в спиралевидном движении: как бы круги *охватывания* множества положений, ситуаций, трансформирующих воздействий на объекты и линии *прицеливания* на движение вперед.

Важно, что развитие – это процесс проявления непроявленного (потенциального). Поэтому развитие не может быть только искусственным, так же как не может быть и процессом только естественным. Развитие – и то, и другое. Оно заряжено интенциональностью, стремлениями, но содержит в себе и отстраненность от стремлений, и их преодоление, – иначе субъект не смог бы развиваться, а лишь исполнял свои стремления (желания). Это возможно благодаря присутствию в развитии *меры* развития – внутренней для процесса развития, но не зависящей от воли субъекта.

Охватывание, когда оно реализуется само по себе, продуцирует социальное пространство, в котором развитие субъектов замещается адаптацией среды под себя, гедонистическими ценностями, которые ведут к эксплуатации и истощению среды. Сама среда тоже состоит из субъектов и объектов, в каждом из которых есть потенциал развития. Но когда эти субъекты и объекты оказываются вовлечены в социальное пространство, сформированное как пространство *охваченности*, на их энергии развития паразитирует *охватывающий*. Энергия развития вместо продуцирования восходящих изменений канализируется в поддержание комфорта, разнообразных сильных эмоций и т.д. В этом псевдодеятельностный характер такой деятельности.

Прицеливание, когда оно реализуется само по себе, продуцирует социальное пространство, в котором все искусственно, надуманно, много поверхностных эмоций и фальшивых смыслов, но нет прогресса, поскольку актуализация глубины естества, потенциала возможностей, т.е. проявление непрявленного в человеке и объективной реальности пресекается. Создаются и навязываются искусственные новшества, которые выдаются за прогресс. (Показательна в этом смысле современная форма псевдопрогресса: выдавать возможность произвольно менять пол за прогресс человеческого общества.)

Псевдодеятельность – это либо движение по кругу, стагнация, либо движение в «дурную» бесконечность, бесконечность бессмысленных изменений.

Выводы. Таким образом два типа когнитивных операций – «*охватывание*» и «*прицеливание*», выделенные Ж. Пиаже, могут рассматриваться как основа выстраивания социальных пространств манипулятивного типа. Возможно построение теоретической модели, как могут выглядеть подобные два типа организации социальных отношений. Применение моделей к реальным этносоциальным группам показывает значительное их соответствие.

Социальные пространства манипулятивного типа в целом могут пониматься как реализующие псевдодеятельность. Псевдодеятельность является формой блокировки возможного развития, растратой потенциала развития как общества в целом, так индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брентано Ф. Избранные работы / Ф. Брентано. – М. : Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с.
2. Булгаков С.Н. Расизм и христианство / С.Н. Булгаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vehi.net/bulgakov/rasizm/rasizm.html> (дата обращения: 10.12.2024)
3. Ильенков Э.В. Логика Маркса: Собр. Соч. Т. 7. / Э.В. Ильенков. – М. : Каон+ РООИ «Реабилитация», 2023. – 544 с.
4. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу / Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. Научн., ред., вступ. статья и коммент. Н.Н. Акулиной. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.
5. Николай Кузанский. О видении бога / Николай Кузанский // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х т. Т. 2. / Общ. ред. В.В. Соколова и З.А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1980. – С. 33–94.
6. Плоть и кость дзэн / Пер. с англ. В.И. Нелина. – Калининград: Российский Запад, 1992. – 192 с.
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3379 / Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_3379 (дата обращения: 10.12.2024)
8. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) / С.Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. – 1986. № 4. – С. 101–108.
9. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение / Г.К. Триандис / Пер. В.А. Соснин. – М. : ФОРУМ, 2007. – 384 с.
10. Флоренский П.А. Мысль и язык / П.А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. Т. 3(1) / Составление игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. С. 104–118.

11. Цокуров А.А. Проблема взаимосвязи концепции личности З. Фрейда с представлениями о душе в иудаизме / А.А. Цокуров, М.И. Яновский // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Донецк, 07 декабря 2023) / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Донецкий гос. ун-т, каф. психологии [и др.]; под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангилиной. – Донецк: ДонГУ, 2023. – С. 152–157.

12. Чиксентмихайи, М. Поток. Психология оптимального переживания / М. Чиксентмихайи / Пер. с англ. [Е. Перовой; науч. ред. Д.А. Леонтьева]. – М.: Смысл: АНФ, 2011. – 460 с.

13. Яновский М.И. О психологических механизмах, создающих характер человека / М.И. Яновский, Н.А. Борисов, Ю.М. Кузнецов // Психология и Психотехника. – 2022. № 4. – С. 73–88. – DOI: 10.7256/2454-0722.2022.4.37859

14. Piaget J., Inhelder B. La représentation de l'espace chez l'enfant. – Paris: Presses universitaires de France, 1948. – 581 p.

REFERENCES

1. Brentano F. (1996). Izbrannye raboty [Selected works]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo, 176 p. (In Russian)

2. Bulgakov S.N. (1943). Rasizm i khristianstvo [Racism and Christianity]. URL: <https://vehi.net/bulgakov/rasizm/rasizm.html> (date of application: 10.12.2024) (In Russian)

3. Ilyenkov E.V. (2023). Logika Marksa: Sobr. Soch. [Marx's logic: Collected Works]. Vol. 7. Moscow: Kaon+ ROOI «Reabilitaciya», 544 p. (In Russian)

4. Maslow A. (1999). Dal'nie predely chelovecheskoy psikhiki [The far limits of the human psyche]. Saint Petersburg: Evraziya, 432 p. (In Russian)

5. Nikolay Kuzanskiy (1980). O videnii boga [About God's vision]. In: Nikolay Kuzanskiy. Works in 2 vols. Vol. 2. V.V. Sokolov i Z.A. Tazhurizina (Eds.). Moscow: Mysl' (pp. 33–94). (In Russian)

6. Plot' i kost' dzen (1992) [The flesh and bone of Zen]. Translated from the English by V.I. Nelina. Kaliningrad: Rossiyskiy Zapad, 192 p. (In Russian)

7. Rezolyuciya General'noy Assamblei OON 3379 (1975). Wikipedia article [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Резолюция_Генеральной_Ассамблеи_ООН_3379 (date of appeal: 10.12.2024) (In Russian)

8. Rubinshteyn S.L. (1986). Printsip tvorcheskoy samodeyatelnosti (k filosofskim osnovam sovremennoy pedagogiki) [The principle of creative self-activity (on the philosophical foundations of modern pedagogy)]. Voprosy psikhologii. 4, pp. 101–108 (In Russian)

9. Triandis G.K. (2007). Kul'tura i social'noe povedenie [Culture and social behavior]. Translated by V.A. Sosnin. Moscow: FORUM, 384 p. (In Russian)

10. Florenskiy P.A. (2000). Mysl' i yazyk [Thought and language]. In: Works: in 4 vols. Vol. 3(1). Compl. Abbot Andronik (A.S. Trubachev), P.V. Florensky, M.S. Trubacheva; ed. Abbot Andronik (A.S. Trubachev). Moscow: Mysl' (pp. 104–118) (In Russian)

11. Tsokurov A.A. & Yanovsky M.I. (2023). Problema vzaimosvyazi kontseptsii lichnosti Z. Freyda s predstavleniyami o dushe v iudaizme [The problem of interrelation of the concept of personality S. Freud's ideas about the soul in Judaism]. Lichnostnyie i situatsionnyie determinanty povedeniya i deyatelnosti cheloveka: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Donetsk, 07 dekabrya 2023). M-vo nauki i vyssh. obrazovaniya Ros. Federatsii, Donetskii gos. un-t, kaf. psikhologii [i dr.]; pod obshch. red. A.V. Gordeevoy, E.A. Angelinoy. Donetsk: DonGU. (pp. 152–157). (In Russian)

12. Csikszentmihalyi M. (2011). Potok. Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya [The psychology of optimal experience]. Trans. from English [E. Perova; scientific ed. by D.A. Leontiev]. Moscow: Smysl: ANF, 460 p. (In Russian)

13. Yanovsky M.I., Borisov N.A. & Kuznetsov Yu.M. (2022). O psikhologicheskikh mekhanizmah, sozdayushchih kharakter cheloveka [About the psychological mechanisms that create a person's character]. Psikhologiya i Psikhotehnika, 4, pp. 73–88, DOI: 10.7256/2454-0722.2022.4.37859 (In Russian)

14. Piaget J. & Inhelder B. (1948). La représentation de l'espace chez l'enfant. Paris: Presses universitaires de France, 581 p. (In French)

Поступила в редакцию 29.12.2024 г.

MODEL OF PSEUDO-ACTIVITY MANIPULATIVE STRATEGIES FOR BUILDING UP SOCIAL SPACE

M.I. Yanovsky

The article deals with a model, proposed for analyzing manipulative strategies for building up social space. These strategies are treated as forms of pseudo-activity that imitate productive activity, but being devoid of certain properties, they produce only relationships used to get psychological and sometimes material benefits. The author proceeds from the idea that productive activity should contain, as a condition, a combination of stabilizing and activating factors, object retention and impact on it. Pseudo-activity occurs when activity is reduced to one of them. J. Piaget believed that such two types of cognitive operations – embracing and aiming – underlie two types of space structuring by an immature egocentric consciousness: the "space of places" and the "space of projections". The idea is maintained that the two similar types of cognitive operations underlie the construction of manipulative-type social spaces. The author describes what such two types of social relations are like. The approach is illustrated by the analysis of two large social groups. The idea of the productive activity properties is grounded.

Keywords: pseudo-activity, space, social space, cognitive operations, manipulative relations.

Яновский Михаил Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры общей психологии.

ORCID 0000-0002-9265-6917.

E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

Yanovsky Mikhail Ivanovich.

Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Associate Professor at Department of General
Psychology.

ORCID 0000-0002-9265-6917.

E-mail: m.i.yanovsky@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректурa статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо*, *можно*, *пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 *Т.А. Дьякова*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда

и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копые: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
 2. Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
 3. Blasco Ferrer, E. (1993). *Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica?* [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2025. – № 1

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец